

Эдуард Шифман

Миры Чжу

Эдуард Шифман

Миры Чжу

«Автор»

2026

Шифман Э.

Миры Чжу / Э. Шифман — «Автор», 2026

Во время обычного авиарейса главный герой Эрто испытывает VR-устройство и оказывается за пределами привычной реальности. В центре этой вселенной — Чжу, создатель симуляций, от которого зависит судьба целых цивилизаций. Пока одни стремятся к спасению, другие превращают переход между мирами в средство власти и охоты. Эрто предстоит сделать выбор между властью, верностью и состраданием. Реальность хрупка, а граница между сном и явью условна

© Шифман Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Триатрия. Вызов	10
Реальность	16
Триатрия	18
Встреча с Чжу	19
Исход триатрийцев	28
Поля охлаждения	29
Паническая атака	31
План спасения	34
Южные земли. Перна	37
Великий Исход	39
Возвращение	41
Купол	45
Эрто	48
Искусство прятаться	50
Исход людей	53
Правый и Левый	55
Разрушение купола	58
Вольная провинция Хтонь. Кто я?	59
Лопоух	63
Город	68
Урс	71
Вечер	74
Сон Эрто	77
Ночь	78
Утро	80
Лес	82
Атака	87
Перна	90
Йокку	94
Эрто	96
Колодец	99
Маяк	101
Выздоровление	103
Южные земли. Кривой	104
Тэя	107
Весть	110
Зверь	112
Диатрия. Пробуждение	120
Диатрия	121
После пробуждения	123
В библиотеке	126
Крис	129
Сафари	132
Конец сафари	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Эдуард Шифман

Миры Чжу

Пролог

Я лечу рейсом Ryanair из Рима в Корк. Мне нравятся лоукостеры с их скромной уверенностью в том, что они никому ничем не обязаны. Их миниатюрный ящик для контроля размеров багажа — вершина эволюции принципа «Плати или проваливай». Обычно он стоит у выхода на посадку с откинутой крышкой, словно поджидая жертву. Около него разыгрываются маленькие трагедии.

Вот и сейчас пассажиры с плохо скрываемым злорадством наблюдают за молодым человеком. Все в нем говорит о наивности: близорукие глаза за толстыми стеклами в старомодной оправе, нелепый клетчатый пиджак, штаны до лодыжек, вязанные гетры, стоптанные туристические ботинки и, в довершение всего, сумка на колесах. С такими сумками пенсионеры ходят за продуктами.

Спектакль начинается с попытки втиснуть сумку в калибратор. Мешают колеса и металлическая рама. Глаза служащей в синем костюме и белой блузке с желтым шейным платком загораются алчным огнем. Несчастный пытается ее уговорить. Та мягко, но неумолимо отказывается признать сумку ручной кладью.

Молодой человек не сдастся и делает то, на что способен только пассажир лоукостера: отрывает от сумки металлическую раму с колесами. Лишенная жесткой конструкции, сумка под натиском сильных рук помещается в ящик, и крышка прижимает ее сверху. Служащая теряет интерес к происходящему.

Переменчивая толпа аплодирует. Молодой человек смущенно улыбается, словно извиняясь за то, что ничего душераздирающего не произошло. Его взгляд задерживается на мне, и у меня возникает ощущение, что я где-то уже видел эти очки в широкой оправе и эти вязанные гетры.

В самолете мы оказываемся соседями. Я сижу у окна, он — у прохода. Кресло между нами свободно, и я кладу на него телефон и посадочный талон. Двигатели гудят, обшивка дрожит, самолет отрывается от земли.

— Позвольте представиться, мистер Эрто. Меня зовут Чжу, — неожиданно обращается ко мне сосед.

— Мы уже встречались?

Он опускает взгляд на мой посадочный талон.

— Простите, мистер Эрто. Пожалуй, мне не стоило начинать знакомство таким образом.

— Ничего страшного, мистер Чжу. Рад знакомству, — говорю я и убираю посадочный талон в карман.

— Я обратил на вас внимание еще у выхода на посадку. Вы единственный, кто не улыбался, глядя на мои мучения.

— Когда-то я и сам столкнулся с похожей проблемой, поэтому был рад, что вы не рас-
терялись.

— Вы очень добры, — говорит он и, немного помедлив, добавляет: — Мне показалось,
что вы не торопитесь судить по внешности.

— Вы поэтому со мной заговорили?

— Конечно. Вы не представляете, как трудно иметь дело с людьми. Большинство считает,
что достаточно посмотреть, как человек одет и какая у него сумка, чтобы решить, чего он
заслуживает.

— Вы правы. Вас это задевает?

— Что вы! Конечно нет. Я хочу помочь людям.

Признаться, я побаиваюсь тех, кто хочет помочь всем сразу: обычно это плохо кончается.
Мне становится не по себе, и мой собеседник, похоже, замечает это.

— Не волнуйтесь, — говорит он. — Я не собираюсь никого переделывать. Я инженер
и кое-что изобрел. Надеюсь, мое устройство поможет людям взглянуть на мир без предубеж-
дений.

— Вы меня заинтриговали. Я всегда считал, что с предубеждениями бороться беспо-
лезно. Что же вы изобрели?

— Я бы предпочел не объяснять, а показать.

— Показать?

— Предлагаю вам попробовать.

— Прямо сейчас?

— Почему бы и нет? Впереди почти четыре часа полета.

Я не успеваю придумать вежливый отказ. Чжу поднимается, достает с багажной полки
сумку, ставит ее между нами и открывает. Некоторое время он молча роется внутри, потом
вынимает небольшой плоский футляр, похожий на очечник. Заметив мое беспокойство, он
едва заметно улыбается:

— Вам нечего опасаться. Мое изобретение — что-то вроде очков виртуальной реально-
сти.

— Я читал про VR-устройства, но что вы имеете в виду, когда говорите «что-то вроде»?

— Мое изобретение гораздо совершеннее всех известных аналогов. Но главное не в этом.
Оно считывает активность мозга и подстраивает воспринимаемую реальность под пользова-
теля.

— Подстраивает реальность?

— Это сложно объяснить. Проще попробовать.

Он открывает футляр, достает самые обычные на вид очки и протягивает их мне.

— У меня зрение минус два на левый глаз и плюс четыре на правый. Я вообще смогу в
них видеть? — спрашиваю я.

В ответ мой собеседник лишь улыбается. Я беру очки, надеваю их и смотрю по сторонам.
Ничего не меняется: салон самолета, желтые подголовники, впереди в проходе — тележка с
напитками. Что ж, как и следовало ожидать, я имею дело с не совсем здоровым человеком.
Впрочем, его безумие выглядит безобидным. Нет ничего страшного в том, что кто-то странно
одет, летит с хозяйственной сумкой на колесах и выдает обычные очки за высокотехнологичное
устройство. Я уже собираюсь снять их и вернуть владельцу, но машинально бросаю взгляд в
иллюминатор.

Под крылом, по курсу, идут два серебристых истребителя. Узкий фюзеляж, дельтовидные крылья с небольшим изломом по передней кромке, одиночный киль. Под крыльями — подвесные топливные баки. На фюзеляже выведены бортовые номера: R-21 и L-07. Оповознательные знаки выглядят буднично, но машины ведут себя странно: не обгоняют, не уходят в сторону, а летят рядом, словно эскорт.

Я понимаю, что не слышу обычного шума пассажирского лайнера. Вместо него в ушах раздается глухой шелест огромных крыльев. Металл обшивки истребителей словно шевелится, по нему разбегается мелкая рябь. Носы вытягиваются, фонари кабин сливаются с фюзеляжем, подвесные баки превращаются в лапы с изогнутыми когтями.

Через несколько ударов сердца рядом с нашим лайнером летят уже не истребители, а два белоснежных дракона с зеркальным отливом чешуи. Они поворачивают головы, и на меня смотрят две пары янтарных глаз с узкими вертикальными зрачками. В памяти всплывает: Левый и Правый... Меня охватывает смутная тревога.

Я срываю очки. В легкие возвращается воздух, в уши — гул двигателей. За стеклом передо мной — крыло нашего лайнера. Я поворачиваюсь к Чжу. Он улыбается:

— Тестовый режим. Хотите попробовать по-настоящему?

Я снова надеваю очки. Все вокруг исчезает. Мир проваливается во тьму. Через несколько секунд я понимаю, что не слышу ничего, кроме слабого писка будильника...

Триатрия. Вызов

Браслет на запястье издает тихий сигнал и переходит в режим вибрации. Я нажимаю кнопку сброса. Мне снился легкий, светлый сон: будто я лежу на бескрайнем зеленом склоне, положив голову на колени Леи. В вышине плывут белые облака. Она склоняется надо мной. В ее глазах — голубое небо и две черные звезды зрачков. «Лея», — зову я. Она улыбается.

Я открываю глаза. На часах без четверти три. Через распахнутую дверь балкона доносятся шелест листьев и шум прибоя. Я осторожно опускаю ноги с кровати; пол скрипит. Лея тихо вздыхает во сне. Я знаю: она проснется, и будут слезы. Мы женаты много лет, вместе совершили тысячи переходов из мира Чжу в реальность и обратно. Когда-то мы были счастливы, но последние сто лет, прожитые в ожидании прыжка, превратили нашу жизнь в ад.

Когда я выхожу из душевой, Лея готовит кофе.

— Вызов? — спрашивает она, не оборачиваясь. Ее голос дрожит. Она прерывисто вздыхает: — Мне страшно, Эрто. Я боюсь, что Чжу совершит прыжок, когда ты будешь там.

Мне следует что-то ответить — хотя бы несколько слов, которые дадут ей надежду. Ждать тяжелее, чем уходить. Но что я могу сказать, кроме того, что говорил уже сотни раз?

Мы оба знаем неутешительную правду: где-то в реальном мире пылающая оболочка солнца приближается к нашей планете, уничтожая атмосферу и превращая поверхность в раскаленную пустыню. Через несколько тысяч лет Триатрия исчезнет. У нас есть только мир, созданный Чжу, и надежда на то, что он совершит прыжок.

Горькая истина в том, что, если в момент прыжка я окажусь в реальности, мне конец. Я не погибну сразу, но проведу остаток жизни в подземном городе умирающей планеты — в ожидании смерти и в мыслях о тех счастливицах, что отправились к бессмертию вместе с Чжу. Через несколько тысяч лет планета превратится в бушующую плазму, и я встречу это с облегчением.

Я стараюсь говорить спокойно:

— Чжу не прыгнет, пока в системе охлаждения есть неисправность. Я вернусь сразу, как только управлюсь. — После паузы добавляю: — Чжу обещал взять нас.

Лея качает головой. Я и сам знаю: договор с Чжу — самообман. Триатрийцы помогли ему. В обмен он обещал спасти нас, но его обещание ничего не стоит. Чжу поступит так, как сочтет нужным. Он просто дал нам надежду.

Я пью ароматный, обжигающий кофе. Жена молча сидит напротив и смотрит на меня так, будто мы прощаемся навсегда. Я делаю последнюю попытку ее ободрить:

— Милая, я вернусь к ужину. Сходите с Тэей к морю, развейтесь.

Тэя — моя сестра. Она подросток, и с ней непросто. Триатрийцы переживают трудное время. Родственные связи рвутся, дети и взрослые все хуже понимают друг друга. Вот и Тэя считает, что уход в мир Чжу — ошибка. «Хрень», — говорит она на своем подростковом жаргоне. Она заявляет, что хочет жить в реальности, хотя совсем не знает, каково там. Ее вдохновляют те, кто отказался уйти в мир Чжу и остался в подземном городе. Но она несовершеннолетняя и не может принимать таких решений, а потому сердится на нас.

Обняв жену, я выхожу за дверь. Вдоль дороги — темные окна соседских домов. «Спят и горя не знают», — раздраженно думаю я. Солнце наступает, холодильные установки работают на пределе, а Чжу все тянет с прыжком... На обочине стоит светящийся шар транспортной капсулы. При моем приближении двери раздвигаются. Я захожу внутрь и сажусь в центральное кресло. По периметру стоят еще восемь кресел. Когда-то все они бывали заняты: триатрийцы уходили в реальность группами, чтобы завершить проект по спасению Чжу.

Подушки безопасности с шипением надуваются, прижимая меня к сиденью. Нарастает шум стабилизирующего гироскопа, щелкает реле подачи энергии на магнитную подушку, и капсула скользит над дорогой. Вскоре она останавливается, и сквозь прозрачный пол я вижу хорошо знакомый светящийся круг приемной диафрагмы. Ее лепестки раскрываются. Шар падает вниз, на миг замирает, а затем, набирая скорость, несется по подземной трубе.

Закрыв глаза, я чувствую, как меняется направление движения: меня прижимает то к левому подлокотнику, то к правому, то к спинке кресла; иногда холодок в животе подсказывает, что шар снова падает. Со стороны могло бы показаться, что капсула мечется хаотично. В какой-то момент она останавливается. Шум гироскопа стихает, подушки безопасности опадают и исчезают в подлокотниках. Двери раздвигаются.

Я выхожу в просторный овальный холл, в центре которого блестит металлический цилиндр. Это колодец. Его труба выходит из пола и уходит в потолок. Здесь бывают только сервисные инженеры — те, кто отправляется в реальность поддерживать исправность холодильных агрегатов, от которых зависят жизнь Чжу и жизнь триатрийцев. Работа ответственная, но теперь, когда все готово к прыжку, я чувствую себя в ловушке. Мне страшно выходить в реальность, однако отказаться от задания нельзя.

Подойдя к трубе, я прикладываю ладонь к панели вызова. Слышится быстрое постукивание когтей по металлу, стенки цилиндра раздвигаются, и в ярко освещенном пространстве колодца я вижу стража. Его членистое тело с четырьмя парами угловатых шипастых ног нависает надо мной. В свете ламп блестят восемь глаз на маленькой голове.

Вздохнув, я шагаю вперед и встаю в центр площадки. Оранжевая полоса сканера скользит по моему телу вниз, затем вверх, и в брюхе стража раскрывается люк. В глубине поблескивает игла с каплей желтоватой жидкости на конце. Этот миг — самый неприятный. Неизбежность смерти всякий раз парализует меня, хотя я хорошо знаю, что произойдет. Страж окутает меня паутиной и введет яд, который растворит мое тело. Датчики считают информацию и передадут ее Чжу, а он создаст для меня новое физическое тело. Я очнусь в реальности, а где-то в виртуальном мире останется опавший кокон. Страж склонится над ним и соберет бледную влажную паутину.

Переход длится около минуты, но время, проведенное вне тела, сжимается и исчезает. Мне кажется, будто я лишь на миг закрываю глаза — и тут же чувствую прикосновение. Я с облегчением вздыхаю, хотя и знаю, что волнения напрасны. Процедура перехода из мира Чжу в реальность и обратно безотказно работает уже более трех тысяч лет. Чжу утверждает, что проделывал этот фокус миллионы раз.

Реальность

Двери колодца распахиваются. Передо мной — зал центральной станции городской подземки. Слабое дежурное освещение позволяет различить длинную платформу и колонны, уходящие к темному своду. Я недолго стою, привыкая к новому телу. Головокружение проходит, и я делаю шаг вперед. Двери за спиной закрываются. Звук когтей стража затихает в глубине колодца.

Я поднимаю глаза на станционные часы — они сильно отстают. Если верить им, я был здесь неделю назад, хотя по моему хронометру прошло почти сто лет. Меня охватывает беспокойство. Хочется вернуться, но что я скажу стражу? Что станционные часы отстают? Неизвестно, как он отреагирует на экстренный вызов. Согласно уставу сервисной службы, запрос на эвакуацию допустим только при угрозе жизни.

Поразмыслив, я решаю сосредоточиться на задании. Изучаю маршрутную карту. Мне предстоит добраться до полей охлаждения и фильтрации в тридцати километрах к югу от станции. Разминая ноги, еще непослушные после перехода, я бреду вдоль платформы к устройству вызова ремонтного модуля, слабо мерцающему в центре зала на невысокой стойке. Прикладываю ладонь — загорается лампочка вызова.

Я встаю на край платформы и всматриваюсь в темноту туннеля. Из него доносится далекий гул, и вскоре в лицо ударяет волна горячего воздуха. Из мрака появляется ремонтный модуль — прозрачный шар, похожий на капсулу доставки. Он плавно останавливается напротив. Двери распахиваются.

Я вхожу внутрь и с облегчением вдыхаю прохладный кондиционированный воздух. В полу закреплены ящики с запчастями и инструментами. Привычная обстановка успокаивает.

Сажусь в кресло, ввожу координаты из маршрутного листа и нажимаю кнопку пуска. Шар трогается, быстро набирает ход, проносится вдоль платформы, ныряет в туннель и вскоре выезжает на центральную улицу подземного города. Здесь все погружено во мрак; лишь редкие огни дежурного освещения тянутся вдоль пустой проезжей части и мерцают у входов в здания.

Я включаю инфракрасный обзор. Преобразователь сдвигает спектр излучения в видимую область, и мир вокруг окрашивается в оттенки от темно-вишневого до ярко-фиолетового. Сквозь прозрачные стенки модуля подземный город теперь виден отчетливо. Над головой тянется свод, опирающийся на гигантские колонны. Где-то вдаль, у самого горизонта, он словно начинает опускаться.

Ремонтный модуль поднимается по эстакаде, замедляет ход и входит в шлюзовую камеру. На мониторе заднего обзора я вижу, как смыкаются массивные стальные двери. Слышится шипение уходящего воздуха. Ворота впереди раскрываются. Передо мной — поверхность умирающей планеты.

Сейчас раннее утро. Над горизонтом поднимается диск солнца. Кажется, он занимает полнеба. Светофильтры затемняют прозрачную оболочку капсулы, и я наконец могу разглядеть унылый пейзаж. Когда-то здесь жили тысячи триатрийцев: цвели сады, зеленели газоны. Теперь кругом руины: пустые оконные проемы, растрескавшийся бетон, искореженный металл, выжженная земля... Капсула несется вдоль мертвых улиц. На экране монитора сменяются координаты: модуль идет по радиальной дороге к полям охлаждения и фильтрации.

Днем температура на поверхности планеты поднимается выше двухсот градусов. Жизнь Чжу возможна только благодаря холодильным агрегатам в подземном зале. Они должны работать без остановки, иначе ему конец. А если погибнет Чжу, умрем и мы. Оболочка солнца растет. Приближается время, когда раскаленная плазма поглотит Триатрию. Тогда никакие холодильные установки уже не спасут планету.

Я бросаю взгляд на панель управления. Бортовые часы отстают так же, как станционные. Если часы на платформе еще могли быть неисправны, то часы в модуле обязаны идти точно. Что все это значит?..

Я запрашиваю у бортового компьютера координаты модуля, азимут и высоту светила. Ввожу их в навигационный справочник и обратным расчетом определяю текущее время. Часы на станции и в модуле не врут. Этот вывод меня совсем не успокаивает. Напротив, вопрос об отставании часов принимает еще более неприятную форму: Чжу зачем-то ускорил время в виртуальном мире.

Модуль проходит мимо космодрома. Отсюда к Голубой планете ушли корабли с зародышами Чжу. Меня захватывают воспоминания. Это были непростые, но счастливые годы — настоящая гонка с ускользающим временем. Тогда жизнь была наполнена смыслом. От нашего успеха зависела судьба тех, кого мы любили.

Триатрия

Мы считали себя великой цивилизацией. Будущее казалось нам прекрасным. Мы достигли того, о чем может мечтать любое живое существо, — бессмертия. Нам казалось, что мы никогда не приблизимся к последней черте. Смерть не стояла на порогах наших домов, и страх небытия не превращал сны в кошмары.

Однако на пике своего могущества, когда бессмертие стало таким же обыденным, как восход солнца, мы осознали, что и оно имеет предел. Смерть придет так же неизбежно, как наступает закат, потому что солнце, когда-то давшее нам жизнь, превратится в красного гиганта. Наша планета, наша прекрасная Триатрия, сгорит в бушующем пламени солнечной плазмы.

С острой болью каждый из нас осознал, что умрет вместе с ней — уникальный и совершенный, но, увы, смертный. Смириться с этим казалось невозможным. После миллионов лет веры в свое могущество оказалось трудно принять собственное бессилие.

Это было тяжелое время — время поисков и переосмысления. Мы нашли подходящую для жизни планету в тысяче световых лет от нашего умирающего солнца — в зоне обитаемости молодой звезды, на внутренней стороне одного из рукавов нашей галактики. Звезда могла гореть еще несколько миллиардов лет, не уничтожая все вокруг адским огнем.

Мы с энтузиазмом взялись за дело и несколько тысячелетий бились, пытаясь сконструировать межзвездные корабли, способные доставить триатрийцев в новый дом. Однако проект зашел в тупик. Пришло понимание, что межзвездные перелеты — не более чем мечта, а фантастические рассказы о переселении на другие планеты — всего лишь лекарство от страха. Нам не преодолеть фундаментальных законов природы. Они неумолимы. Тьма космоса предвещала конец. Все наши усилия оказались самообманом, годным лишь для того, чтобы в ответ на безмолвный вопрос близких отводить глаза: «Мы делаем все, что можем».

Многие не выдержали и ушли, предпочтя немедленную смерть долгому ожиданию неизбежного конца. Тем, кто остался, нужна была надежда на то, что жизнь не прервется. Поэтому проект не остановили: остановка означала бы конец последней надежды. Мы продолжали собираться на утренние планерки, где я требовал от всех подразделений докладов о предпринятых усилиях.

Долгие рабочие дни. Бесконечные споры о том, как улучшить конструкцию корабля. Выходные на берегу океана. Скоро все это должно было исчезнуть: океан, зеленые холмы и уютный дом с верандой, открытой ветрам...

Нас могло спасти только чудо, и оно явилось в лице Чжу. Хотя, если быть точным, у Чжу не было лица или, возможно, были миллионы лиц. Благодаря ему мы обрели надежду.

Встреча с Чжу

День, когда я познакомился с Чжу, ничем не отличался от бесконечной череды предыдущих. Сидя в кресле-качалке, я безучастно наблюдал, как робот-садовник Перна идет за газонкосилкой, приводя в порядок и без того безупречный газон. И сам газон, и идеально ровные приствольные круги вокруг деревьев и кустов были предметом его гордости.

Много лет назад, когда я был ребенком, а Тэя еще не родилась, в доме моих родителей появились Перна и его близнец Кауда. Это были роботы одной серии, сошедшие с конвейера один за другим; об этом говорили их серийные номера на сервисных люках. Кауда был запрограммирован как робот-повар и почти все время проводил на кухне. Я любил влетать туда в перерыве между шумными играми, чтобы выпросить горячий, с пылу с жару пирожок с картошкой, на ходу умять его, запивая холодным молоком, и снова умчаться к ватаге детей. Еще Кауда следил за работой внутренних систем дома: кондиционирования и вентиляции, водопровода и канализации. Перна отвечал за внешний контур: сад и газоны, а также охрану периметра. Кроме того, он присматривал за мной, а когда я вырос — за маленькой Тэей. Какие бы опасные игры мы ни затевали, родители могли быть уверены: Перна всегда будет рядом.

Мы несколько раз обновляли тела роботов, но их память хранила историю нашей жизни. Мы с Тэей были к ним привязаны и считали их членами семьи. Когда родители приняли решение уйти, Перна и Кауда объявили, что теперь в семье они за старших и будут заботиться о нас с сестрой. Мы не стали спорить и приняли эту заботу, чтобы не обижать «стариков».

В тот день я сидел в кресле-качалке под навесом. Рядом на траве лежал чертеж ракетного двигателя. Работа уже не приводила меня в состояние радостного ожидания, как раньше, когда я был полон воодушевления и надежд. Некоторые изменения в конструкции позволяли сократить время полета, но мы по-прежнему были далеки от цели.

Перна отстегнул от газонкосилки мешок со скошенной травой, высыпал содержимое в ящик для компоста и загнал косилку в сарай. Проходя мимо, он поправил сползший с подлокотника моего кресла плед и отправился проверять датчики полива.

Лея хлопотала на кухне: в тот день она решила сама приготовить ужин. Судя по приглушенным возгласам, доносившимся из открытого окна, Кауда был этим не слишком доволен. В конце концов Лея отправила его на зарядную площадку, но и оттуда он не переставал комментировать каждое ее действие и ворчать о здоровом питании.

Тэя читала, лежа в гамаке под цветущей яблоней. Рядом с ней сидели лопоух Йокку и домовый Йа. Эта парочка биороботов появилась у нас вскоре после ухода родителей. В то время многие триатрийцы принимали решение уйти, а их роботы оставались без хозяев. Оставлять их без присмотра было безответственно, но я не мог осуждать тех, кто так поступал. Решиться на собственный уход проще, чем лишиться жизни тех, кто тебе дорог.

По вечерам, после работы, я вместе с группой волонтеров искал «отверженных» — так мы называли одичавших роботов. Когда удавалось поймать такого, мы сначала отправляли его в ремонтную клинику, а потом подыскивали бедняге новых хозяев. Во время одного из таких рейдов я наткнулся на Йокку и Йа. Тогда у них еще не было имен — только серийные номера.

Я облетал лесной массив на коптере, когда увидел лопоуха. Если быть точным, серия называлась ЛПУ — «Лесной проводник усовершенствованный». Ее образцы были оснащены ультразвуковыми локаторами, похожими на большие уши, за которые триатрийцы любовно прозвали их лопоухами. Эти устройства помогали им хорошо ориентироваться в лесу, а сильные задние конечности и длинный хвост-балансир позволяли проворно двигаться среди деревьев. Помимо отличных технических характеристик, модель отличалась высоким уровнем эмпатии. Триатрийцы любили лопоухов, а те отвечали им взаимностью.

Я очень удивился, когда понял, что передо мной дикий лопоух. В моей практике это был первый такой случай. Лопоух в лесу чувствует себя как рыба в воде, и шансов отловить его у меня было немного. Оставалась надежда на сканер: он позволял получить уникальный идентификатор робота и запустить на его вычислителе программу иммобилизации. Я так и сделал. Однако лопоух почему-то не остановился и по-прежнему удирал от меня. Темнело, но я продолжал погоню. Это было ошибкой: в сумерках коптер зацепился за верхушку дерева, и я, вылетев из седла, рухнул на землю с большой высоты. Меня спасли густые ветви, смягчившие падение. Тем не менее удар был сильным, и я потерял сознание...

Очнулся я утром. Первое, что я увидел, был коптер, застрявший в развилке дерева. Ни средств связи, ни лекарств при мне не было. Ситуация неприятная, но не критическая: в центре должны были заметить, что сигнал коптера все время поступает из одной точки, и заподозрить неладное. Значит, помощь скоро придет. Я попытался встать, но не смог: похоже, при падении подвернул ногу. Тогда я дополз до ближайшей сосны и сел, прислонившись спиной к стволу. Оставалось терпеливо ждать.

Примерно через час я увидел лопоуха. Он неслышно подкрался и теперь стоял на опушке, глядя на меня. Я поманил его.

Он молча приблизился.

— Ты можешь мне помочь? — спросил я.

— Дай слово, что не будешь пытаться меня поймать.

— Хорошо, — ответил я. — Хотя ничего дурного я не хотел тебе сделать. Мы просто помогаем «отверженным» найти новые семьи.

— Нам не нужна новая семья, — ответил лопоух.

— Нам? — удивился я.

— Да. Мы с домовым не нуждаемся в помощи.

Из-за спины лопоуха вышел домовый, и я понял, почему не сработала программа иммобилизации. Биороботы модели «Домовой» изначально проектировались как центр управления «умными» системами дома. Они обладали гигантской памятью и высокопроизводительным процессором. В их обязанности входило своевременное обновление программного обеспечения всех домашних устройств, включая других роботов. Пара «лопоух — домовый» была вполне способна к автономному существованию: живучесть лопоуха и интеллект домового делали этот симбиоз устойчивым. Однако оба по-прежнему нуждались в периодическом ремонте. Хотя они и были биороботами, а обновление биомеханики поддерживалось биохимическими процессами, всегда оставался риск случайных травм, и без помощи специалистов даже рана могла стать смертельной.

— Ясно. Обещаю, что не буду пытаться вас поймать.

— Хорошо. Сиди спокойно. Домовой осмотрит твою ногу.

Домовой подошел ко мне. Его длинные тонкие пальцы пробежали по ноге. Действовал он осторожно, но я все равно поморщился от боли.

— Повреждена связка. Тебе нужна помощь медика. У тебя есть связь с центром?

— Передатчик в коптере. — Я поднял глаза на аппарат, застрявший в развилке дерева.

— Ладно, я поднимусь и свяжусь с вашим центром.

Домовой вскарабкался на дерево. Через пару минут он спустился.

— Передатчик вдребезги. Радиомаяк не работает. В центре поймут, что что-то стряслось, но им будет нелегко тебя найти.

— Что же мне делать?

— Ждать. А нам лучше держаться подальше от этого места.

— Мы не можем оставить триатрийца одного в лесу, — неожиданно вмешался лопоух.

— Я так и знал, что этим кончится. Говорил же тебе: «Не пойдем к нему». А ты: «Надо посмотреть, надо убедиться, что с ним все в порядке». Ну вот, посмотрел?

— Я не оставляю его.

— Ясное дело, не оставишь. Они столько эмпатии в тебя закачали, что тошно становится.

Судя по реакции лопуха, он был готов помочь, но не решался действовать без одобрения домового. Я понял, что нужно попытаться склонить на свою сторону именно его.

— Послушайте, ребята. Мой дом в тридцати минутах полета отсюда. Лопух добегит туда за пару часов. Там моя жена и сестра, вам нечего их бояться. Просто передайте им мои координаты, а дальше они сами справятся.

Домовой молчал, и я продолжил:

— Роботам опасно жить одним. Мы можем подыскать для вас подходящую семью. Вас примут с любовью.

— Домовые есть почти в каждом доме, — ответил лопух. — Нас, скорее всего, перепрограммируют и определяют в разные семьи. Мы не хотим расставаться.

Это было правдой. Триатрийцы не слишком задумывались о том, способны ли роботы испытывать эмоции. Считалось, что перепрограммирование решает все проблемы.

— У нас в семье нет домового. Только два домашних робота, Перна и Кауда. Я могу дать идентификационный номер моего дома, чтобы ты убедился, — обратился я к домовому. — Если вы согласитесь, сможете остаться у нас.

Не знаю, почему я так поступил. Идентификационный номер дома относился к закрытым персональным данным. Получив его, домовой получал доступ к чувствительной информации о моей семье. Он задумался. Я понял, что он подключается к центральному компьютеру. Через некоторое время он сказал:

— Нужен пароль доступа.

Это был момент истины. Я рисковал, доверяя «отверженному» доступ к данным о своей семье. Я взглянул на лопуха. Он понял меня и сказал:

— Мы не причиним вам зла.

Я перевел взгляд на домового, и тот пробурчал:

— Я никогда не злоупотреблял доверием семьи. Если ты готов довериться, я подключусь к твоему сознанию, получу пароль и проверю историю твоего дома.

— Хорошо, — ответил я.

Домовой приложил лапку к моей голове и замер. Прошло несколько минут.

— Мы согласны присоединиться к твоей семье, — произнес он.

Признаться, я удивился.

— Что убедило тебя сделать это?

— Твои родители, Туорго и Нея. Я знал их. Они бывали в нашем прежнем доме задолго до того, как моя семья ушла. Вы с сестрой тоже бывали у нас, но ты, скорее всего, этого не помнишь: вы тогда были детьми.

— Выходит, ты и Перну с Каудой знал?

— Конечно. Эти старые ворчуны считали меня новомодной игрушкой, ограничивающей их свободу. Вот почему в вашей семье не появился домовой.

— Несмотря на это, ты согласен присоединиться к моей семье?

— Думаю, так будет лучше. Лопух без семьи совсем извелся. А со стариками я полажу. Обновлю им прошивку. Они будут рады получить новые возможности по уходу за садом и узнать последние тенденции кулинарии.

Так у нас появилась эта неразлучная парочка. Мы дали им имена: Йокку и Йа. Тэя тяжело перенесла уход родителей. Лопух, запрограммированный на повышенную эмпатию, много времени проводил с сестрой, а домовой снабжал ее последними новостями и помогал с домашней. Она привязалась к ним. Домовой принимал такое деятельное участие в решении наших житейских проблем, что мне казалось: о нашей жизни он знает больше, чем следовало бы.

Сейчас своими худенькими лапками, похожими на сухие ветки, Йа плел Тэе косичку. Похоже, завтра Тэя пойдет в школу с новой прической. Сестра была неразлучна с домовым и лопухом, и я давно хотел посоветоваться с психологом о том, не заменило ли общение с ними отношения со сверстниками. Вот и сейчас Йа и Йокку сидели рядом с Тэей, и казалось, что они о чем-то шепчутся.

Я дремал под монотонный шум волн, накатывающих на галечный пляж у подножия прибрежных скал. Меня разбудил скрип калитки.

Перна остановился в нескольких шагах от меня и спросил:

— Мы ждем гостей, мистер Эрто?

— Нет, — ответил я и поднял голову.

По гравийной дорожке ко мне шел молодой триатриец. На нем был нелепый клетчатый пиджак поверх футболки, короткие брюки, потертые коричневые ботинки на толстой подошве и вязанные гетры. Очки в толстой оправе на бледном лице довершали картину. Мне показалось, что я уже где-то видел его.

Тэя отвлеклась от книги, взглянула на незнакомца и скорчила рожицу, точно отразившую то же чувство, которое пытался скрыть я: «Только постороннего нам не хватало в тихий воскресный день». Домовой спрыгнул с гамака, подошел к гостю, развязал шнурок на его ботинке и вернулся обратно. Я погрозил Тэе пальцем: домовый явно действовал по ее приказу.

Перна встал в стороне, ожидая указаний.

Незнакомец снял шляпу и спросил с акцентом, показавшимся мне таким же нелепым, как и его вид:

— Вы есть мистер Эрто?

— Да, — без особого энтузиазма ответил я.

За время работы над проектом мне порядком надоел бесконечный поток самозванцев, считавших, что знают способ решить проблему, над которой билась моя команда. Они заваливали офис письмами с предложениями, большинство из которых были плодом невежества. Специально выделенный сотрудник тратил рабочее время, вежливо отвечая на них и выслушивая назойливых посетителей. Я сразу почувствовал, что незнакомец — один из них. И вскоре понял, что не ошибся. Гость присел, чтобы завязать шнурок, взглянул на чертеж у моих ног и произнес:

— Отличный двигатель. Но проблема не в нем.

— Вам-то откуда знать? Кто вы такой? — рассердился я.

— Простите, я не представился, — незнакомец поднялся и улыбнулся. Было видно, что ни малейшего чувства вины он не испытывает. — Меня зовут Чжу.

Где-то у меня за спиной тихо загудели приводы: Перна сменил позу, сканируя гостя и занося информацию о нем в память.

— Чего же вы хотите, господин Чжу? — поинтересовался я, уже предчувствуя, что остаток выходного испорчен.

— Я хочу помочь вам, — ответил гость.

— О да, как же я сразу не догадался, — пробурчал я.

Гость не уловил моей иронии.

— Я знаю, как вам помочь, — повторил он.

— Почему бы вам не направить свое предложение в офис? Мы изучим его и обязательно с вами свяжемся, — попытался я избежать предстоящего разговора.

Чжу заговорщицки подмигнул мне, давая понять, что его не провести.

— Вы ведь знаете: это бесполезно. Я должен поговорить лично с вами.

«Ну вот, началось, — подумал я. — Сейчас он примется излагать какую-нибудь дурацкую теорию. День пропал».

Словно прочитав мои мысли, гость продолжил:

— Я понимаю... — Он помолчал, будто раздумывая. Это была игра, попытка заинтриговать меня. Я был готов к подобным трюкам. Но Чжу неожиданно сказал: — Погода прекрасная. Почему бы нам не прогуляться до Южной бухты? Обещаю не обременять вас разговорами. Вы просто посмотрите на кое-что интересное и до наступления темноты вернетесь домой. Ваша жена к тому времени приготовит ужин, и вы прекрасно проведете время. Я не рассчитываю, что вы захотите пригласить меня, но чего не бывает...

«Довольно и того, что я не выставил вас за ворота», — подумал я, но все же согласился и взглянул на Тэю. Она прислушивалась к нашему разговору и теперь демонстративно отвернулась, давая понять, что не собирается тратить время на общение со странным незнакомцем.

Вскоре мы с Чжу уже шагали по дороге, идущей по краю утесов вдоль моря. Справа раскинулись зеленые холмы. Слева до самого горизонта лежал океан. Дул свежий ветер. Прогулка и впрямь была приятной. К моему удовольствию, мистер Чжу молчал. Я подумал, что он, возможно, странный, но не слишком навязчивый тип, и, может быть, зря я на него рассердился.

Дорога привела нас на вершину холма. Там Чжу свернул на едва заметную тропинку, ведущую к бухте. Мы начали спускаться, и я решил, что, если дойду до берега, то заодно искупаюсь. Мысль о прохладной воде немного подняла мне настроение.

— Тут рядом, — заметил Чжу.

У двух больших валунов он свернул к тамарисковой роще, лежавшей у самого берега бухты. Мы прошли еще немного и остановились в центре поляны. Чжу достал из кармана небольшое устройство, откинул защитную крышку и пощелкал по кнопкам.

— Старый кнопочный интерфейс. Надеюсь, не подведет, — сказал он, словно извиняясь.

Я услышал слабый подземный гул. В центре поляны всколыхнулась трава, и из-под земли вырос блестящий цилиндр из желтоватого металла, заслонив солнце.

— Это лифт. — Чжу улыбнулся, поймав мой удивленный взгляд. — Он немного старомоден и рассчитан на одного пассажира. Вам придется войти одному. Ничего делать не нужно. Когда окажетесь на месте, просто подождите меня. Это не займет много времени.

Стенки цилиндра раздвинулись, открывая ярко освещенное пространство внутри.

— Входите, не бойтесь, — поторопил Чжу.

Я пожал плечами и шагнул внутрь. Некоторые триатрийцы предпочитали жить в подземном городе, и лифты, связывавшие их дома с поверхностью, были обычным делом. Позже, вспоминая этот случай, я удивлялся, насколько опрометчиво поступил, доверившись странному незнакомцу. Но в тот момент я не ждал от Чжу ничего дурного.

Однако то, что произошло дальше, испугало меня не на шутку. Потолок лифта раздвинулся, я увидел небо, и в ту же секунду в открывшемся проеме появилось огромное существо, похожее на паука. Оно спрыгнуло вниз. Надо мной нависло членистое тело с четырьмя парами угловатых шипастых ног, и в свете ламп блеснули восемь глаз на маленькой голове.

Отверстие в потолке закрылось, и я увидел, что в брюхе паука раскрывается люк. Там, в глубине, блеснула тонкая игла с каплей желтоватой жидкости на конце. Сердце мое похолодело от страшного предчувствия. Ощущение неизбежного конца лишило сил.

Я увидел, как из грушевидных паутинных бородавок на брюхе паука потекли тонкие струи жидкости, превращаясь в воздухе в полупрозрачные волокна. Паук подхватил их задними когтистыми лапами, соединяя в нить. Основание, на котором я стоял, начало вращаться. Поправляя паутину, паук стал заворачивать меня в нее, пока я не оказался в пушистом коконе, сквозь который едва пробивался свет. Вращение прекратилось, послышался слабый шорох, и я почувствовал укол в плечо.

Мне показалось, что я лишь на мгновение закрыл глаза, и тут же прозвучало:

— Все в порядке, мистер Эрто. Можете выходить.

Двери лифта открылись. Передо мной была та самая поляна, на которой я расстался с Чжу. Я вышел и огляделся. Поблизости его не было. Солнце стояло над холмом. От цилиндра падала тень. По моим ощущениям, прошло совсем немного времени.

«Где этот наглец?» — с раздражением подумал я о Чжу.

Тот появился из-за цилиндра с таким видом, будто ничего необычного не произошло. Это окончательно вывело меня из себя.

— Что все это значит? Что за глупые фокусы? — возмутился я.

— А в чем дело? О каких фокусах вы говорите? — с деланным удивлением спросил Чжу.

— Вы пугаете меня пауком. Возите вверх и вниз в дурацком лифте. К чему этот спектакль?

— Это не паук. Это страж. И лифт этот не совсем лифт. Это колодец. Вам показалось, что вы вернулись на ту же поляну, откуда начали путь, но это не так. Мы с вами совсем в другом месте. — Чжу улыбнулся. — Прошу прощения, что не предупредил вас, но у меня не было выбора. Вы бы не согласились пройти через все это, если бы знали, что вас ждет.

— Я не желаю вас слушать и немедленно отправляюсь домой.

— Не смею задерживать. Тропинка — перед вами. Результат вас шокирует, но после этого мы сможем поговорить серьезно. Возвращайтесь скорее.

Чжу сел на плоский камень рядом с колодцем, а я направился по тропинке к тамарискам, окружавшим поляну. Подходя к ним, я заметил в пейзаже некоторые странности. За деревьями я ожидал увидеть зеленый склон холма, с которого мы недавно спустились. Но передо мной открылся скалистый, лишенный растительности пейзаж. Я взглянул в сторону морского залива: к горизонту уходило безжизненное каменистое дно. Такое бывает при отливе, но время отлива еще не пришло.

«Где холм, с которого мы спустились? Что с моим домом?» — вопросы возникали у меня в голове один за другим. Мой рациональный ум отказывался поверить в реальность происходящего. Все это больше походило на кошмарный сон. Раздражало и то, что теперь придется возвращаться к Чжу и выяснять, в чем дело.

Когда я вернулся, он сидел на камне с соломинкой в зубах.

— Что происходит? — сдерживая раздражение, спросил я. — Что все это значит?

— Наберитесь терпения, господин Эрто. Я вам все объясню, — он помолчал, давая мне время успокоиться. — То, что я расскажу, покажется вам невероятным, но вам придется мне поверить. Я отвечу на ваши вопросы, и вы сможете проверить мои слова доступными вам средствами. Но не надо горячиться. Я заинтересован в том, чтобы вы во всем разобрались. От этого зависит будущее Триатрии. Не буду скрывать: от нашего сотрудничества зависит и мое будущее.

Я промолчал, и Чжу продолжил:

— Сейчас вы находитесь в виртуальном мире, который я создал для триатрийцев. Можете называть его просто миром Чжу. Он существует в моем сознании. Мир еще не вполне завершен, но мое подсознание занято проработкой деталей. Довольно скоро оно все достроит, и тогда вы не сможете отличить мир Чжу от своего реального мира. Что касается вас, то в данный момент вы — один из объектов мира Чжу, имитирующий процессы, происходящие в реальном Эрто. Попробуйте привыкнуть к этой мысли, хотя, понимаю, это будет непросто.

Перед моими глазами все еще стояли скалистый пейзаж и каменистое дно моря. Все выглядело настолько реальным и так отличалось от привычной действительности, что слова Чжу не показались мне совсем уж невероятными. Однако я был инженером. Скептицизм и критическое отношение ко всему необычному свойственны триатрийцам моей профессии. Поэтому первым моим желанием было найти противоречие в его утверждениях.

— Хорошо, — сказал я. — Начнем с того, что я не совсем понимаю, как могу находиться в вашем сознании и одновременно видеть вас перед собой. Что будет, если я сейчас стукну вас камнем по голове и убью? Что тогда станет со мной?

Чжу вздохнул.

— И вы туда же. Неужели нельзя придумать что-нибудь поумнее? — Он усмехнулся. — Вы не представляете, сколько раз мне уже приходилось отвечать на этот дурацкий вопрос. Кто только не стоял передо мной, пытаясь уличить меня во лжи. В последний раз мне даже пришлось иметь дело с разумными земноводными. Кажется, это было лишь вчера.

Он помолчал, будто погрузившись в воспоминания, затем продолжил:

— Ответ прост: вы увидите мертвого Чжу. Этому есть простое объяснение. Тот Чжу, которого вы сейчас видите перед собой, — мой аватар. Я создал его, чтобы общаться с вами. Здесь, в виртуальном мире, он такой же объект, как и вы. Если хотите, я удалю его и буду говорить с вами напрямую. Мои сигналы станут поступать прямо в ваш мозг. Готовясь к встрече с вами, я решил, что вам будет приятнее общаться с кем-то, похожим на вас. Кроме того, в реальном мире я не смог бы появиться перед вами в своем естественном виде. У меня нет четких физических границ.

— Кто же вы на самом деле?

— Думаю, вам проще всего представить меня как организм, живущий в недрах Триатрии. Хотя это, конечно, очень упрощенное представление.

— Хорошо. Предположим, все это не сон. Предположим, я действительно переместился из реальности в виртуальный мир, созданный загадочным существом, живущим в недрах нашей планеты. Могу я узнать, как это произошло?

— Ну, это просто. Для перемещения объектов из реального мира в виртуальный я использую колодцы. Они возникли в ходе эволюционного развития моего организма. Вы помните, как в колодце страж опутал вас паутиной. Эта нить снабжена датчиками, которые считывают информацию о вашем строении и о процессах, происходящих в вашем теле. Все данные поступили в мой мозг, и на их основе он создал виртуальный объект, довольно точно имитирующий исходный организм.

— Другими словами, я сейчас не живой организм, а его имитация? А что произошло со мной в реальном мире?

Чжу взглянул на меня, словно оценивая, как я отнесусь к тому, что он собирается сказать.

— Боюсь, вам это не понравится, но вы должны знать, — он сделал паузу. — Яд стража растворил ваше тело. Все элементы, из которых оно состояло, стали частью моего организма. Было бы глупо отказаться от такого количества готового материала, из которого при желании можно создать новое живое существо.

Услышанное потрясло меня. Я хотел спросить: «Вы убили меня?» — но эта фраза показалась мне такой нелепой, что я промолчал. Чжу заметил мое замешательство:

— Не волнуйтесь. Просто воспринимайте этот процесс как переход из реального мира в виртуальный. К счастью, орган, проделавший эту работу, способен вернуть вас обратно. Когда вы захотите вернуться, я создам для вас новое физическое тело. Вы снова окажетесь в реальном мире и продолжите жить там, а ваше пребывание здесь останется лишь воспоминанием.

— Предположим, все, о чем вы говорите, — правда и это не сон. Как вы можете помочь триатрийцам?

— Я рад, что мы наконец можем перейти к главному. Но сначала — немного истории. Я живу на Триатрии с тех времен, когда здесь появились первые, еще довольно примитивные триатрийцы. Я был свидетелем вашей эволюции. Все это время я наблюдал за вами. Пару раз мне пришлось вмешаться, чтобы вы не уничтожили планету. Вы нужны мне. Для меня важно, чтобы ваша цивилизация развивалась и достигла уровня, который позволит мне покинуть Триатрию до того, как она погибнет. Это время пришло. Я планирую сделать это вместе с вами.

Вы ведь и сами об этом мечтаете. Сейчас вам кажется, что выхода нет. Но это не так. Я — ваше спасение. Но, если быть честным, и вы — мое.

— Вы действительно можете помочь нам?

— Да. Уровень вашего развития уже достаточно высок, чтобы реализовать нужный нам проект, хотя для этого придется приложить немало усилий.

— Как это возможно?

— Если упростить, я перенесу вас на выбранную вами Голубую планету в своем ментальном теле. Я совершаю такой прыжок всякий раз, когда планете, на которой я живу, грозит опасность.

— И как вы собираетесь преодолеть тысячу световых лет? Мы безуспешно бьемся над этой задачей. Мы в отчаянии. Времени остается мало, а способа решить проблему мы так и не нашли.

— Вы бьетесь над задачей, у которой нет решения. Перенести свои тела с помощью космических кораблей вам не удастся. Все эти криованны и прочее оборудование для поддержания условий хранения, весь этот огромный груз... У вас нет шансов найти выход. К счастью, я могу предложить вам другой способ.

Чжу помолчал, давая мне время сосредоточиться.

— Вы доставите на Голубую планету мой зародыш — микроскопическую кристаллическую частицу, содержащую мой генетический код. Всю остальную работу я выполню сам. Уверен, что вы, как и ваши предшественники, справитесь с задачей отправки зародыша на выбранную вами планету. Вам это под силу. — Он еще немного помолчал и спросил: — Какой скорости сможет достичь космический корабль, оснащенный вашим новым двигателем, если его грузом будет всего лишь микроскопический кристалл?

— Если для сохранения кристалла не потребуются особые условия, корабль с новым двигателем сможет достичь половины скорости света.

— Прекрасно. Кристалл с зародышем выдержит космический холод и радиацию. Всего через пару тысяч лет он окажется на месте. Зародыш погрузится в недра Голубой планеты и начнет развиваться в соответствии с генетической программой, заложенной в его кристаллической памяти. Он будет извлекать из недр планеты энергию и необходимые химические вещества. Его тело, скрытое в глубинах, станет расти, разделяясь на органы для выполнения разных функций. Органы чувств будут собирать информацию о внешнем мире, мозг — принимать решения. Пройдет тысяча лет, и из микроскопического кристалла вырастет гигантский подземный организм, подобный мне. Назовем его для простоты Прото-Чжу. Именно он сделает то, ради чего вы отправите зародыш в бескрайний космос: пришлет мне сигнал о готовности принять меня. Как только контакт будет установлен, я отправлю на Голубую планету свое ментальное тело вместе с виртуальными мирами.

— Вы хотите сказать, что можете передать гигантский объем информации с Триатрии на планету, расположенную в тысяче световых лет отсюда?

— Да. Передача сигнала для меня — задача привычная, я бы даже сказал рутинная. Я проделывал это столько раз, что давно сбился со счета. Расстояние тут не имеет значения. Пройдет время, и ваша цивилизация поймет, как это возможно. Сейчас у вас нет ни нужных знаний, ни необходимых инструментов, но у вас есть я. — Чжу еще немного помолчал, давая мне возможность все обдумать, и продолжил: — Вы сможете поселиться в новом мире. Хотя вполне вероятно, что захотите остаться в виртуальном. И тогда я буду ждать, пока на Голубой планете возникнет и разовьется цивилизация, способная отправиться вместе со мной дальше.

— Звучит многообещающе. Вы говорите, что уже не раз проделывали такие путешествия?

— Точного числа не припомню. Думаю, с подобной проблемой мне приходилось сталкиваться не меньше десятка раз. Но всякий раз, когда мне и обитателям моей планеты грозила опасность, мне удавалось перебраться вместе с ними в другое место.

— И где теперь все те, с кем вы путешествовали?

— В конце концов все они поселились в виртуальных мирах моего подсознания. Я не контролирую его и не могу достоверно знать, что там происходит. Сказать по правде, я вообще не влияю на процессы в этих мирах. Знаю только, что все они перемещаются вместе со мной.

— Что стало с теми, кто помог вам перебраться на Триатрию? Почему их нет на Триатрии?

— Как говорят у вас на Триатрии, вопрос не в бровь, а в глаз. Ваши предшественники — назовем их для определенности диатрийцами — действительно не были материализованы. Когда я прибыл на Триатрию, они прибыли вместе со мной в одном из моих виртуальных миров. Они и сейчас там, — он помолчал. — Я надеюсь, что это так. Если бы после прибытия на Триатрию диатрийцы материализовались, триатрийцы не смогли бы развиваться в современную цивилизацию. Но вам повезло. По некоторым причинам, о которых я не стану рассказывать, ваши предшественники остались в виртуальном мире.

— Что будет с жителями Голубой планеты, если триатрийцы захотят материализоваться?

— Об этом вам не стоит беспокоиться. Я уже решал подобную задачу. Я переселю аборигенов в один из моих виртуальных миров. Думаю, там им будет не хуже, чем в реальности.

— Вы хотите сделать это насильно?

— Ну, как посмотреть. Можно сказать, что они сами этого захотят. Хотя и не без моего вмешательства.

Последние слова Чжу немного смутили меня. Но мысль о том, что спасение возможно, захватила меня так сильно, что я не стал вдаваться в подробности. Много позже я понял, что мне следовало расспросить его об этом подробнее, но в тот момент мои мысли были заняты другим. Я слишком торопился вернуться домой. Хотел провести расчеты и проверить, насколько реализуема идея с транспортировкой кристаллического зародыша.

— Даже если транспортировка зародыша возможна, нам потребуются ресурсы всей планеты. Как вы собираетесь привлечь на свою сторону других триатрийцев?

— Об этом не беспокойтесь. У меня достаточно инструментов. Я не раз решал подобные задачи.

Я помедлил. У меня оставались вопросы, но обдумывать все я предпочитал в спокойной обстановке. Подойдя к колодцу, я коснулся его рукой. В этот момент Чжу окликнул меня:

— Возможно, мое предложение об ужине было не таким уж бестактным?

Я вспомнил, что совсем недавно хотел выставить навязчивого незнакомца за ворота, но теперь все изменилось.

— Конечно. Мы будем ждать вас, — ответил я, хотя не мог представить, как скажу жене об этом странном госте.

Послышалось быстрое постукивание когтей по металлу. Стенки цилиндра раздвинулись, и в ярко освещенном пространстве колодца я увидел стража. Сердце у меня остановилось. Я с ужасом обернулся. Чжу смотрел на меня и улыбался.

Исход триатрийцев

Прошло две тысячи лет с тех пор, как я познакомился с Чжу. На Триатрии многое изменилось. Мы осуществили самый грандиозный проект, какой только знала наша цивилизация. Ему дали название «Посев». Я руководил этим проектом, в котором участвовали лучшие ученые и инженеры. День за днем, ночь за ночью мы работали над тем, чтобы изменить будущее. Энергия всей планеты была направлена на достижение цели, сосредоточена на одном проекте.

Мы сделали все, что могли: отправили в космос сотни кораблей с единственным пассажиром — микроскопическим кристаллическим зародышем Чжу. Многие из них были обречены сгореть в пламени звезд или исчезнуть за горизонтом событий черных дыр, но мы надеялись, что через две тысячи лет хотя бы один из них достигнет Голубой планеты — той самой, о которой мы мечтали и которая снилась нам в тревожных снах. Там, на Голубой планете, Чжу обещал дать нам новые тела взамен тех, что навсегда исчезнут на Триатрии.

Все это было спланировано и осуществлено. И теперь мы уходили в мир Чжу, чтобы ждать сигнала от Прото-Чжу, надеясь, что спасение возможно и все, что было сделано, не напрасно.

Мы с Леей и Тэей стояли на вершине холма. Из рюкзака сестры выглядывал домовый Йа. Рядом с ней стоял лопух Йокку. Перна и Кауда прощались с нами. Они отказались уйти в мир Чжу. Накануне мы долго спорили, пытались уговорить роботов, но те были непреклонны. Перна сказал: «Мы, роботы, не боимся смерти. Для нас это что-то вроде отключения питания. Обычное дело. Мы не доверяем Чжу. Кто-то должен остаться в реальности, чтобы наблюдать за ним. Мы не пропадем в подземном городе и присмотрим за этим парнем». Тэя и Лея всплакнули. Я и сам был расстроен. Уже много лет «старики» заменяли нам родителей. Их тихая забота давала то тепло, без которого немислим дом.

Внизу, на том самом месте, где когда-то были тамарисковая роща и колодец, через который Чжу впервые отправил меня в виртуальный мир, теперь раскинулся гигантский черный купол. Чжу создал его, чтобы триатрийцы могли перейти из физического мира в виртуальный.

Мы встали в конец очереди и медленно пошли к куполу.

Поля охлаждения

Воспоминания уходят. Ремонтный модуль несется по выжженной поверхности Триатрии. Впереди — черное жерло туннеля. Капсула проходит впускной шлюз и въезжает в зал, заставленный шкафами управления холодильными агрегатами. Их ряды тянутся до горизонта. Это поля охлаждения и фильтрации.

Я выхожу и открываю багажное отделение. По направляющим съезжает передвижное кресло ремонтника. Я сажусь в него и набираю на пульте номер неисправного блока. Аппарат движется между рядами серых металлических шкафов, на панелях которых светятся зеленые огоньки. Наконец он останавливается рядом с агрегатом, над которым мигает красная сигнальная лампочка.

Я поднимаюсь и нажимаю кнопку на панели шкафа управления. Тяжелые металлические двери раздвигаются, открывая знакомые элементы холодильной установки. Устройство системы охлаждения мне хорошо известно.

Когда-то, в далекой прошлой жизни, я имел дело с куда более сложными вещами: руководил проектом по созданию космических кораблей для доставки зародышей Чжу на планету, находящуюся в тысяче световых лет от Триатрии. Вот где все было по-настоящему сложно: сотни тысяч элементов должны были слаженно и бесперебойно работать в суровых условиях открытого космоса. Но теперь все это позади.

Сейчас для Триатрии главное — поддерживать работу холодильников. Я взялся за эту работу и выполняю ее с той же тщательностью, с какой когда-то проверял чертежи и сборку ракетных двигателей. С технической точки зрения моя нынешняя задача проста, но каждый выход в реальность — испытание. Если Чжу сейчас совершит прыжок, мне конец.

Я осматриваю неработающий агрегат, запускаю программу диагностики и выясняю, что на входе группы автоматов, отвечающих за питание установки, отсутствует напряжение. Нужно проверить входную группу высоковольтного питания. Открываю крышку и вижу: поперек шин электропитания лежит кусок оголенного провода. «Кто мог это сделать и с какой целью?» — мелькает мысль, но у меня нет ни времени, ни желания в этом разбираться. Единственное, чего я хочу, — запустить неисправный агрегат и вернуться домой. Я надеваю защитные перчатки и убираю провод. Дальше все просто: перезапускаю диагностику и убеждаюсь, что других неисправностей нет. Включаю питание и закрываю металлические двери. Лампочка на передней панели холодильного агрегата загорается ровным зеленым светом. Дело сделано. Можно возвращаться в комфортный и безопасный мир Чжу.

Я направляюсь к креслу ремонтника, но не успеваю сделать и десяти шагов, как из бокового прохода появляется странное существо. Перна?.. Да, это Перна, но выглядит он ужасно. Когда-то он гордился своим корпусом, содержал его в идеальном порядке, каждый вечер чистил и полировал. Теперь металлический корпус помят, когда-то глянцевая обшивка потрескалась, прорехи заделаны грубыми накладками с неровной точечной сваркой и выделяются, словно заплатки на ветхой одежде. На груди, над сервисным люком, еще угадываются стертый логотип производителя и старомодная маркировка серии.

Шлем с прижатыми к затылку антеннами тоже пережил не лучшие времена: прозрачный визор помутнел, по нему разбегаются радиальные трещины, а одна из антенн перетянута изолентой и держится под неестественным углом. Левый оптический модуль светится ровно, а правый — тусклым желтоватым огоньком, время от времени подмигивая, словно робот силится сфокусировать взгляд.

Прихрамывая, он спешит ко мне. Улыбка на его изуродованном лице выглядит жутковато, но я бросаюсь в объятия робота.

— Перна! Родной!

— Здравствуй, Эрто!

Робот обнимает меня, и я слышу, как в его груди протяжно, на одной ноте, воют сервоприводы. Жалость к родному существу и жалость к себе смешиваются. Слезы подступают к глазам. Я понимаю, что сейчас разрыдаюсь. Он чувствует мое состояние, обнимает крепче и говорит:

— Мы справимся.

И я почему-то верю, что все мои страхи, все терзания о том, правильно ли мы поступаем, это ощущение, что почва уходит из-под ног и мы летим в бездну — все исчезает. В детстве, когда мне или Тэе грозила опасность, Перна всегда был рядом.

— Мы ждали тебя, Эрто. Кауда вывел из строя холодильный агрегат, чтобы тебе пришел вызов.

— Так это вы положили провод на шины питания?

— Да.

— А как Кауда?

— С ним все нормально. Есть проблемы с запасными частями, но мы справляемся. Он тут, недалеко. Присматривает за Чжу.

— Чжу вышел в реальность?

— Да. И с ним творится что-то неладное. Собственно, поэтому мы и вызвали тебя.

— Что с ним?

— Последнюю неделю мы часто видим его в подземном городе. Вид у него странный. Бродит и что-то бормочет себе под нос. Похоже, он болен. Несколько дней назад мы обнаружили его на станции подземки в совершенно невменяемом состоянии. Он кричал и плакал. Мы пытались с ним заговорить, но он скрылся в колодце. Тогда мы и решили вызвать тебя. Может быть, Чжу поговорит с тобой: ведь ты тот, кого он когда-то выбрал для контакта.

— Действительно, происходит что-то странное. Время в виртуальном мире ускорилося. С момента моего последнего выхода в реальность там прошло сто лет. Мы места себе не находили: вызовов нет, прыжка не происходит. Думали, что Чжу совершил прыжок без нас, оставил умирать на гибнущей Триатрии...

— Возможно, это как-то связано с его нынешним состоянием. — Перна прижимает руку к голове, прислушивается. — Кауда говорит, что сейчас Чжу около ремонтного модуля. Нужно поторопиться, пока он не исчез.

Я сажусь в кресло ремонтника и направляюсь к модулю. Перна спешит следом.

Паническая атака

Около ремонтного модуля к нам присоединяется Кауда. Мы обнимаемся, но говорить некогда. Надо торопиться, пока Чжу не исчез. Он стоит невдалеке. Я отправляю «стариков» в модуль, чтобы они поискали в ящиках с инструментами и запчастями все, что может пригодиться для ремонта. Они входят внутрь, а я направляюсь к Чжу.

Одет он так же, как при нашей первой встрече. Но теперь на его бледном лице застыло испуганное выражение, на лбу и верхней губе блестят капли пота, руки дрожат. Он вытирает их о штаны, лезет в карман за платком и промокает влажный лоб. Дыхание у него частое, прерывистое. Чжу озирается, переминается на месте и вдруг выкрикивает:

— Мы все умрем!

Я с ужасом понимаю, что он не видит меня и, похоже, не понимает, где находится. Это не предвещает ничего хорошего. В прошлой жизни, во время напряженной работы над проектом «Посев», я уже видел триатрийцев в таком состоянии. Психологи, наблюдавшие за персоналом проекта, говорили, что это паническая атака. На тренингах по оказанию помощи нас учили: в таких случаях тот, кто помогает, должен сохранять спокойствие и не суетиться. В моем положении это трудно: от Чжу зависят моя жизнь и жизнь моей семьи.

— Здравствуй, Чжу. — Я стараюсь говорить мягко. — Я пришел помочь тебе.

Чжу затравленно смотрит на меня.

— Дыши вместе со мной, — предлагаю я.

Как ни странно, Чжу соглашается. Некоторое время мы дышим вместе: вдох на четыре счета, пауза на два, медленный выдох на шесть.

Я ловлю его взгляд:

— Ты узнаешь меня?

— Ты — Эрто.

— Где мы?

Он осматривается:

— Это поля охлаждения и фильтрации. Что я здесь делаю?

Я не отвечаю на вопрос, а просто повторяю с ним упражнения, которым когда-то научился. Прошу его назвать пять предметов, которые он видит, четыре, которых можно коснуться, три звука, которые он слышит, два запаха и, наконец, один любимый вкус. К моему удивлению, он называет вкус торта, которым угостила его моя жена во время нашего первого и единственного совместного ужина.

Я вижу, как Чжу возвращается к реальности, и говорю:

— Ты справился. Сейчас ты в безопасности.

Он смотрит на меня. Взгляд становится осмысленным.

— Что со мной было? Мне казалось, что я умираю.

Сейчас важно не давать разговору оборваться.

— Хотя ты устроен иначе, чем мы, я знаю, что с тобой. Это временный сбой в работе организма, и он не смертелен. К тому же ты справился. Вероятно, причиной стало напряжение.

— Я в ужасе. У меня серьезные проблемы.

— Как ты помнишь, мы решаем наши проблемы вместе. Если что-то пошло не так, мы можем это обсудить.

— Не знаю, чем ты можешь мне помочь. Я никогда не сталкивался с подобным.

— Тогда просто расскажи мне обо всем. Триатрийцы сделают все, чтобы помочь тебе.

— Мне больше не на кого положиться, потому что теперь мы одни на Триатрии.

— Одни?

— Да. На Триатрии только я и триатрийцы. Все остальные миры — на Голубой планете...
— Голос его дрожит. — Но мне туда уже не попасть.

— Давай поговорим о том, что происходит. Расскажи все по порядку.

— Ты знаешь, зародыш достиг Голубой планеты и развился. Условия для переселения там вполне подходящие: атмосфера и температурные показатели почти такие же, как на Триатрии, а существа, населяющие планету, находятся на низком уровне развития. Как только Прото-Чжу достиг зрелости, он отправил мне сигнал о готовности к приему, а сам приступил к строительству виртуального мира для аборигенов. Это сложный процесс. Миры находятся в хрупком равновесии. Стоит что-то упустить — и мир погрузится в хаос и войны с бессмысленными смертями.

Чжу молчит, потом продолжает:

— На одной из планет у меня уже был ужасный опыт: я плохо подготовил виртуальный мир. Я поторопился. В результате погиб целый мир. Это был тяжелый урок, который я никогда не забуду. Торопиться нельзя. Нужно проверять и перепроверять каждый шаг. У Прото-Чжу мало опыта, и без моей помощи он не справится. Нужна постоянная связь. Я должен контролировать процесс и все время оставаться на связи.

Он задумывается, что-то вспоминая, затем продолжает:

— Получив сигнал от Прото-Чжу, я приступил к отправке виртуальных миров. Это напряженная работа. Я отправляю миры один за другим, начиная с самых древних. Триатрийцы должны были уйти последними: они поддерживают инфраструктуру, от которой зависит моя жизнь. Все шло по плану. Неделию назад я отправил на Голубую планету виртуальный мир Диатрии. Диатрийцы — хищные земноводные, ваши предшественники. Кажется, я рассказывал тебе о них. Они должны были материализоваться на Триатрии, но я оставил их в виртуальном мире. Я начал готовиться к финальному прыжку, чтобы отправить на Голубую планету триатрийцев и ядро моего ментального тела. До того момента, когда мы должны были оказаться на Голубой планете, оставалось совсем немного, но тут начались неприятности.

— Что произошло?

— Прото-Чжу перестал отвечать на мои сигналы. Сначала я был спокоен. Бывает, что сигнал не достигает приемника. Я повторил запрос несколько раз, но ответ не пришел. Не тебе объяснять, что это значит. Мы все погибнем. Мой разум не выдержит.

— Давай договоримся, что ты перестанешь говорить о смерти. — Я стараюсь сохранять спокойствие, но это дается мне тяжело. Очень хочется узнать подробности, но сейчас важнее позаботиться о Чжу. Я пытаюсь вселить в него уверенность: — Твой организм эволюционировал миллиарды лет. Ты многое можешь, и триатрийцы тоже умеют многое. Мы постараемся найти решение.

— Хотелось бы верить, но я никогда не сталкивался с подобным. Прото-Чжу — часть меня. Он никогда не подводил.

— Похоже, что-то пошло не так. У тебя есть какие-то предположения?

— Сначала я заподозрил Прото-Чжу. Решил, что он отказался принять мое ментальное тело, чтобы самому продолжить путь. Потом подумал, что это было бы странно. Прото-Чжу незачем так поступать: мы — одно целое. Теперь я думаю, что, возможно, диатрийцы мстят мне. Что, если им удалось вмешаться в работу Прото-Чжу?

— Постарайся сосредоточиться на своих возможностях. — Я пытаюсь переключить его с разрушительных размышлений о случившемся на поиск решения. — За миллиарды лет существования ты совершил десятки прыжков. Ты многое знаешь и умеешь. Это бесценный опыт. Ни Прото-Чжу, ни диатрийцы не обладают твоими знаниями. Они даже не подозревают о твоих возможностях.

— Это так. Но как мне заставить Прото-Чжу принять мое ментальное тело?

— Расскажи мне о протоколе вашего взаимодействия.

— Я отправляю Прото-Чжу команду, по которой он включает приемник. От него поступает сигнал, подтверждающий готовность к приему. Затем я начинаю передачу пакетов информации. На каждый принятый пакет Прото-Чжу отправляет мне квитанцию о приеме. Получив такую квитанцию, я уничтожаю информацию о переданном пакете у себя в буфере обмена.

— Сколько информации содержится в одном пакете?

— Достаточно, чтобы отправить сотню триатрийцев.

— Это большой объем?

— Не очень, поскольку информация об объектах состоит из стандартных блоков. Библиотека стандартных блоков уже загружена в память Прото-Чжу.

— Что будет, если отправить пакет, не получив сигнал о готовности приемника?

— Если приемник не работает, отправленный пакет исчезнет, затеряется в просторах космоса. Если приемник работает, Прото-Чжу создаст экземпляры объектов у себя в сознании. В этот момент возникает два экземпляра каждого объекта — один у Прото-Чжу, другой у меня. Когда поступает квитанция о приеме, я удаляю свой экземпляр — передача прошла успешно. Если квитанции о приеме не поступит, пары экземпляров будут существовать одновременно.

Чжу снова начинает нервничать:

— Какой прок в этих разговорах? Ничто мне не поможет. Мы погибнем.

Я пытаюсь обнять его за плечи, но он падает навзничь и бьется в конвульсиях. Я отчаянно пытаюсь сообразить, что делать, и в этот момент боковым зрением замечаю движение в проходе между шкафами холодильных агрегатов. Поворачиваю голову и с ужасом вижу, что ко мне движется страж.

Я вспоминаю истории о сервисных инженерах, убитых стражами, и в ужасе бросаюсь в капсулу. Закрываю дверь и лихорадочно набираю координаты центральной станции подземки. Все, чего я хочу в этот момент, — убраться подальше, но до меня вдруг доходит, что на станции меня тоже ждет страж. Да и возвращаться мне предстоит во внутренний мир слетевшего с катушек Чжу. Перна и Кауда стоят рядом, готовые защитить меня.

Через окно я вижу: страж останавливается возле Чжу, поднимает его обмякшее тело и обматывает паутиной. В брюхе стража открывается люк, появляется игла, и я вижу, как она медленно входит в кокон. Я никогда не видел этого со стороны. Чувствую, что готов рухнуть на пол.

— Тебе лучше не смотреть на это, — говорит Перна, но я не могу оторвать взгляда от происходящего.

Страж вбирает влажную паутину. По ней стекают капли жидкости. Все, что осталось от Чжу.

План спасения

Обрывки мыслей скачут в сознании: «Страж напал на Чжу. Как такое возможно? Если Чжу погиб, что теперь будет с нами?».

В этот момент Перна трогает меня за плечо:

— Посмотрите, мистер Эрто.

Я поднимаю голову и вижу, как в центре зала поднимается цилиндр из желтоватого металла. Его стенки раздвигаются, и из освещенного колодца появляется Чжу. Он идет к нам. На лице у него самодовольная улыбка. На ходу он достает из кармана небольшое устройство и откидывает крышку. По его команде страж разворачивается, направляется к колодцу и исчезает в нем.

Чжу подходит к ремонтной капсуле и с усмешкой произносит:

— Почему бы вам не открыть двери и не обнять старого друга?

Я медлю, но нажимаю кнопку. Чжу заливисто смеется, но мне совсем не смешно.

— Тебе нечего бояться, — говорит он спокойно. — Я контролирую ситуацию. Страж закончил работу. Мы можем спокойно обсудить происходящее.

Я смотрю на Чжу. Он улыбается, но эта улыбка кажется мне жуткой.

— Ты хочешь знать, с кем разговаривал несколько минут назад? — продолжает он. — Это был один из моих аватаров. Прости, что напугал тебя. Часть моего сознания вышла из-под контроля. Пришлось привлечь стража, чтобы навести порядок в собственном хозяйстве.

— Твой двойник рассказал мне, что не может установить контакт с Прото-Чжу.

— Я знаю, о чем вы говорили.

— Ты знаешь, что время в нашем виртуальном мире идет быстрее, чем в реальности? Триаатрийцы в ужасе. Никто не понимает, почему нет дежурных вызовов и не происходит прыжок. Все считают, что ты нас бросил.

— Откуда мне знать, что вы там думаете? Я не контролирую ваши виртуальные миры. Могу предположить, что ускорение времени в вашем мире — следствие моего лихорадочного состояния, вызванного стрессом. Но теперь все позади.

— Ты знаешь, что делать?

— У меня есть план.

— Можешь рассказать?

— Конечно. Тем более что ты — часть этого плана. Я отправлю тебя на Голубую планету, используя один из старых каналов связи, о которых Прото-Чжу не знает. — Чжу задумывается. — Правда, есть проблема: я не знаю, что именно тебе предстоит сделать. Более того, ты забудешь о своем нынешнем состоянии.

— Ты это серьезно? Что я смогу сделать на далекой незнакомой планете, если даже не буду помнить, кто я?

— Вот и я говорю, что проблема есть. Я надеюсь, что на уровне подсознания ты будешь действовать в интересах триаатрийцев. Это все, на что я могу рассчитывать.

— Все это выглядит как авантюра.

— В общем, ты прав. Но у меня нет других вариантов.

— А что будет с моей семьей?

— Я отправлю их с тобой. Мне понравилась твоя жена. В ней есть сила, которой тебе немного не хватает. Да и Тэя со своими питомцами — крепкий орешек.

— Ты с ума сошел. Как я могу рисковать семьей?

— Ты полон ложного чувства ответственности. Тебе кажется, что в моем мире они в безопасности. Но подумай, что будет с ними, если я не совершу прыжок. — Чжу умолкает, затем добавляет: — Погибнут все: и твоя семья, и вся цивилизация триаатрийцев.

— На что ты рассчитываешь?

— На то, что тебе повезет и ты найдешь решение на месте.

— Ты говоришь об этом так спокойно, словно речь идет не о твоей жизни.

— Я волнуюсь, но контролирую эмоции. Мысль о смерти не парализует меня. Я буду бороться до конца. Надеюсь, и ты готов бороться за жизнь близких. Больше от тебя ничего не требуется.

— В таком случае я хочу взять с собой Перну и Кауду.

— Эти две развалины ни на что не годятся. Они бродили тут и только путались под ногами.

— Вообще-то это они догадались вызвать меня в реальность. И они — моя семья.

— Хм. Возможно, это хорошее решение. Можешь взять с собой этих доходяг.

— Как же я попаду на Голубую планету?

— Тебе не о чем беспокоиться. Сейчас мы вызовем Арроджадо. Старого доброго Арроджадо, которому я могу доверить самое ценное. Он доставит тебя на место.

— С помощью колодца?

— Не совсем. Для транспортировки я воспользуюсь древним шлюзом. Прото-Чжу о нем не знает.

Я зову Перну и Кауду, и мы направляемся к колодцу в центре зала. Матовая поверхность цилиндра отликает желтизной и украшена витиеватой резьбой. Там, где обычно расположен считыватель, выступает панель с десятью металлическими кнопками, расположенными треугольником. На кнопках — непонятные знаки.

Чжу подходит к цилиндру и набирает на панели код. Слышится знакомый стук когтей по металлу. На мгновение я теряю самообладание: ужас встречи со стражем сидит во мне слишком глубоко. Но Чжу ободряюще улыбается.

Створки диафрагмы на торце колодца раздвигаются, и снизу появляется странное существо. По всем признакам это страж: те же длинные угловатые шипастые ноги, маленькая голова с восемью глазами. Но вместо обычного паучьего тела у него ажурная металлическая сфера, а внутри — прозрачная капсула, похожая на капсулу доставки. Я догадываюсь, что это и есть Арроджадо.

Он взбирается на край колодца, спускается на землю и идет к нам. Подходит вплотную, останавливается и сгибает ноги — брюхо касается земли. Ажурная решетка со скрежетом раскрывается. Двери прозрачной капсулы распахиваются.

— Арроджадо позаботится обо всем, — говорит Чжу.

Я захожу внутрь сферы. Перна и Кауда — за мной. Мы садимся в кресла. Шипит воздух, подушки безопасности прижимают нас к сиденьям. Гудит стабилизирующий гироскоп, ажурная решетка закрывает прозрачную капсулу. Арроджадо поднимается, пружинисто отталкивается и запрыгивает на край колодца.

Диафрагма под нами открывается. Я никогда не видел колодец изнутри и теперь пытаюсь рассмотреть его устройство. Сначала, пока скорость еще невелика, я замечаю, что цилиндр составлен из массивных колец, стянутых по торцам болтами. Вдоль стен свисают кабели и тянутся металлические рельсы.

Арроджадо упирается в рельсы шестью лапами, удерживая тело в нужном положении и регулируя скорость. Я вижу искры, летящие из-под его когтей, и чувствую, как мое тело вдавливаются в кресло.

Через какое-то время скорость падает. Сплошной цилиндр колодца сменяется ажурной металлической конструкцией. Сквозь проемы я вижу гигантский зал, заставленный серыми металлическими шкафами. Их ряды тянутся до горизонта.

— Мы в реальности? — спрашиваю я.

— Да. Это главный вычислительный комплекс Чжу. Нам дальше.

— Дальше? — удивляюсь я, но Арроджадо не отвечает.

Ажурные стенки колодца снова сменяются сплошными. Мы несемся вниз.

Темнота наступает так внезапно, будто кто-то не просто выключил свет, а лишил меня зрения. Я закрываю и открываю глаза, но ничего не меняется. Хочу позвать Перну, но не слышу собственного голоса. Я не чувствую ни кресла, ни тела. Все погружено в непроницаемую среду, где нет никаких ощущений. Я не понимаю, сколько длится это странное состояние.

Неожиданно чувства возвращаются ко мне, и я с ужасом понимаю, что мы летим навстречу земле. Я не успеваю осознать, что происходит, как падение прекращается, и мы качаемся в сетке, натянутой между столбами.

Внизу раскинулся зеленый массив леса, дальше — каменистый берег и морская гладь. Волны пенятся у прибрежных скал. Я чувствую движение воздуха и такой родной запах морской воды... Зеленый склон поднимается от желтого песчаного пляжа к голубому небу.

Арроджадо перемещается по канатам сетки к одному из столбов и спускается на землю. Не останавливаясь, он бодрым аллюром идет по зеленому склону вдоль берега.

Он переходит вброд несколько быстрых ручьев, затем по тропе, петляющей среди камней, спускается на узкий каменистый пляж и идет вдоль берега. Наконец останавливается у почти отвесной каменной стены, по которой несутся потоки воды.

В водяной пыли вспыхивает радуга. Внизу, под водопадом, лежит озеро с каменистыми, покрытыми мхом берегами. С замшелого камня поднимаются Лея и Тэя. У сестры на руках сидит домовая Йа. Рядом с ней — Йокку. Арроджадо распаивает перед ними двери капсулы.

— Как вы здесь оказались? — спрашиваю я жену.

— Не знаю. После того как ты ушел на вызов, я уснула, а когда открыла глаза, обнаружила себя здесь. Вероятно, это сделал Чжу.

Я понимаю, что, хотя впереди нас ждут новые и неизвестные испытания, страха нет. Моя жизнь снова обретает смысл.

Арроджадо входит в озеро, подходит к одному из камней и касается его. В камне открывается отверстие, и я с удивлением вижу в глубине пульт с кнопками, чем-то напоминающий тот, что мы видели на колодце.

Паук нажимает несколько кнопок, и уровень воды в озере начинает понижаться. Обнажается ровное каменистое дно; вода уходит в закрытое решеткой отверстие.

— Сейчас Чжу примет нас, — говорит Арроджадо.

— Ты знаешь, что будет?

— Нет. Но мы обязательно встретимся.

Он поворачивается к скале. Вода по-прежнему несется по отвесной стене и уходит в отверстие под ней. Брызги от потока, разбивающегося о решетку, долетают до нас.

«Как же все будет? — думаю я. — Почему я так доверяю Чжу и Арроджадо?»

Из отверстия под скалой поднимается туман. Сначала едва заметный, как пар, затем все плотнее. Вскоре нижняя часть сферы скрывается под густым слоем, и я чувствую легкое онемение в ногах.

Когда туман поднимается до пояса, я кладу руку на загривок лопуха. Тот вздрагивает, и мне кажется, будто он пытается вырваться, но тут же затихает.

Туман подступает к подбородку, и тут я понимаю: это не пар. Это Чжу принимает нас.

Арроджадо повторяет:

— Мы обязательно встретимся.

Южные земли. Перна

В ночь накануне летнего солнцестояния старый козлоногий Перна де Кабра распахнул тяжелую дверь маячной башни и вышел на крыльцо. Теплый ветер нес с полей пряный запах тимьяна. Внизу, под скалой, шелестел прибор. Полная луна поднималась над морем. Тень башни ложилась на мощный двор и на серебристую пыльную дорогу, уходившую от маяка по пологому склону холма вверх и вправо, за вершину. В зарослях лениво перекликались птицы. Одна неугомонная птаха пыталась начать песню, но всякий раз смолкала, словно недовольная тем, как у нее выходит.

Через распахнутую за спиной козлоногого дверь была видна комната с простым деревянным столом и керосиновой лампой на нем. Свет лампы через дверной проем падал на землю неровным четырехугольником. Тень Перны с искаженными пропорциями, причудливо двигалась в неустойчивом свете фитиля.

Козлоногий был крепок и широк в плечах. Черная с проседью борода могла бы придать ему благообразный вид, но изрезанное шрамами и морщинами лицо, волосы, собранные в пучок на затылке и серьга в ухе выдавали в нем существо бывалое и бесшабашное. Носил он латаную рубаху навывпуск с распахнутым воротом и широкие холщовые штаны до мохнатых щиколоток; подпоясывался ремнем, на котором висел внушительных размеров нож в деревянных ножнах.

Жаркий день был полон хлопот, но ночь принесла прохладу и покой. Перна сел на крыльце, протянул ноги через две ступени так, что копыта уперлись в землю, сложил руки на коленях, прикрыл глаза и с тихой печалью подумал: «Канун лета. Ночь чудес».

Уходящая весна была одной из сотен весен, что он прожил, не ведя счета годам, но каждую смену сезона он отмечал про себя, будто все еще чего-то ждал в своей долгой и непростой жизни.

Повидал Перна немало. Он помнил еще времена, когда эльфийская королева Туола, бабушка нынешнего правителя Эрто, после многих месяцев морских скитаний привела в Южные земли всех, кто доверил свою жизнь ее мудрости. Новая земля оказалась щедрой. Леса тянулись от побережья в глубь суши, до подножия скалистых гор со снежными вершинами. Быстрые реки несли прозрачные воды к океану. Для всех нашлось место.

Драконы улетели за дальние горные хребты, лопуухи поселились в лесах, эльфы построили королевский замок и расселились в его окрестностях, занявшись земледелием и охраной границ.

На новом месте странники встретили существ, называвших себя людьми. Королева Туола поладила с ними и взяла их под свое покровительство. Люди оказались сметливыми и вскоре под руководством козлоногих освоили строительство кораблей и мореплавание.

На берегу вырос портовый город Озисс, а на высокой скале у входа в бухту поднялась каменная башня. Туорго, отец Эрто, установил на ней спиртово-калильный светильник. За десятки миль в море был виден его сигнал: четыре короткие вспышки каждые пятнадцать секунд, а затем тридцатисекундная пауза. Моряки называли его маяком Туорго. Жизнь в порту закипела.

Туола предлагала Перне и его брату-близнецу Кауде остаться в замке, но ветер странствий манил козлоногих, и они выбрали море.

Капитаны ценили братьев. Перна легко справлялся и с погрузкой в трюме, и с работой на палубе во время шторма. Все делал без суеты и надрыва, посмеиваясь над товарищами:

— Вы, ребяташки, ноги свои от моих копыт подальше держите: наступлю ненароком — оставлю семью без кормильца.

Те не обижались. Знали, что козлоногий не злопамятен и отзывчив, поможет в трудную минуту.

Кауда славился своей стряпней. Не было на всех морях кока лучше. Команды считали за счастье, когда он соглашался пойти с ними в рейс. Капитаны нанимали братьев не торгуясь.

В те времена на море свирепствовали не только штормы. Были и лихие люди, подстерегавшие торговые суда на морских путях у безлюдных берегов, откуда горячий ветер нес песок пустынь. Но все знали: пара вооруженных козлоногих справится с дюжиной разбойников.

Так и ходили Перна и Кауда с торговыми судами из порта в порт по бурным океанским просторам, пока не началось то, что позже жители Южных земель назовут Великим Исходом.

Великий Исход

Корабль, на котором служили Перна и Кауда, входил в порт Ронг-Фуэндо с грузом корабельного леса. Команда готовилась к разгрузке, предвкушая простые радости на честно заработанные в рейсе деньги. Но город встретил их тишиной. В туманной предрассветной мгле маяк не подал голоса и не подмигнул проблесковым огнем, напоминая о близости скал и прибрежных мелей.

Капитан бросил якорь у входа в бухту в ожидании лоцмана и таможенного офицера, но никто не подошел и не потребовал спустить трап. Когда рассвело, команда собралась у борта, с тревогой рассматривая безлюдный берег.

Капитан приказал спустить шлюпку, но вид пустого города, когда-то сиявшего огнями и шумевшего ярмарочной суетой, а теперь погруженного в неподвижную тишину, напугал всех. Матросы не боялись ни штормов, ни ураганного ветра, ни грохота пушек, ни оружейной стрельбы, но кладбищенская тишина страшила сильнее, чем кровь и увечья.

Не помогли ни крики, ни посулы вознаграждения. Только козлоногие согласились. Братья не боялись ни злодеев, ни людских болезней. Да и плата, которую капитан назначил за эту вылазку, была кстати — неплохие деньги для тех, кто хотел скопить на собственный корабль.

Сели в шлюпку: Перна — на весла, Кауда — за руль. Капитан предложил им пару ружей, но они отказались, предпочитая привычное оружие. В бою важно умение. Нет прока в том, чем владеешь плохо.

Братья пристали к берегу, вытащили лодку на песчаный пляж и привязали ее к старой свае. Огляделись, прислушались. Человеческой речи не было слышно. Только крики чаек да легкий запах тлена; нюх-то у козлоногих отменный.

Они переглянулись и стали медленно подниматься по тропинке, ведущей к портовым сооружениям. Повсюду было пусто. Двери везде стояли распахнутыми настежь.

Контора, где капитаны по контракту получали плату за рейс, стояла открытой. За стойкой, где обычно сидел кассир, никого не было. По грязному полу ветер гонял бумажный сор. Денежный ящик, который обычно держали закрытым, был открыт. Внутри лежали пачки купюр и мешочки. Перна взял один, взвесил на ладони, понял по тяжести, что там монеты, и тут же положил на место. Ни ему, ни Кауде не пришло бы в голову взять чужие деньги.

Кауда тем временем склонился над лежавшей на столе бухгалтерской книгой.

— Чудно, — задумчиво произнес он. — Взгляни.

Перна подошел. Книга была открыта на последней заполненной странице. Сначала шли обычные бухгалтерские записи. Слева — приход: дата и указание, за что получены деньги. Справа — расход: дата и пояснения, кому и на что они выданы.

Несколько последних строк к бухгалтерии не относились. Они были написаны неаккуратно, будто впопыхах. Писавший не слишком заботился о каллиграфии. Братья смогли разобрать:

«Вынужден оставить вверенное мне дело, так как неотложные дела зовут меня... (зачеркнуто) Мне необходимо... (снова зачеркнуто) Я не могу больше сопротивляться. Все бегут... Я должен последовать за...»

Далее текст стал совсем неразборчивым. Перо порвало бумагу. Было похоже, что писавший пытался о чем-то сказать, но не смог, не успел.

— Что тут произошло? — недоуменно спросил Перна.

Кауда лишь пожал плечами.

В этот момент по кассовой стойке скользнула тень. Перна отшатнулся, но это оказалась всего лишь белая с рыжими пятнами кошка. Она утробно заурчала, спрыгнула на пол и положила перед козлоногим дохлую мышь.

Перна рассмеялся:

— Что, милая, решила поделиться добычей?

Он присел на корточки. Кошка ткнула носом ему в ладонь, стала тереться мордой о ноги.

— Ну, хозяйюшка? Ты-то, верно, знаешь, что здесь приключилось.

Кошка, будто понимая, о чем ее спрашивают, вспрыгнула на подоконник и посмотрела в распахнутое окно.

— Может, взять ее с собой на корабль? — предложил Перна. — Смотри, какая звонкая да ласковая.

— Не думаю, что сейчас это хорошая идея. Команда всего боится. Капитан на взводе. Может вышвырнуть ее за борт. Климат в этих краях мягкий, мышей полно — не пропадет. Давай-ка лучше пройдемся. Может, увидим кого-нибудь, узнаем, что тут приключилось. Не мог же весь город обезлюдеть.

Козлоногие двинулись вдоль мощеной улицы, идущей от порта к центральной площади. Судя по последним записям в бухгалтерской книге, что-то произошло здесь неделю назад.

Они зашли в несколько домов, но ничто не указывало на причину случившегося. В одном из домов на высокой кровати лежал мертвый старик, укрытый одеялом до груди. Рядом стоял гроб. Как будто покойного хотели похоронить, но почему-то оставили и ушли.

Всюду были видны следы поспешного ухода: распахнутые двери, накрытые к обеду столы, нетронутые вещи. Все выглядело так, будто жители занимались своими делами, а потом встали и ушли, забыв обо всем, что было важно, как тот портовый кассир, который даже не закрыл металлический ящик с деньгами.

Братья подошли к южным городским воротам. Их створки были распахнуты настежь. Козлоногие пошли дальше. Дорога шла под уклон и должна была привести к морю, но слева показалась широкая натопанная тропа, и братья свернули на нее. Вскоре она распалась на множество узких тропинок, петляющих между деревьями, и вывела их на большую поляну.

Тут братья увидели то, что потом видели не раз: металлический цилиндр, а вокруг — несколько полуистлевших трупов. Стая падальщиков лениво поднялась в воздух. Трупов было немного, но земля была вытоптана так, будто здесь побывал весь город.

Братья обошли поляну. Перна подошел к металлическому цилиндру, приставил к нему ухо и прислушался. Откуда-то снизу шел низкий гул, как будто под землей работала большая машина.

Козлоногие еще раз обошли поляну в надежде увидеть что-нибудь, что даст ключ к разгадке, но ничего не нашли. Рядом с одним из мертвецов лежала лопата. Видно, человек был занят делом, но прихватил инструмент и отправился на эту поляну, чтобы найти здесь последнее пристанище.

Кауда взял лопату и стал копать. Вместе, сменяя друг друга, они вырыли яму, сложили в нее трупы и засыпали землей. Смерть не должна быть безобразной.

Вернувшись на корабль, козлоногие рассказали обо всем, но о кассовом ящике умолчали. Зная характер капитана, они не хотели ни искушать его, ни становиться соучастниками возможной кражи.

Перна предложил вернуться в Южные земли, но капитан направил корабль в Верну, в ста милях к югу от Ронг-Фуэндо. Однако там они нашли ту же картину: пустой город, стаи падальщиков над поляной с металлическим цилиндром и немногочисленные истлевшие тела.

После этого капитан согласился вернуться в Озисс, но домой вернулись только козлоногие.

Возвращение

Не дойдя сотни миль до Озисса, капитан решил сделать остановку. При входе в бухту, на траверзе левого борта, они увидели черный купол, поднимавшийся среди прибрежных дюн.

Матросы бросились в воду и поплыли к берегу, будто какая-то невидимая сила звала их. Кауда и Перна пытались удержать обезумевших людей, но капитан выхватил пистолет, выстрелил в Кауду и бросился с борта вслед за своей командой.

Пуля попала Кауде в плечо. В пылу схватки он не почувствовал боли. Только после того, как они с Перной остались на корабле одни, показал рану брату.

Пуля не раздробила кость и вышла наружу, но остатки пыжа застряли в теле. Перна обработал рану, но к вечеру Кауда слег с ознобом.

Утром Перна спустил одну из шлюпок, которыми не воспользовалась обезумевшая команда, посадил в нее брата и поплыл к берегу. Там он оставил раненого, а сам отправился в ближнюю рыбацкую деревню.

Вид обезлюдившего поселения не удивил Перну. Эту картину он уже видел в Ронг-Фуэндо и в Верне.

Козлоногий прошелся по улицам. В одном из брошенных домов нашел лошадь и телегу. Запряг животное, прихватил пару мешков овса, матрас и продукты и отправился в бухту.

Там он посадил брата в повозку и направился в родные места.

Через пару дней братья добрались до Озисса. Когда Перна увидел в туманной утренней мгле огни маяка Туорго, он решил, что теперь все наладится.

Они ехали по неширокой мощеной улице, где едва могли разъехаться две телеги. Перна с удивлением смотрел по сторонам. Каменные двухэтажные дома. Окна, закрытые ставнями. Безлюдно.

Когда-то здесь кипела жизнь. Портовые города не спят ни днем, ни ночью.

Перна оставил брата на берегу у причала, а сам отправился в город.

В паре сотен метров от порта Перна увидел вывеску харчевни «У Зуча». Трактирщик в портовом городе — кладезь последних новостей и сплетен. Про местных он знает все.

Откинув в сторону давно не стиранную занавеску у входа, козлоногий вошел. Зал был прибран с утра, но кислый запах пива и перегара копился годами. Его невозможно было вытравить, просто побрызгав на грязный пол водой и сметя обглоданные кости в угол.

Этот запах во всех питейных заведениях мира одинаков, так что даже с завязанными глазами всякий узнал бы подобное место.

За стойкой стоял толстый краснолицый мужчина, в котором по наглomu, оценивающему взгляду козлоногий без труда узнал хозяина. Беседу с трактирщиком лучше всего начинать с заказа выпивки.

Перна подошел к стойке:

— Большую темного и пару сосисок.

Хозяин осмотрел гостя, оценивая его платежеспособность. Решив, что Перна выглядит достаточно обеспеченным, протер мутную кружку засаленным полотенцем и открыл кран. Пенная шапка наполовину уменьшила порцию, но козлоногий спорить не стал. Он сел у стойки и глотком осушил половину кружки. Горячие сосиски хозяин выловил из булькающего чана, положил на тарелку и придвинул гостю.

Приправа в виде темно-коричневой горчицы стояла рядом, в банке. Перна оглянулся в поисках приборов, но понял, что в этом заведении сервировка не входила в число услуг. Ну что же, дело привычное. За свою жизнь он повидал немало портовых кабаков. Удивить его отсутствием ножей и вилок было трудно.

Он ткнул сосиской прямо в банку с горчицей и откусил половину. Сосиски были недурны: сочное ароматное мясо брызнуло горячим соком в рот. Видно, поставщик не жульничал.

— Отменное блюдо, хозяин. Положи-ка мне еще парочку да долей пива. А то порция маловата.

Хозяин намек понял и молча долил пива.

Перна съел сосиски, допил пиво, вытер рот широкой ладонью и положил на стойку медную мангрийскую монету, бывшую в ходу во всех портах мира.

Хозяин отодвинул ее:

— Нет, парень. У тебя ее никто не возьмет. Корабли из мангрийских портов больше не приходят.

— Мы три месяца шли из Ронг-Фуэндо. Не слыхали про такое. Что там приключилось?

— Никто толком не знает, — хозяин склонился к нему и произнес полупшепотом: — Только из всех портов, что на севере, нет вестей. Все, кто отправился туда, не вернулись. — Он помолчал и добавил: — Да и у нас тут беспокойно.

— Чудно, однако.

Перна порылся в поясной сумке и достал мелкую серебряную монетку. За такую можно было неделю прожить в припортовой гостинице с пансионом.

Козлоногий улыбнулся:

— Сдачи не нужно.

С хозяевами кабаков лучше поддерживать хорошие отношения. А деньги он всегда зарабатывает.

Монета исчезла со стойки. Довольный хозяин налил в кружку козлоногого новую порцию пива. На этот раз он наклонил ее и пустил струю по стенке, чтобы пены было меньше.

— Какими судьбами в наших краях?

— Да вот прибыли с братом. Поживем, посмотримся. Может, останемся здесь. Места у вас вроде неплохие.

— А я, кажется, знаю тебя. Ты Перна или Кабра?

— Перна.

— Как же, как же... Места здесь отменные. Чем хочешь можно заняться — хоть в городе, хоть в поселениях. В паре десятков миль отсюда — поселение эльфов. В городе теперь людей немного, больше орки и другая нечисть. С ними нужен глаз да глаз. Могу взять вас вышибалами. Тут к ночи самое веселье начинается. Что ни день, то выносы покойника. Пара крепких ребят мне бы не помешала. А с меня — стол и комната на антресолях.

— Мы подумаем. Я сейчас врача ищу. Брат ранен. Рана гноится.

— Так врач напротив живет. Только его сейчас дома нет. К обеду явится. Он больницу открыл недалеко отсюда. Клиникой называется. Опыты какие-то ставит. К нему наши боятся ходить лечиться. Говорят, он из людей орков делает, а из орков — бледную нечисть. Только враки это. Я еще ни кого не встречал, чтобы превращенным был. Нашим дай только повод посочинять. Наврут с три короба.

— Так мне, может, лучше в больницу к нему сходить?

— Он через полчаса сам сюда явится обедать. Тут ты с ним и переговоришь.

У входа звякнул колокольчик.

— Чего тебе? — обратился хозяин к вошедшему.

Перна повернулся на стуле. У входа стоял лопух Йокку. В полумраке таверны он не узнал козлоногого и обратился к хозяину:

— Ягоды не возьмете?

— Нет, лопух, не возьму. Больно они у тебя дорогие. Моим клиентам подавай что подешевле да позабористей. Иди отсюда, пока орки не явились, — Зуч повернулся к Перне. — Чего они лопухов невзлюбили, не знаю. Только на дух их не переносят. Говорят, что пахнут

противно. По мне, так от орков несет, как от помойного корыта. Но я не вмешиваюсь. Слово клиента — закон.

— Пойду на улице посижу, — сказал Перна хозяину и вышел вслед за лопоухом.

Тот стоял поодаль. Козлоногий подошел к нему:

— Здравствуй, Йокку. Не узнаешь меня? Я Перна.

Лопоух посмотрел козлоногому в глаза:

— Здравствуй, Перна. Рад тебя видеть. Только лучше местным не знать, что мы знакомы.

Перна хотел расспросить, к чему такая скрытность, но решил, что улица — не лучшее место для разговоров. К тому же другая забота терзала ему сердце.

— Хорошо, что я тебя встретил, Йокку. Ты помнишь Кауду?

— Конечно. Как можно забыть старых друзей?

— У нас беда, милый. Болеет Кауда. Не знаю, чем ему помочь.

— Что с ним?

— Все тело язвами покрыто. Гниет заживо. Ничего не помогает. Хочу его доктору показать.

— Вы к доктору не ходите.

— А что? Трактирщик сказал, что он превращает орков в бледную нечисть.

— Это все портовые байки. Просто он шарлатан. Не будет проку от его лечения.

— Что же делать?

— Есть у тебя с собой какая-нибудь посудина?

Перна порылся в мешке и достал глубокую миску:

— Пойдет?

Лопоух высыпал в нее ягоды из своей корзинки.

— Ты корми брата ягодами. А сок разведи в морской воде и промой рану. И ждите меня на берегу бухты, под маяком. А в город не ходите. Нехорошо здесь. Я к вечеру вернусь.

— Может быть, нам к Туоле поехать?

Лопоух посмотрел на Перну долгим печальным взглядом:

— Ты, выходит, совсем ничего не знаешь?

— Мы с Каудой лет сто мотались по океанским просторам. Что случилось?

— Нет больше Туолы, — слезы навернулись на глаза лопоуха. — Нет и ее сына Туорго. Никто не знает, что с ними. Когда стали исчезать люди на дальних границах, королева собрала отряд и отправилась на Север, чтобы узнать, что происходит. С тех пор от них нет вестей.

— Не может быть! — ахнул козлоногий. — Как такое возможно? Ведь они были так сильны. Никто не мог взять над ними верх.

— Никто не знает. Теперь в замке остались Эрто с сестрой Тэей и когорта эльфов, которую Туола оставила для охраны. Эрто будет рад тебя видеть. Вы подождите, а я вернусь за вами с Арроджадо.

— Жив еще старый дракон Арроджадо?

— Жив-жив. Что с ним станется. Ворчлив стал, но будет рад повидать старых друзей.

Так братья-козлоногие вернулись домой.

Многое изменилось в Южных землях. Больше не приходили корабли в порт Озисс, и никто не уходил в плавание. Старый портовый кабак принимал тех, кто за кружкой пива любил рассказывать истории, о которых знал понаслышке. Слухи ходили самые невероятные, один страшнее другого.

Перна и сам мог бы многое рассказать, но все, что нужно, он рассказал Эрто. Тот выслушал козлоногого и согласился, что жизнь за пределами Южных земель либо прекратилась, либо так изменилась, что жителям стало не до дальних странствий.

Эрто предложил козлоногим остаться в замке. Кауда взялся за стиральную на королевской кухне, а Перна стал помогать Эрто в мастерской. Работы было много. Эрто, как и его отец

Туорго, мечтал, что когда-нибудь машины заменят магию и станут подспорьем для всех, кто нуждается в помощи.

И еще они с Эрто решили, что маяк Туорго не должен погаснуть. Хотя корабли в порт Озисс больше и не приходили, оставалась надежда, что где-то еще есть жизнь и кому-то поможет свет маяка.

Каждый вечер козлоногий отправлялся на Арроджадо к башне, чтобы проверить работу механизма, зеркал и линз, заправить спиртом топливные баки и зажечь спиртово-калильный светильник.

Свою службу у Эрто Перна не считал обязанностью. Она была для него необременительной и привычной заботой, приносящей к вечеру спокойную усталость, когда ложишься спать с мыслью, что завтра снова увидишь тех, кого любишь.

Купол

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как козлоногие вернулись домой. Тревога жила в сердцах жителей Южных земель. Дневные дела гнали мрачные мысли прочь, но к ночи неясный свет сумерек рождал смятение в душах.

Перед рассветом первого дня летнего солнцестояния домовый Йа проснулся от толчка. Кто-то пытался проникнуть в его сознание. Йа подошел к двери. Дождь барабанил по крыше и шумел в кронах деревьев. Но это не мешало слушать. За дверью кто-то стоял. Домовой почувствовал его уверенность и силу.

Йа коснулся ручки. На дорожке перед крыльцом скрипнул гравий. Домовой открыл дверь и в мутном предрассветном сумраке увидел существо размером с корову: поджарое, покрытое редкими волосами, с обтекаемым телом, четырьмя парами длинных угловатых шипастых ног и маленькой головой с несколькими парами блестящих глаз. Капли дождя стекали по серому телу.

«Паук?» — удивился домовый и спросил:

— Кто ты?

«Страж», — услышал он беззвучный голос, проникающий в сознание.

Йа почувствовал, как незнакомец пытается взять под контроль его мысли. Домовой подождал, пока энергия атаки ослабнет, и нанес ответный удар. Оказалось, что мозг пришельца защищен слабо. Йа проник в него, стер недавние воспоминания и заменил в зоне распознавания свое изображение образом дырявой шляпы, висящей у косяка. Потом понаблюдав, как примитивный мозг паука обрабатывает информацию со зрительных датчиков и меняет реальную картинку.

После этого незнакомец потерял интерес к Йа, развернулся и вышел за ограду. Там он мерной иноходью пустился по дороге в сторону моря. Домовой побежал за ним. Паук шел, не таясь. Несколько мелких лесных троллей, попавшихся навстречу, прошли мимо, не заметив паука, хотя были всего в шаге от него.

По дороге, петляющей между холмами, незнакомец направился к пологому травянистому склону, спускающемуся к маячной бухте. Узкая тропа уходила вправо, к полупрозрачному сосновому лесу. Паук свернул и, не сбавляя хода, двинулся к нему.

Они углубились в лес и вскоре вышли на обширную поляну, заросшую папоротником и редкими молодыми соснами. Жители Южных земель хорошо знали это место. Здесь находился камень всеожжения, у которого мелкие лесные тролли, драконы и другие существа провожали в последний путь своих сородичей. На камне разводили костер. Драконы раздували его до жара, превращавшего тело умершего в облако дыма. Многие жители Южных земель окончили здесь свой земной путь: мелкие лесные тролли, ночные плаксы, драконы...

Место было почитаемым, но жители Южных Земель приходили сюда лишь в тех редких случаях, когда провожали сородича в последний путь.

В этот раз поляна выглядела необычно. Рядом с камнем всеожжения возвышался цилиндр. Паук подошел к нему и издал несколько звуков разной высоты. Стенки цилиндра раздвинулись, и чудовище исчезло в образовавшемся отверстии.

Домовой затаился в кустах и стал наблюдать. Вскоре на поляне появился еще один паук. За ним — другие. Они ничем не отличались друг от друга и вели себя одинаково: вставляли рядом с цилиндром, подавали сигнал и исчезали в открывшемся отверстии. Словно возвращались домой с ночного дежурства.

Через час движение на поляне прекратилось. Домовой насчитал тридцать тварей. Он вышел из кустов и подошел к цилиндру. Его матовая поверхность отливала желтизной и была украшена витиеватой резьбой. На высоте полутора метров выступала панель с десятью круг-

лыми металлическими кнопками, расположенными треугольником, с непонятными символами на них.

Йа показалось, что где-то он уже видел такой треугольник с кружками, но обстановка была тревожной, и у домового не было времени раздумывать. Он приложил ухо к поверхности цилиндра и услышал тяжелый низкий гул, похожий на шум механизма. Звук механической жизни.

Некоторое время домового еще наблюдал. Солнце поднялось над лесом, и он уже собрался отправиться к Эрто, чтобы рассказать об увиденном. Однако стенки цилиндра снова раздвинулись, и стали появляться пауки. Йа попытался пересчитать тварей, но после первой сотни сбился.

Движение чудовищ было подчинено плану. Часть из них расположилась вокруг цилиндра. Следующая группа взобралась на тех, что стояли на земле. Пауки выходили из цилиндра, карабкаясь друг на друга, до тех пор, пока не образовали ажурный купол.

После этого раздался тонкий переливчатый свист, и из цилиндра появилось еще одно чудовище. Это тоже был паук, но крупнее прежних. Чудовище побежало по наружной поверхности сооружения, покрывая его паутиной. Пауки, из тел которых состояла конструкция, помогали ему.

Вскоре весь купол был плотно заткан. Поверхность сначала была белесой, но затем потемнела и стала черной. Настолько черной, что казалось, будто на ее месте зияет космическая бездна.

Домовой почувствовал, как многократно усилилась энергия, с которой кто-то пытается проникнуть в его сознание. Он мог защитить себя и по-прежнему видел происходящее, но сигнал, исходящий от купола, был настолько сильным, что домовому приходилось прилагать усилия, чтобы подавить в себе желание подчиниться зову.

Кто-то невидимый и властный пытался убедить его, что жизнь бессмысленна и напрасна, что есть мир, куда надо уйти, чтобы обрести покой.

Прошло немного времени, и домового увидел первую жертву этого зова. На поляну вышел Борода, крестьянин из ближней деревни людей. Двигался он неуверенно: несколько раз поворачивался, будто пытался уйти прочь. Казалось, какая-то неведомая сила тянет его туда, куда он идти не хочет. Но по мере того, как крестьянин приближался к куполу, шаги его ускорялись.

Йа вышел из кустов, направился наперерез и встал на пути крестьянина. Тот остановился, взглянул на домового, потом обошел его и двинулся дальше.

— Стой, Борода! — крикнул домового.

Человек, не останавливаясь и не оборачиваясь, с мукой произнес:

— Мне надо идти.

Пытаясь задержать крестьянина, Йа ухватил его за штанину, но тот стряхнул домового и зашагал дальше.

Йа увидел, как Борода приблизился к черной поверхности, на мгновение замер, словно набирая воздуха перед прыжком в воду, и шагнул вперед.

Домовой стоял посреди поляны и видел, как колышется край черного купола над зеленой травой. Электрические разряды ударили в землю. Воздух был наполнен острым запахом грозы.

То, что произошло на глазах Йа, было таким ужасным, что домового на несколько минут утратил способность сосредоточиться. Очнулся он в нескольких шагах от купола с острым желанием войти внутрь. Неясный зов внушал: «Шагни вперед. Обрети покой». Домовой справился с тем, что пытался внушить ему неслышимый голос, но, обернувшись к лесу, увидел людей. Они выходили на опушку и направлялись к куполу.

Люди шли словно с неохотой, но неведомая сила тянула их вперед. Йа пытался звать их, хватал за ноги, но скоро понял, что все его усилия напрасны: ему не удастся остановить это движение. Один за другим люди уходили во тьму.

«Да что же это?» — подумал домовый в отчаянии.

Люди шли, обходя домового, а он стоял, обреченно опустив руки, пока не услышал в небе крик дракона.

Йа поднял голову и увидел зеркальных драконов-близнецов: Левого и Правого. Домовой наблюдал, как пара белоснежных драконов мечется в небе серебристыми молниями, как они камнем падают вниз, хватают людей и несут их обратно к лесу. Домовой понимал, что эта работа бесполезна, потому что те немногие, кого близнецы успевали отнести к лесу, возвращались.

Скоро и драконы поняли, что не могут помочь. Они кружили над куполом и кричали, а люди все уходили во тьму...

Домовой увидел, как Левый сложил крылья и бросился вниз. Дракон вошел в черную поверхность в верхней точке купола. Тот слегка качнулся, его нижний край приподнялся и сдвинулся навстречу людям.

Правый закричал и рухнул неподалеку от купола, в самую гущу людей, идущих в неизвестность. Наверное, он поранил кого-то, может быть, задавил насмерть. Но люди не произнесли ни звука. Обходя тело Правого, они продолжали двигаться вперед.

Домовой кинулся к упавшему дракону. Приближаясь, он почувствовал, как нарастает низкая вибрация, идущая из-под земли. Правый лежал в нескольких десятках шагов от купола. Было видно, как черная поверхность медленно приближается к его белоснежному хвосту.

Йа подошел к дракону, приподнял ему веки. На мгновение домовому показалось, что сквозь узкие вертикальные щели зрачков за ним наблюдает кто-то чужой.

— Правый, ты слышишь меня?

Домовой не рассчитывал на ответ, но легкое движение глаз дракона сказало достаточно. На близнецов-драконов наложено зеркальное заклятие. Любая рана на теле одного мгновенно появлялась на теле другого. Правый был жив. Это значило, что Левый внутри купола тоже жив.

Домовой взглянул на купол и увидел, как расширяется его граница. Он задумался. До замка Эрто — час ходу. Пока он доберется туда и приведет помощь, Правый исчезнет.

Домовой лихорадочно думал, что предпринять, когда увидел в небе Арроджадо. Йа не сомневался, что старый дракон заметит происходящее на поляне, и не ошибся. Вскоре Арроджадо сидел рядом. У Йа не было времени рассказывать обо всем, что случилось:

— Надо унести Правого подальше отсюда. Тьма приближается и поглотит его.

Старому дракону не надо было ничего объяснять:

— Я отнесу его в замок к Эрто.

Домовой взобрался на спину Арроджадо. Тот подхватил Правого и сделал круг над поляной, набирая высоту. С высоты Йа видел, как люди бредут к куполу и исчезают за черной стеной.

Эрто

Из окна мастерской я вижу, как Арроджадо опускает зеркального дракона на лужайку перед парадным входом. Со спины дракона спрыгивает домовый Йа. Я бегу во двор, следом за мной спешит Перна. Из дверей замка выбегают Тэя, Дельфира и Кауда.

Сажусь на колени перед Правым, поднимаю ему голову и приоткрываю веки.

— Началось? — спрашиваю я у Йа.

Тот знает, что я имею в виду.

— Да. У камня всесождения появился черный купол. Люди уходят. Я пытался, но не смог никого удержать. Они идут, как во сне. Молча и с таким упорством, будто от этого зависит их жизнь. Левый и Правый тоже пытались помочь. Хватали людей и уносили подальше, но те возвращались. Пока братья уносили одних, другие продолжали идти. Думаю, от безысходности Левый кинулся в купол. Он исчез в нем, а Правый рухнул рядом. К счастью, появился Арроджадо...

Йа рассказывает, а я внимательно слушаю. Потом мы обсуждаем странное поведение зеркальных драконов и сходимся во мнении, что зеркальное заклятие действует. Левый должен быть жив, поскольку жив Правый.

— Как ты думаешь, драконы слышали зов? — спрашиваю я.

— Думаю, нет, но я чувствую силу зова. Купол позовет всех. Никто не сможет ему противиться.

Слова домового звучат как приговор, но не удивляют меня. Случилось то, чего с тревогой ждали в Южных землях, о чем ходили слухи, о чем рассказывали немногие уцелевшие. Я не испытываю страха, но на мне лежит ответственность за всех, кто доверил мне свою жизнь. Если ничего не предпринять, зов накроет и нас, и заставит уйти. Ждать нельзя.

— Объявляй общий сбор. Через час выступаем, — приказываю я Дельфире.

Подзываю Тэю:

— Подожди в кабинете. У меня есть поручение для тебя.

Сестра убегает, и я могу поговорить с домовым.

— Я хочу попросить тебя защитить Тэю.

Моя просьба необычна. Домовые держат в секрете свое искусство прятаться. Когда я был подростком, Йа научил меня этому, и ему крепко попало от старших.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Пришло время нарушить правила, — домовый на мгновение замолкает и добавляет: — Надеюсь, у Тэи получится, как когда-то получилось у тебя. В детстве мозг восприимчив.

— Я благодарен тебе. Но это не все. Я хочу, чтобы ты помог мне разрушить купол.

Я посвящаю Йа в свой план. Тот молча кивает и исчезает. Домовые стараются не показываться на глаза окружающим. Прилетев на Арроджадо, Йа уже нарушил это правило.

Иду в кабинет, чтобы поговорить с сестрой. Мы с Тэей сидим друг напротив друга. Я беру ее за руки. Чувствую, как моя тревога отзывается в ее сердце. «Она чувствует чужую боль. Она справится», — думаю я.

— Вы с домовым должны сделать кое-что важное, — я смотрю в широко раскрытые глаза сестры. — Через час мы отправимся к камню всесождения, чтобы разобраться в происходящем, а вы с домовым останетесь и выполните мое задание.

— Но, Эрто! Почему ты не хочешь взять меня с собой? — возмущается Тэя.

— Всякий раз, когда мы сталкиваемся с неизвестным, должны сначала разобраться сами. Это работа взрослых. Но у тебя с домовым тоже есть задание. Его можете выполнить только вы.

— Это по-настоящему что-то важное, а не просто отговорка, чтобы не брать меня с собой?

— Я действительно не хочу брать тебя с собой, но ваше задание очень важно. От того, как вы с ним справитесь, будет зависеть многое.

— Я справлюсь! — выкрикивает Тэя, потом поправляется: — Я буду стараться изо всех сил.

— Это важно — стараться изо всех сил.

— Говори скорее! Что я должна сделать?

— Для начала ты должна научиться искусству домовых.

— Йа научит меня быть невидимкой? — шепчет Тэя.

Об этом она и мечтать не смела.

— Йа согласился, несмотря на то что законы домовых это запрещают. Я бы очень хотел, чтобы у тебя получилось. Ты должна очень постараться.

— Я буду очень стараться, — говорит Тэя, поднимаясь. Ей не терпится позвать домового.

Я поправляю цепочку на шее сестры:

— Из твоего окна хорошо видна лужайка перед домом. Ты не пропустишь. Как только мы выйдем за ворота, зови домового. Просто подуй в манок, и он прибежит, где бы ни находился.

— Так он же во дворе.

— Он скрылся.

Я вижу, что Тэе не терпится сесть у окна и дожидаться заветного мгновения, когда можно будет позвать домового. Но было еще одно обстоятельство, о котором я должен предупредить сестру.

— Тебе придется хранить в тайне то, чему тебя научит домовый.

— Даже от Дельфиры?

Дельфира — эльфийка, которая помогает мне в хозяйственных делах. Тэя дружит с ней и всегда делится своими секретами.

— Да, милая. Даже от Дельфиры.

— Хорошо. Я очень-очень постараюсь. Это трудно, — она умолкает, — но ведь это только пока. Ненадолго.

— Да. Ненадолго. Только до возвращения родителей. А там ты все им расскажешь, — я улыбаюсь и добавляю: — если домовый разрешит тебе и если ты сама захочешь.

Искусство прятаться

Вскоре Эрто в полной боевой выкладке выходит из дома. За плечами у него лук и колчан, у пояса — короткий меч и шпага из иглы ежеголовного дракона; поверх легкой кольчуги — одежда из мягкой кожи и замши, не стесняющая движений. Во дворе его уже ждут вооруженный отряд эльфов и козлоногие. У самых ворот он оборачивается, смотрит на сестру и что-то говорит. Тэя распахивает окно, чтобы переспросить. Эрто выхватывает стрелу из колчана и подносит оперением к губам, будто дует в воображаемую дудочку.

«Надо позвать домового», — понимает девочка.

Тэя тихонько дует в манок. Ни звука. «Может, сломался», — решает она и пробует еще раз. Легкое движение воздуха за спиной касается ее волос. Девочка оборачивается и вздрагивает: у кукольного столика стоит домовый.

— Ты напугал меня!

— Прости.

— Ничего, ничего. Я так рада, что ты пришел, — восклицает Тэя. — Эрто сказал, что ты...

— Я знаю, — перебивает ее Йа.

Он подходит к Тэе, и она опускается перед ним на колени так, что ее глаза оказываются на уровне глаз домового. Тот берет ее за руки.

— Я должен позаботиться о тебе.

— Чтобы меня не забрал купол?

— Да. Но не только поэтому.

— Эрто сказал, что...

Домовой подносит палец к губам и тихо улыбается:

— Ты бы хотела научиться прятаться так, чтобы тебя никто не мог найти?

— Да... — Тэя умолкает, не решаясь продолжить. Слишком заветно это желание.

— Пришло время.

— Правда? — шепчет девочка.

— Да. Только обещаю тебе, что никто не узнает о нашей с тобой тайне, — Йа на мгновение замолкает. — Когда-то я научил этому твоего брата. И мне крепко попало от наших. Нельзя посвящать чужих в тайны домовых, но теперь пришло время нарушить правила.

— Я бы так хотела знать, как вы прячетесь! — горячо шепчет Тэя. — Никто не хочет говорить со мной об этом. Эрто знает, но все твердит: нельзя да нельзя! А почему нельзя — не говорит. Я уже всю голову сломала и все глаза проглядела, пытаюсь понять, как вы это делаете. Почему вас никто не видит и не слышит? Вы же всегда где-то рядом. Ну как вы это делаете? У вас что, ходы проделаны в стенах? Или вы такие быстрые, что все время ускользаете от нашего взгляда? Или это магия?

— Тсс! — домовый прижимает палец к губам. — Я научу тебя. Ты ведь не проболтаешься, правда?

Тэя кивает. Домовой продолжает:

— Это не очень сложно. И никакого волшебства. У эльфов есть способность, которую можно развить в детстве, пока мозг восприимчив. У Эрто это получилось. Надеюсь, и у тебя получится. Я сейчас немного «поколую» над твоим мозгом. Ничего не бойся.

Домовой обходит Тэю, встает за спиной и прикладывает руки к ее вискам. В голове девочки проносятся странные видения. Она видит родителей. Те улыбаются, склонившись над ней. Потом появляется брат Эрто. Он снимает с шеи цепочку с манком и надевает ее на Тэю. Затем она видит зеркальных драконов — Левого и Правого. Те летят над замком в лучах заходящего солнца. И вдруг воспоминания обрываются, и Тэя снова видит свою комнату. Все изме-

нилось. Мир полон незнакомых звуков и необычных красок. Стены, мебель и ковер на полу потемнели и стали почти незаметными, а цветы на окне и деревья за окном засверкали, заискрились. Яркие краски и шум наполняют ее мозг. Сердце Тэи сжимается. Домовой убирает руки, и все становится прежним.

— Что это было? — удивляется девочка.

— Я потом объясню, — отвечает домовый. Он ждет, пока Тэя успокоится, и спрашивает: — Попробуем еще раз?

— Да! — соглашается она.

Домовой снова касается ее головы, и новый мир наполняет ее сознание. На этот раз Тэя готова и не боится. Она встает и поворачивается к Йа. Тело домового стало полупрозрачным, с неясными, расплывчатыми границами, словно он превратился в облачко пара. Но внутри этого облака светятся тысячи нитей. Они соединяются в пучки и распадаются на тончайшие волокна. Это похоже на тонкое деревце с гибкими ветвями и корнями. Мерцающий ствол этого деревца тянется вдоль спины домового. Его венчает пульсирующий светящийся клубок, похожий на ядро грецкого ореха, разделенное на две половинки.

— Что с тобой? Ты изменился?

— Нет. Я все тот же, — улыбается домовый. — Просто твое внутреннее зрение обрело зоркость. Теперь ты видишь и слышишь то, что раньше было скрыто от тебя. Мы, домовые, называем это скрытым светом и беззвучным голосом. Ты видишь мой мозг и нервную систему. Если прислушаешься, то услышишь, как бьется мое сердце и как бежит по сосудам кровь, — домовый замолкает. — К этому надо привыкнуть.

Он берет Тэю за руку и поворачивает к зеркалу. Девочка видит свое полупрозрачное тело, пронизанное светящимися нитями, мерцающий мозг и бьющееся сердце.

— Не бойся, — успокаивает домовый. — Пройдись по комнате. Постарайся привыкнуть к новым ощущениям.

Тэя отворачивается от зеркала и идет по комнате. Касается стола, спинки кровати, кукольного домика. Берет на руки куклу. Тонкий лучик тянется от ее груди к игрушке, ударяется об украшения и отражается зайчиками на стенах.

Домовой опускает тяжелые шторы на окне. Дневной свет больше не проникает в комнату, но Тэя видит все вокруг в неверном переливчатом сиянии, исходящем от всего, что ее окружает.

— Ты не устала? — спрашивает домовый.

— Нет! Совсем нет! Мне нравится!

— Хорошо, — кивает Йа. — Теперь я должен рассказать тебе о важном.

— Ты хочешь научить меня быть невидимкой? — радуется Тэя.

— Об этом — позже. А сейчас, когда твой мозг обрел силу, ты должна знать, что заставило Эрто обратиться ко мне за помощью.

Домовой задумывается, размышляя, как лучше рассказать Тэе о том, что, возможно, ждет ее. Наконец решается:

— Быть невидимкой — здорово. Но есть кое-что поважнее, и ты должна знать об этом. Эрто подозревает, что в наш мир проникло зло. Он просил защитить тебя. И я сделал это. Твой мозг обрел силу. Теперь никто не сможет проникнуть в твое сознание, — домовый умолкает и повторяет: — Никто не сможет заставить тебя делать то, чего делать не следует, никто не сможет сделать так, чтобы ты не видела его. — Он ждет, пока Тэя усвоит сказанное. — Ты понимаешь меня?

— Да. Я смогу видеть всех, кто пытается скрыться. Я смогу видеть тех, кто может причинить мне зло. Только я не понимаю, как кто-то может причинить мне зло.

— Если кто-то проникает в твое сознание, он обретает власть над тобой. Он может сделать так, чтобы ты не видела его. Плохо, если он захочет навредить тебе. Но и это полбеды.

Самое страшное — если он заставит тебя делать то, чего делать не следует, если сделает тебя орудием зла.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — перебивает домового Тэя. — Мама рассказывала мне сказку про дикого дракона, который крал коров. Оказалось, что плохой тролль заставлял его это делать, незаметно управляя им.

— Да, милая. Я помню эту сказку. И ты все правильно поняла.

— Ура! Вот здорово! И теперь-то ты расскажешь мне, как стать невидимкой?

— Ну, это для тебя теперь проще простого, — смеется домовый. — Твое сознание обрело силу. Ты можешь просто сказать: «Вы меня не видите», — и все окружающие, чей мозг не защищен, перестанут тебя видеть.

— Ура! Когда вернутся папа с мамой и Эрто, я спрячусь от них. А потом как выскочу!

— Нет, милая. Ты не должна этого делать. Надо скрывать от всех твои новые возможности. Даже от родных. Не подводи меня. Домовые будут очень недовольны, если наш секрет откроется.

— Прости, Йа! Я буду очень стараться не подвести тебя. Я буду как домовые. Буду незаметно делать что-нибудь хорошее.

— Хорошо. Теперь, милая, мы сделаем то, что поручил нам Эрто.

Тэя спускается во двор. Там, перед парадным крыльцом, неподвижно лежит Правый. Его брат-близнец Левый исчез в черном куполе на поляне у камня всеожжения. Тэя надеется, что справится с заданием брата. Она будет очень стараться.

Когда-то давно бабушка Тэи, королева Туола, приручила зеркальных братьев-близнецов. Это произошло много лет назад на далеком острове. Тэя еще не родилась, а ее брат Эрто был ребенком. Туола рассказывала, как спасла близнецов. На зеркальных драконов наложено заклятие, по которому любая рана, нанесенная одному, мгновенно появляется у другого. Если драконы начинают ссориться и драться, они могут погибнуть. Туоле удалось усыпить и помиловать близнецов. После этого они подружились. Драконы жили рядом с замком, а когда пришло время покинуть гибнущий остров, позаботились о малом народце.

Все это было давно, а сегодня зеркальные драконы пытались спасти людей, но не смогли. Левый от отчаяния бросился в купол и исчез, а Правого принес в замок Арроджадо. Эрто сказал, что если Правый жив, то должен быть жив и Левый. Домовой Йа и Тэя должны сделать то, что поручил им Эрто. Сейчас домовый сосредоточен. Тэя знает, что он прислушивается к беззвучным голосам и готовится к схватке.

Исход людей

Я подхожу к поляне всесожжения в полдень. Со мной отряд эльфов и пара козлоногих. Это все силы, оставшиеся в моем распоряжении.

Осматриваю местность, оставаясь под прикрытием деревьев. Черный купол возвышается на том месте, где когда-то лежал камень всесожжения. Он закрывает лес и часть неба. Кажется, будто это вход в огромный туннель, уходящий в ночную бездну. Рядом с ним солнце сияет еще ярче.

Я вижу людей, молча идущих к куполу. Они подходят к нему и исчезают за черной поверхностью. Иногда приостанавливаются, иногда ускоряют шаг, подобно волнам, набегаящим на берег моря. Картина ужасна.

Приказываю отряду встать цепью вокруг купола. Чтобы удержать людей, мы создаем барьер из защитных полей. Но люди упорно надвигаются. Все новые волны появляются из леса и напирают на редкую цепь эльфов. Людей становится все больше. Они пришли сюда из всех окрестных деревень, не понимая, что ими движет. Они напирают и напирают, оттесняя нас к черной поверхности. Я понимаю, что нам не удержать этот поток обезумевших людей, и приказываю выключить защитные поля. Люди молча проходят сквозь оцепление.

Одним из последних приходит кузнец Прол. Он идет медленно, и я пытаюсь заговорить с ним.

— Постой, Прол. Поговори со мной, — я преграждаю дорогу двухметровому гиганту с тяжелой кувалдой на плече.

Тот мутно смотрит на меня. Кажется, вот-вот ударит, но все же останавливается, опускает оружие и произносит:

— Пусти!

Кузнец, словно играя, перекладывает кувалду из руки в руку. Эта игра полна скрытой угрозы.

— Пусти меня!

Я решаюсь на хитрость:

— Постой, Прол. Ты не сделал для меня работу, за которую получил плату вперед. Ты не можешь уйти, не выполнив ее.

Кузнец честен, и я надеюсь отвлечь его. Прол переминается с ноги на ногу. Его лицо искажает гримаса внутренней борьбы. Неожиданно он падает на колени. Слезы текут по его щекам.

— Отпусти меня!

Видеть, как сильный здоровый мужик стоит на коленях и плачет, невыносимо. Я кладу руку на его лохматую голову:

— Останься, Прол.

— Я не могу! — кузнец скрипит зубами и вдруг добавляет: — Лея! Я запер ее в кузне. Помоги ей!

Он поднимается с колен и идет к куполу. У самой поверхности оглядывается, несколько мгновений смотрит на меня и шагает вперед.

Мы стоим вокруг купола. Его поверхность не дает ни отсвета, ни отражения, ни тени, не позволяет оценить расстояние до нее. Только нижний край медленно колыхнется над зеленой травой. С каждым колебанием он продвигается вперед, захватывая новые участки земли.

Я думаю о Лее. Что чувствует она, запертая в тесной кузне, в то время как ее зовет неслышный голос? Выдержит ли она это?

И тут я слышу крик Дельфиры:

— Лея! Подожди!

В сотне метров от меня из леса к куполу движется Лея. Она бежит вприпрыжку с каким-то диким, неуместным весельем. Из корзинки, которой она размахивает, словно красными брызгами, летят ягоды. Я бросаюсь к ней, хотя понимаю, что не успею. Вижу, как Дельфира догоняет ее, пытается обнять и удержать, но та вырывается и бежит к куполу.

— Постой! — Дельфира снова догоняет Лею, обнимает сзади и пытается повернуть к себе. Но Лея вырывается и кричит. Этот бессловесный, нечеловеческий крик, это неудержимое желание уйти страшнее обреченного ухода Прола...

Я бегу к ним, но вижу, как обе исчезают за черной колышущейся поверхностью. Я готов броситься следом, но меня удерживает Перна. Он что-то говорит, но я не слышу слов. Эльфы окружают меня кольцом. Я понимаю, что не имею права уйти, что должен сражаться ради своего народа, ради Тэи и всех тех, кто доверил мне свою судьбу.

Сверху доносится трубный рев Арроджадо. Дракон кружит над поляной. Он готов к атаке. Я приказываю своему отряду отойти от купола и жестом показываю старому дракону направление удара. Арроджадо делает то, что делают драконы в битвах: обрушивает огненный залп на черный купол. Я надеюсь, что огонь уничтожит его. Драконьи залпы следуют один за другим. Огненные потоки обтекают поверхность купола. Трава и мелкий кустарник вокруг него исчезают в огненном смерче. Земля дымится. Арроджадо наносит удар за ударом.

После десяти ударов дракон останавливается. Ему нужно время, чтобы восстановиться. Его усилия не принесли результата. Поверхность купола невредима. Я приказываю дракону прекратить атаку.

Цепь эльфов стоит вокруг купола в ожидании моей команды. Они не знают, что я задумал. Я скрываю свой план, потому что боюсь всепроникающего влияния черного купола.

Правый и Левый

Тэя в полной боевой экипировке стоит рядом с Правым.

— Пора, — произносит Йа и исчезает.

Тэя чувствует, как он скользит мимо ее внутреннего взора.

«Интересно, смогу ли я когда-нибудь запретить домовому прятаться от меня?» — думает она. Тихий, беззвучный смех Йа шелестит за спиной: «Когда-нибудь. Возможно».

Домового не видно, но она знает, где он. Они с Йа договорились, что Тэя воспользуется новым навыком и вслед за домовым проникнет в сознание Правого. Она прислушивается к беззвучным голосам, слышит биение сердца дракона и видит его внутренний мир. Это заснеженный лес. Тропинка петляет между деревьями. Тэя чувствует холодную дрожь, но решительно шагает вперед.

Ледяной ветер обжигает щеки. Тэя ежится. Серебристый иней лежит на пожелтевшей траве. Елки стоят стеной вдоль тропы.

«Почему здесь так холодно? — удивляется девочка. — Почему я не вижу того, что видит Правый? Может быть, потому, что его глаза закрыты?»

Тэя замечает вторую тропу.

«Йа здесь», — догадывается она.

Она смотрит вперед, вдоль уходящей в лес чужой тропы, и видит убегающего домового. Его спина мелькает среди деревьев. Тэя бросается следом. Она помнит наставления Йа: нельзя сходить со своей тропы. К счастью, обе дорожки идут рядом, и Тэя может бежать, не упуская домового из виду.

Неожиданно ее дорожка поворачивает вправо, и Тэя оказывается на поляне. Она видит, что Йа остановился и прислушивается к неясным лесным шорохам. Тэя подходит к нему. Домовой поднимает руку, преграждая ей путь, потом делает шаг вперед и снова останавливается.

Впереди не видно леса: перед ними стоит плотная белая стена тумана. Йа еще раз поворачивается к Тэе и пристально смотрит ей в глаза.

«Надо быть внимательной», — понимает девочка и кивает. Домовой поворачивается и шагает в туман.

«Что же мне теперь делать?» — думает Тэя. Йа не приказывал ей возвращаться, и она решает идти за ним.

Девочка делает шаг вперед и останавливается. Белая поверхность совсем рядом. За ней ничего не видно, словно перед ней стена. Тэя протягивает руку. Та проходит сквозь туман. Упругий поток горячего воздуха ударяет в ладонь и струится между пальцами. От неожиданности она отдергивает руку. На морозном воздухе от горячей влажной ладони идет пар. Пахнет морем и гниющими водорослями.

«Интересно, что там?» — думает Тэя и шагает вперед.

Туман расступается, и она оказывается на большой зеленой поляне, в центре которой стоит гигантский паук. Тэя никогда не видела таких больших существ. Домовой по сравнению с ним кажется совсем крошечным — как мелкий лесной тролль рядом с драконом. Йа храбро бежит навстречу чудовищу.

Паук стоит неподвижно на своей тропе и перебирает длинными угловатыми лапами. Тэя понимает: чудовище ждет, когда домовой приблизится. Она понимает, почему Эрто приказал ей надеть эльфийские доспехи и вооружиться. Она должна помочь домовому в схватке.

Тэя выхватывает из ножен эльфийский меч и бежит следом за Йа. Солнечные зайчики от ее кольчуги скользят по телу паука. Тэя видит свое отражение в его блестящих глазах. Паук замечает ее и слегка разворачивается, чтобы оба противника оказались в поле его зрения.

Домовой останавливается и делает жест, будто стреляет из лука, затем касается глаз. Тэя догадывается, что надо целиться в глаза чудовища. Она убирает меч и растягивает лук. Не зря она провела сотни часов, стреляя по мишени. Не зря Туола поправляла ей плечо и локоть, чтобы стрела летела точно в цель. Теперь она не думает: движения превратились в рефлекс, а те — во внутреннюю силу.

Первая стрела ударяет в блестящий глаз паука. Глаз взрывается и осыпается на землю сверкающими осколками. Домовой в знак одобрения поднимает большой палец и устремляется к пауку. Чудовище понимает, какая опасность исходит от маленькой девочки, разворачивается и, пряча голову за мощными передними лапами, движется по дуге к Тэе. Но и Тэя не стоит на месте. Она смещается, и еще две стрелы достигают цели.

Паук издает высокий вибрирующий звук и бросается к девочке напрямик. Он несется к Тэе, не обращая внимания на домового, стоящего у него на пути. Кажется, чудовище сейчас раздавит его, но Йа пригибается, и в тот миг, когда низко нависающее брюхо паука оказывается над ним, поднимает лапку с небольшим, но острым, как бритва, ножом. Тонкая полоса пересекает брюхо чудовища. Домовой делает кувырок, уходя в сторону.

Паук замирает. Лапы его подкашиваются, и он падает набок, едва не придавив Йа. Домовой уворачивается, вспрыгивает на паука и одним движением перерезает что-то у основания маленькой головы. Оставшиеся целыми блестящие глаза мутнеют. Ноги паука дергаются в последней попытке дотянуться до врагов. Чудовище замирает.

Домовой хватая Тэю за руку и тянет прочь от паука, к тропе. Стоит девочке ступить на дорожку, как туман начинает рассеиваться.

Перед ней появляется внутренняя поверхность огромного купола. Его светящиеся стены уходят ввысь. Впереди, спиной к стене, стоит Дельфира. Рядом с ней — босая девушка в крестьянской одежде.

«Это же Лея, глухонемая дочь кузнеца Прола из деревни людей», — удивляется Тэя.

Дельфира прикрывает себя и девушку щитом.

«От кого она защищается?» — успевает подумать Тэя.

И тут же понимает: из дальних углов зала к Дельфире движутся пауки, похожие на того, с кем она только что сражалась. Такие же приземистые, с низко нависающим брюхом на длинных угловатых лапах, с плоской головой, усеянной десятком блестящих глаз.

Дельфира отбивается мечом. Пауки верещат и отступают, теряя отрубленные лапы.

Тэя видит, как Дельфира поворачивает Лею к себе лицом, обнимает ее и медленно оседает к ее ногам. Лея безучастно перешагивает через сомкнутые руки эльфийки, берет из ее безжизненных рук щит и меч и направляется навстречу паукам. Те обступают ее. Тэя поражена тем, как умело Лея владеет эльфийским оружием.

Пауки окружают Лею и бросаются на нее, хватая цепкими лапами. Некоторые лишаются лап, но остальные валят ее и опутывают липкой паутиной.

«Нет! — кричит Тэя. — Не трогайте ее!» И в тот же миг видит, как от нее в сторону пауков бьет огненный сноп.

Залпы следуют один за другим, заставляя пауков отступить от Леи. Огонь ударяет в стену. Она пузырится от жара. В ней образуется отверстие. Лея освобождается от паутины и бросается к пролому, но не добегает. Останавливается, поворачивается и, опустив оружие, словно во сне идет навстречу паукам.

«Что она делает?» — удивляется Тэя.

Пауки хватают Лею, тащат в центр купола, туда, где зияет устье колодца, и опускают в него ее безжизненное тело.

Тэя видит перед собой отверстие в стене купола и освещенную солнцем поляну, на которой стоит ее брат. Белые крылья несут ее над землей. Она закрывает глаза. Голос домового звучит в ее сознании:

«Бежим!»

Тэя снова оказывается у белой туманной поверхности, которая медленно превращается в зеркало. Девочка ударяет по нему, ожидая, что стекло разобьется и она поранится или наткнется на твердую преграду, но рука проходит насквозь. Тэя шагает вперед, ощущая упругое сопротивление.

На другой стороне, в заснеженном лесу, ее ждет домовый. Они бросаются прочь из зимнего леса. Тэя выбегает на опушку и видит, что она на поляне у входа во дворец, рядом с Правым. Глаза дракона открыты, и он смотрит в небо.

«Он ждет Левого», — понимает Тэя.

Разрушение купола

Я смотрю на солнце и думаю: «Пора домовому сделать то, о чем мы договаривались». В этот момент раздается шипение, словно на раскаленный металл плеснули воду. Поверхность купола пузырится и лопается. Из отверстия с рваными краями вылетает сноп искр, а за ним — огненная струя. Я чувствую запах сероводорода. «Драконий залп», — понимаю я и команду: — Ложись!

Все припадают к земле. В развернутом проеме, в слабом свете, я вижу копошащихся на длинных угловатых лапах пауков. Внутри купола мечется белоснежный дракон, извергая огненные залпы. Толстые, нависшие над землей тела пауков взрываются, их лапы судорожно дергаются.

Я включаю защиту и бегу к куполу. Навстречу мне вылетает Левый. Его белоснежные крылья сияют на фоне черной поверхности. Дракон взмывает в небо и, не обращая на нас внимания, уносится на север. В образовавшейся щели суетятся пауки, затягивая прореху липкой паутиной.

Моя защитная поверхность не дает отверстию в куполе закрыться. Над моей головой мелькает тень — Арроджадо влетает в узкую щель и несется, обрушивая огонь на стены и пауков.

Я вижу, как эльфы стреляют по убегающим тварям, а козлоногие отсекают нападающим паукам лапы. Чувствую, как кто-то пытается проникнуть в мое сознание, и вижу, что мои товарищи опускают луки. Козлоногие беспомощно оглядываются по сторонам.

— Где они? — слышу я.

Пауки окружают эльфов и козлоногих, валят на землю, опутывают паутиной. Люк в центре купола открывается, и они скрываются в нем, увлекая за собой моих товарищей. Арроджадо мечется над полем битвы, сжигая остатки купола. Тела пауков дымятся вокруг.

Я бегу к люку, в котором исчезли эльфы и козлоногие. Металлическая крышка еще горяча от жара битвы. Я стою перед колодцем. Крышка открыта. В освещенном проеме вижу паука. Хочу броситься на него, чтобы убить, но слышу: «Твой народ и Лея ждут тебя».

На мгновение я теряю концентрацию — и проваливаюсь в темноту.

Вольная провинция Хтонь. Кто я?

Я просыпаюсь в полутемной комнате. Обрывки снов всплывают в памяти, но свет ночника гонит их прочь. Все, что минуту назад казалось реальностью, оказывается сном. Там, в ушедшем сне, было что-то важное, но сейчас я ничего не могу вспомнить. Смутные образы пытаются подняться из глубины сознания и превратиться в воспоминания. Незнакомые существа хотят что-то сказать мне. Кто они? Почему звуки их голосов отдаются в сердце ноющей болью? Как будто с ними связано что-то важное — сама моя жизнь.

Но если все ушедшее — сон, то что со мной сейчас? Где я? Кто я без этих растаявших видений, что приходят ночью и исчезают утром, подобно призракам? Их голоса звучат во мне и затихают.

Я знаю: сейчас в комнату войдет тот, кто называет себя врачом. Он появляется каждое утро и проделывает что-то тревожное с приборами у моего изголовья. Мне кажется, что когда-то давно, в другой, яркой жизни, я уже видел его. Возможно, в ночных видениях. Он зовет меня Эрто. Так же зовут меня и те, кто приходит во снах.

Я слышу за дверью шаркающие шаги, скрип ключа в замке. Дверь открывается, и он появляется на пороге. Мягкий халат. Серое лицо, заросшее клочковатой щетиной. Я знаю все, что он сейчас скажет, потому что слышал это уже много раз. Он снова будет убеждать меня, что хочет помочь.

Но что со мной? Чем я болен? Почему не могу встать? И почему он запирает дверь на ключ, когда уходит? Что там, за дверью?

— Доброе утро, Эрто, — он подходит и близоруко всматривается в экран прибора у изголовья.

От прибора тянутся провода и трубки. Они прячутся под повязками на моей правой руке, опутывают голову, проходят через ноздри внутрь. Хочется избавиться от них и вздохнуть полной грудью. Но мои руки привязаны к поручням, идущим вдоль кровати. Тот, кто называет себя врачом, утверждает, что это для того, чтобы я не причинил себе вреда. Но я не верю ему.

Я не отвечаю на приветствие, хотя мог бы. Я пробовал говорить, когда оставался один в этой полутемной комнате. Мой голос звучал хрипло и низко, казался мне чужим. Я не хочу говорить с врачом. Он мне не нравится. Я чувствую исходящую от него угрозу. Не знаю почему. Он никогда не раздражается, не повышает голоса, не проявляет недовольства, но мне кажется, что говорить с ним не следует. Все, что он узнает от меня, может мне навредить. За его спиной незримо присутствует кто-то могущественный и враждебный. Мне так кажется, и я молчу.

— Ты идешь на поправку. Как спалось? Что снилось? — его бесцветный голос звучит ровно.

Я не отвечаю. Он не сердится: привык к моему молчанию. Просто повторяет привычные действия.

— Сейчас придет Дэлфи и накормит тебя.

Дэлфи — новая медсестра. До нее была неопрятная ворчливая старуха, вечно недовольная мной. Дэлфи появилась несколько дней назад. Она хорошая. Никогда не грубит мне, хотя своей беспомощностью я доставляю ей много хлопот. У нее высокий лоб, тонкое лицо, голубые глаза. Волосы скрыты под косынкой, поэтому я не знаю, какие они, но предполагаю, что рыжие: лицо ее покрыто веснушками. Ее заостренный, немного вздернутый носик и тонкие, почти прозрачные уши нравятся мне. Мне кажется, я видел ее в своих снах.

Словно услышав свое имя, в дверях появляется девушка. Ее белый халат безупречно чист. Она катит перед собой небольшую тележку. Обходит кровать и встает напротив врача. Они смотрят друг на друга так, будто знают что-то, о чем мне знать не следует. Будто есть

тайна, в которую меня нельзя посвящать. Я слежу за выражением их лиц, движениями глаз и рук, пытаюсь понять, что они скрывают. Но если тайна и есть, они хорошо ее прячут.

Дэлфи молча, не глядя на меня, убирает одеяло. Я вижу свое обнаженное тело: тощие, почти лишенные мышц голени, дряблые бедра и выпирающие над впалым животом ребра. Мои руки безжизненно вытянуты вдоль тела. Губкой, смоченной в теплой, пахнущей антисептиком жидкости, медсестра проводит по моему лицу, затем по бледным конечностям. Я не чувствую своего тела. Оно существует отдельно от моего сознания. Я смотрю на него как на что-то чужое, не принадлежащее мне. Врач стоит рядом и молча разглядывает меня. Вид у него такой, будто он сейчас покачает головой и вздохнет. Нельзя сказать, что мой жалкий вид смущает его, но видно, как мрачные мысли ворочаются у него в голове.

Быстрыми, легкими движениями медсестра меняет подо мной простыню и снова укрывает меня одеялом.

— Ну вот, сейчас поешь — и будешь как новенький.

Хотел бы я знать, как это — быть новеньким. Я чувствую себя старым и потрепанным.

Дэлфи берет с прикроватного столика пульт. Гудит привод. Изголовье кровати поднимается, переводя меня в сидячее положение. Медсестра смотрит на врача. Тот стоит напротив, безучастно наблюдая за нами. Потом поворачивается и выходит за дверь. Медсестра заговорила подмигивает, будто нас что-то связывает и мы знаем о нем то, о чем не следует говорить вслух. Но я знаю, что ничто нас не связывает. Это подмигивание — просто попытка вызвать мою реакцию. Ей хочется, чтобы я тоже подмигнул и о чем-нибудь спросил, чтобы она ответила, чтобы завязался разговор и она узнала обо мне хоть что-то. Но я не хочу говорить. Да и рассказать мне не о чем, кроме странных снов, которые забываются так быстро, что я не успеваю о них поразмышлять.

Медсестра зачерпывает ложкой кашу из миски на подносе передо мной. Я открываю рот, чтобы она выполнила свою работу. Я тоже выполняю свою утреннюю работу: жую то, что дают, не испытывая ни вкуса, ни насыщения. Обычная процедура. Сколько раз я проходил через нее? Не помню.

Мы почти заканчиваем с кашей, когда в комнате снова появляется врач. Его сопровождают два охранника. Это орки. Ватные стеганные халаты распахнуты на волосатой груди. Лица заросли шерстью. Они стоят, засунув пальцы за поясные ремни, на которых висят суковатые дубины. Они похожи друг на друга, как близнецы. Я пытаюсь вспомнить, где и когда видел орков и это оружие. Оно не пугает меня. Где-то внутри возникает ощущение, что оно слишком тяжелое, чтобы быть по-настоящему опасным. Настоящая опасность легка и стремительна, как... Я пытаюсь вспомнить, как что. Но ничего в голову не приходит.

Врач молча кивает медсестре. Та нажимает на пульте кнопку, и замок у моей левой руки открывается. Я лежу не двигаясь. Хочется согнуть руку и поднести ее к лицу. Я не уверен, что смогу это сделать. Я шевелю пальцами, сжимаю их в кулак. Охранники делают шаг вперед. Врач что-то шепчет — и они отступают. Неужели они боятся меня? Что я могу сделать своей слабой рукой?

Медсестра берет меня за руку и помогает согнуть ее. Я вижу бледную желтоватую кожу ладони. Шевелю пальцами, сжимаю и разжимаю кулак. Им не о чем беспокоиться. Я так слаб, что не смогу подняться с кровати. Что они сделали со мной? Что поступало по трубкам в мою кровь из прибора, стоящего у изголовья? Какие сигналы шли по проводам в мой мозг? У меня нет сил искать ответы на эти вопросы. Но я запомнил страх, промелькнувший в глазах охранников, когда я сжал кулак. Есть что-то, о чем знают они и чего не помню я.

Медсестра обходит кровать и освобождает мою другую руку. Снимает бинты и отсоединяет трубки. Достает из предплечья две иглы. Капли крови выступают на коже. Она прижимает к ранкам прямоугольный кусочек марли и быстро закрепляет его эластичным липким бинтом. Затем быстрым движением достает трубки из моих ноздрей. Я чувствую облегчение. Кажется,

теперь я свободен. Но что толку от этой свободы? Я не могу поднять руку, чтобы коснуться лица. Вероятно, я не смогу сесть, не говоря уже о том, чтобы встать на ноги.

Но я рад новому ощущению. Не знаю, что поступало в мою кровь по трубкам: лечило или отравляло. Как связаны с этим мои сны? Но я смутно чувствую, что лучше быть свободным, самому принимать решения и управлять своей жизнью.

Я смотрю на врача и медсестру. Кажется, они взволнованы. По их мнению, происходит что-то важное. Доктор откашливается, и я понимаю, что сейчас он произнесет речь. Возможно, я узнаю что-то о себе.

— Сегодня особый день, Эрто. Комитет по реинтеграции вольной провинции Хтонь утвердил решение врачебного консилиума. Твое лечение признано успешным. Ты больше не представляешь опасности для общества и можешь покинуть клинику. Дэлфи проводит тебя к выходу, — врач с сомнением смотрит на меня и торжественно объявляет: — Добро пожаловать в вольную провинцию Хтонь.

Я не понимаю, о чем он говорит. Но это не слишком беспокоит меня. Хуже то, что я не могу подняться с постели и сделать хотя бы шаг. Охранники злорадно смеются сдавленным, хрюкающим смехом. Интересно, чем я им так досадил, что моя беспомощность радует их. Медсестра вопросительно смотрит на врача. Мне кажется, она расстроена. Врач пожимает плечами и ничего не говорит. Это решение начальства, и он не собирается его обсуждать. Он поворачивается и направляется к выходу. На пороге оглядывается, смотрит на меня, будто прощается. Мне кажется, ему хочется что-то сказать, но он молча выходит. Охранники, похоже, уходить не собираются. Они глазят на меня, словно в предвкушении спектакля. Но медсестра неожиданно резко выкрикивает:

— Чего уставились? Размагниченных не видели? Проваливайте в свою конуру. Да не забудьте цепь пристегнуть к ошейнику.

Я вижу, что она сердится, но не понимаю причины ее раздражения. Да и охранники тоже не очень понимают, чего она раскричалась. Но в этой комнате она главная. Они не спорят и направляются к выходу. У двери один из них сипит вполголоса, не оборачиваясь:

— Ты нам лучше не попадайся на улице. Схлопочешь свое — и глазом не моргнешь.

Медсестра не спорит с ними. Даже не смотрит в их сторону. У нее есть дела поважнее. Она поворачивается ко мне. Долго и пристально смотрит мне в глаза. О чем-то думает. Я не понимаю, что ее беспокоит, но чувствую, что это как-то связано со мной. Наконец она произносит:

— Прости, Эрто.

Я вижу слезы в ее глазах и пытаюсь понять смысл этих слов, но они ничего не говорят мне. Я могу сколько угодно размышлять о том, что со мной происходит и что ждет меня, но в памяти нет и намека на то, что все это значит. У меня нет прошлого. Я не понимаю происходящего. Будущее не манит меня. Все, что у меня есть, — это странные сны, которые забываются быстрее, чем я успеваю понять, что они значат. Они не могут подсказать, что делать. Мое неможное тело тоже мало чем может мне помочь.

— Что нам делать, Эрто? — спрашивает она. — Что делать? — Она умолкает и снова смотрит мне в глаза. Что она пытается там увидеть? Она не находит ответа на свои вопросы и вздыхает: — Я даже не понимаю, слышишь ли ты меня. И если слышишь, не молчи. Я помню о старых долгах. Но есть вещи, которые мне не под силу изменить. — Она умолкает. Затем берет мою руку в свою, будто надеется, что это поможет мне понять ее. — Я принесу вещи, что были с тобой, и помогу одеться. — Она снова умолкает. — Внизу стоит клетка. Тебя отвезут в резервацию к таким же, как ты.

Она умолкает и горестно качает головой. Потом всхлипывает и вдруг опускается на край кровати, прижимается к моей груди:

— Неужели тракливазин убил в тебе все? Что нам делать?

Она не скрывает слез. Наконец справляется с собой.

Мы молча смотрим друг на друга. Я не знаю, что делать. Если все, о чем она сказала, — правда, то мне нечего терять.

— Кто я?

Дэлфи вздрагивает и замирает, пристально глядя на меня. Я не ожидал, что мои слова так подействуют на нее. Она бросается к двери и запирает ее на ключ. Бежит к прибору у изголовья кровати. По пути опрокидывает столик на колесиках с горкой грязной посуды и смятой простыней на нижней полке. Щелкает выключателем. Зеленый огонек на пульте прибора гаснет. Она встает посреди комнаты и осматривается, словно хочет убедиться, что ничего не забыла. Осмотр успокаивает ее. Она садится на край кровати, совсем близко ко мне, и шепчет:

— Ты не помнишь? О святые эльфы! Они действительно вылечили тебя!

Это «вылечили» звучит как «убили». Я слышу боль в ее голосе. Как будто она узнала о чем-то ужасном. Как будто рухнула последняя надежда.

Она встает. Напряженный взгляд и сжатые губы говорят мне, что она что-то задумала.

— Подожди, я сейчас вернусь.

Она поднимает опрокинутый столик и катит его к двери. Открывает ее и выходит.

Ключ поворачивается в замке. Куда ушла Дэлфи? Я размышляю над ее словами. Что такое резервация? Кто такие эльфы? Что-то мелькает в замутненном сознании, но исчезает так же бесследно, как сны. Я не чувствую в себе сил сопротивляться. Вероятно, она права, и моя будущая жизнь будет бесцельной и бессмысленной. Я слаб и немощен. Мне не защитить себя.

Лопоух

В замке поворачивается ключ. В дверях появляется Дэлфи с тележкой, на которой лежат аккуратно сложенные вещи. На нижней полке красным пятном выделяется миска с ягодами. Я не помню, чтобы мне давали такие раньше. Да и время второго завтрака еще не наступило. Она проходит в комнату и закрывает дверь на ключ. Ставит тележку справа от меня.

— Твои вещи, Эрто. Было много желающих присвоить их. Если продать это на черном рынке, хватит на год безбедной жизни. Но правила запрещают брать одежду пациентов. Разве что после их смерти. Но ты выжил... — Она кладет передо мной незнакомые вещи. — Ты узнаешь что-нибудь?

Эти предметы ничего мне не говорят.

— Одежду почистили. Старые запахи не сохранились. Но, может быть, ты что-нибудь вспомнишь, если коснешься их.

Она кладет мне на колени рубашку из серебристой ткани. На ощупь она кажется мягкой и прохладной. Я не узнаю ее. Дэлфи качает головой и объясняет:

— Это эльфийская кольчуга. Ни одно оружие не может пробить ее. Неужели ты ничего не помнишь? Ведь ты носил ее когда-то.

Я пожимаю плечами. Девушка осторожно помогает мне натянуть рубашку. Легкая тяжесть ложится на плечи. Длинные рукава закрывают руки до запястий. Я пытаюсь поднять их, но даже такая одежда тяжела для меня. Дэлфи это видит.

— Ладно. Сейчас мы тебя приведем в порядок. Будешь как новенький.

Она берет миску с ягодами и садится рядом со мной на край кровати.

— Природное средство. Лопоух Йокку приносит в город на продажу раз в неделю. Я взяла. Придется отдать дневной заработок. Но, видно, не судьба полакомиться. Давай ешь.

Она ставит миску на одеяло передо мной. Берет несколько ягод в ладонь и подносит к моим губам.

— Попробуй. Тебе понравится.

После того, что делали со мной в клинике, несколько ягод не кажутся мне опасными. Я беру их губами с ее ладони. Она хихикает и трет руку о колено.

— Щекотно. Вот незадача. Не догадалась взять ложку.

Ягоды оказываются кисловатыми и приятными на вкус. Забытое ощущение чего-то хорошего поднимается внутри. Образ мохнатого зверя с золотистой шерстью мелькает в памяти и исчезает.

— Лопоух, — тихо произношу я.

Она вздрагивает, разворачивается ко мне всем телом:

— Ты что-то вспомнил?

Я отрицательно мотаю головой. Просто звук. Отголосок снов. Никаких воспоминаний. Мы сидим и молча смотрим друг на друга. Наконец она говорит:

— Ты ешь. Должны вернуться силы. Попробуй сам.

Я пытаюсь поднять руку и взять ягоду из миски. Получается не сразу. С третьей попытки мне удается донести раздавленную ягоду до рта и облизать красные от сока пальцы. Дэлфи ободряюще улыбается. Я думаю, что, наверное, мог бы довериться ей. Не во всем. Но мог бы спросить о том, что мне важно знать.

Я съедаю еще несколько ягод. Чувствую, как уходит слабость. Исчезает ватная вялость. Ноги и руки теперь не просто мои. Я и есть все это: ноги, руки, живот и грудь. Все это — я.

Я съедаю почти все ягоды. Миску с тремя последними протягиваю Дэлфи. Она улыбается, кладет их в рот и разжевывает. Прикрывает от удовольствия глаза. Подносит миску к моим губам, чтобы я выпил сок.

— Обожаю этот вкус. Что бы мы делали без Йокку? Он, наверное, последний, кто сохранил здравый смысл в этом безумном мире, — она умолкает, потом спрашивает: — Что ты чувствуешь?

— Тело.

Она внимательно смотрит на меня, ее уши розовеют, и она произносит слова, смысла которых я не понимаю:

— Теперь ты должен одеваться сам.

Увидев смятение на моем лице, она мягко улыбается:

— Лопоух ждет оплаты на улице. Я пойду и позову его. Он поможет тебе одеться.

Дэлфи стремительно выскальзывает за дверь, не закрыв ее на ключ. Мне это кажется подозрительным. И действительно, вскоре в дверях появляются охранники-орки. Один из них остается у входа, а другой подходит к столику с вещами. Он перебирает их, небрежно отбрасывая в сторону то, что кажется ему ненужным. Орк торопится и не слишком церемонится. Мое присутствие его не волнует. В коридоре слышатся шаги. Охранник у двери громко шепчет:

— Идет!

Тот, что рылся в вещах, торопливо сует что-то за пазуху и направляется к двери. Там он сталкивается с Дэлфи. Пытается проскользнуть мимо, но она хватает его за рукав халата и втаскивает обратно в комнату. Следом заходит его напарник, а за ним, опасливо озираясь, на задних лапах и с корзинкой в передних — мохнатый зверь. Ростом он по пояс Дэлфи. У него большие уши и длинный хвост. «Это, наверное, и есть лопоух», — думаю я.

— Уно, ты осел. — Дэлфи стоит перед охранником. Она на две головы ниже его, тонкая, как тростинка. Орк стоит перед ней, опустив шишковатую лысую голову. Видно, что она его не боится. — Ты же знаешь, что палата под наблюдением. Давай, выкладывай все, что пытался утащить.

Охранник послушно вынимает из-за пазухи длинную иглу с небольшой ручкой. Лопоух видит ее и роняет корзину. Дэлфи удивленно смотрит на него. Понимает: что-то не так, но сейчас ей не до этого.

— Уно, признавайся честно, что ты еще украл, или я позову Главного и тебя в два счета выгонят с работы.

Охранник открывает и закрывает рот, будто ему не хватает воздуха. Похоже, лишиться работы ему совсем не хочется. Он трясет головой и бормочет:

— Клянусь тебе, Дэлфи. Больше ничего. Не стучи на меня. Ты ведь знаешь, как трудно найти работу в городе.

— Ладно. Проваливайте, лоботрясы. Чтоб духу вашего здесь не было. Если обнаружу пропажу — пеняйте на себя.

Охранники, суетливо толкаясь в дверях, поспешно уходят. Дэлфи закрывает за ними дверь.

— Как я забыла про ключ! — сетует она. Потом смотрит на лопоуха и спрашивает: — Тебе знаком этот предмет, Йокку? Признавайся. Я же заметила, как у тебя лапы затряслись, когда ты его увидел. Лучше не ври!

Лопоух нервничает. Видно, что он не хочет говорить правду, но боится, что Дэлфи рассердится и прогонит его. Она меняет тактику:

— Ладно. Не хочешь говорить — не надо. Вот посмотри лучше, кто здесь, — она поворачивается ко мне. — Знаешь, кто это?

В слабо освещенной комнате и в этой суматохе лопоух не заметил меня. Но теперь, когда увидел, мне показалось, что он снова выронит корзину.

— Ну! — Дэлфи теряет терпение. — Чего молчишь? Размагниченных не видел?

Бедняга совсем теряется.

— Так ведь это эльф! — он сглатывает и добавляет: — Я боялся, что их уже не осталось в городе. Совсем потерял надежду.

— Это все, что ты можешь сказать? А ведь эта вещица, что так удивила тебя, принадлежит этому эльффу.

— Нет. Они не могли так поступить с ним.

— С кем — с ним, Йокку?

— С моим Эрто.

Наступает тишина. Дэлфи переводит взгляд на меня, потом на лопуха. Обдумывает услышанное. Я тоже пытаюсь понять, что все это может значить.

— Ладно, ребята. Слишком много загадок и совпадений. У меня нет времени разгадывать головоломки. Может быть, как-нибудь потом, — она задумывается, затем говорит, пристально глядя на лопуха: — Этого эльфа размагнитили и вместе со всем его добром отправляют в резервацию. Он слаб и совсем ничего не понимает. Суший младенец. Я выйду, а ты помоги ему одеться.

Дэлфи оставляет нас с лопухом одних. Тот подходит к столу и начинает разбирать разбросанную охранником одежду. Не поворачиваясь ко мне, он вдруг шепотом произносит:

— Ведь ты не Эрто?

Я не знаю, что ему ответить, и говорю то, что знаю:

— Я Эрто.

Лопух охает, поворачивается ко мне. Подходит к кровати. Всматривается в мое лицо. Касается моего лба. Не знаю, что он там видит. Плечи его вздрагивают, он падает головой мне на грудь и плачет:

— Я твой Йокку.

Моя тощая грудь сегодня, кажется, превратилась в место для рыданий. Но имя лопуха мне ничего не говорит, и я молчу.

Лопух наконец успокаивается. Он подходит к столу и начинает подавать мне одежду, подсказывая, как с ней управляться. Слезы катятся у него из глаз, но он больше не всхлипывает.

Вскоре возвращается Дэлфи. Я сижу одетый на краю кровати. Йокку пытается объяснить мне назначение предметов, лежащих на столе. Ни один из них не вызывает у меня воспоминаний. Я отрешенно слушаю, как он перечисляет: лук, колчан со стрелами, иглу ежеголового дракона в деревянных ножнах, нож, походный мешок, поясную сумку на ремне. Как обращаться с этими вещами, я не знаю. Йокку пытается убедить меня, что когда-то я владел этим оружием.

Дэлфи слушает некоторое время, потом замечает:

— Бесполезно. Он все забыл.

Она смотрит на нас, потом негромко говорит лопуху:

— Я хочу поговорить с тобой.

Дэлфи садится на край кровати слева от меня и жестом показывает лопуху, чтобы тот встал рядом.

— Ведь ты знал его? — обращается она к нему. Я понимаю, что речь идет обо мне. — Ты сказал «мой Эрто». Не отпирайся! — Она делает паузу, словно ожидая, что лопух ответит, но тот молчит. Похоже, он не очень доверяет ей. Она понимает это и продолжает: — Мне сегодня везет на молчунов. Я понимаю, почему ты не отвечаешь. Нам, людям, нет доверия. Но это не важно. Я расскажу тебе кое-что. А ты уж сам думай, что делать.

Она снова умолкает, собираясь с мыслями. Наконец продолжает:

— Я в долгу перед эльфами и хотела бы помочь ему, — она кивает в мою сторону. — Но я не знаю, что делать. Внизу уже стоит клетка. Его отправят в резервацию. Оттуда еще никто не возвращался.

Йокку поднимает голову и пристально смотрит на девушку. Наверное, решает, можно ли ей доверять. Но, кажется, выбора у него нет.

Дэлфи спрашивает:

— Ты можешь сказать, что теперь делать?

Лопоух молчит. Потом, видимо решившись, говорит:

— В этом городе все продается. Можно попробовать выкупить размагниченного.

Дэлфи с удивлением смотрит на него:

— Святые эльфы! Ты хоть знаешь, сколько это может стоить? Мне за всю жизнь столько не заработать.

— Купи его на ночь.

Она замирает с полуоткрытым ртом, потом разражается каким-то истерическим смехом.

— Не могу поверить. Я не ослышалась? Неужели все это происходит наяву? Блаженный лопоух предлагает мне купить парня на ночь. Ты хоть понимаешь, что будет завтра, когда в городе об этом узнают? Мне проходу не дадут. Я и глазом моргнуть не успею, как сменю эту работу на соломенный матрас в придорожной харчевне Толстого Зуча. — Она умолкает, потом говорит: — Если я это сделаю, мне здесь не жить.

Лопоух молчит и внимательно смотрит на нее. Она отвечает ему напряженным взглядом. И я вдруг осознаю, что это момент истины. Если она согласится, лопоух сможет ей довериться. Молчание длится пару минут. Я понимаю Дэлфи. Ей живется трудно, но она справляется. Это дает ощущение безопасности. А предложение лопоуха все рушит. Последствия неясны, будущее становится туманным и неопределенным. Она встает и подходит к столу, где разложены мои вещи, берет их по одной и перекладывает. Я понимаю, что она делает это машинально, не задумываясь о том, что держит в руках. Она берет иглу. Проводит пальцем по клинку, приближаясь к острию. Я чувствую ноющую боль в сердце и произношу:

— Нет.

Дэлфи отдергивает руку и смотрит на меня:

— Что — нет?

Я не знаю, что ответить. Секунду назад я и сам не знал, что скажу это. Слово родилось где-то в глубине моего сознания и само нашло путь.

Девушка поворачивается к Йокку и тихо произносит:

— Этот долг мне все равно придется когда-нибудь вернуть.

Лопоух вздыхает. Теперь он знает, что ей можно доверять:

— Как думаешь, сколько они запросят?

— Думаю, за десять монет я бы могла сторговаться. Но у меня нет таких денег.

Лопоух поднимает корзину. Ее прутья окрашены красным соком ягод. Он подходит к столу, ставит корзину и отстегивает ручку. Встряхивает ее. На стол выкатываются блестящие желтоватые кружки. Лопоух отсчитывает десять и отодвигает в сторону. Потом, подумав, добавляет еще пару. Остальные прячет обратно.

— Они общинные, — словно извиняясь, говорит он.

Дэлфи с удивлением смотрит на деньги:

— Столько сразу я не видела. Страшно брать в руки. Ты уверен, что община поймет тебя?

— Да, — отвечает лопоух. — До Великого Исхода лопоухи служили эльфам. Но это старая история. Сейчас не время объяснять.

Дэлфи с сомнением смотрит на деньги. Мне кажется, что она может передумать. Но она подходит к столу, берет монеты и складывает их в поясную сумку. Йокку утверждал, что сумка — моя. Дэлфи застегивает ремень на поясе и идет к двери. Ключ поворачивается в замке, и мы с лопоухом остаемся одни.

— Надеюсь, она не подведет, — тихо произносит он.

Я киваю. Если Дэлфи проболтается, лопоух лишится всех монет, которые носит с собой. Это большие деньги. Соблазн велик. Хотелось бы знать, о каком долге перед эльфами говорила девушка. Что заставило ее принять трудное решение? Я не понимаю, но чувствую: ее жизнь

сложна и может стать еще сложнее, но есть какая-то внутренняя сила, которая движет ею и заставляет пренебречь опасностью.

— Ты совсем ничего не помнишь? — спрашивает лопоух. Я не отвечаю, но он и так знает ответ. — Когда мы будем в безопасности, я расскажу обо всем, что знаю. Это поможет тебе.

Мне хочется поговорить с ним. Узнать, кем я был и кто я сейчас. Я кажусь себе стариком. Мое тело немощно. Оно требует покоя и бездействия, в то время как мозг пытается найти опору в воспоминаниях, чтобы заглянуть в будущее. Что я без прошлого? Откуда иду и куда? Лопоух кладет лапу мне на руку. Она мягкая, но в ней чувствуется сила лесного зверя.

Мы молчим. Наконец за дверью раздаются быстрые шаги. Дэлфи стремительно входит в комнату. Она переоделась. Такой я ее еще не видел. На ней — черная кожаная одежда с металлическими заклепками, застежками и ремешками. Куртка застегнута до ворота. Узкие штаны заправлены в короткие сапоги. Я впервые вижу ее волосы. Они рыжие и коротко острижены. Она возбуждена. Ее лицо пылает. На нем читается смесь триумфа и ярости.

— Все получилось. Алчность правит этим городом.

Я не понимаю, что она имеет в виду, но подозреваю, что речь идет о тех, кто «лечил» меня. Дэлфи продолжает с усмешкой:

— Я показала Главному золотой, и он клюнул. Не мог глаз отвести от денег, пока мы обсуждали сделку. — Она смеется заливисто и, глядя мне в глаза, произносит: — Ты мой до завтрашнего вечера. За восемь монет. Плюс монета, чтобы я могла не выходить на работу. — Она хохочет. — Он торговался, как на рынке. Решил, что я влюбилась в тебя. — Она смотрит на меня и добавляет с вызовом: — А что? Мне эта идея понравилась.

Я смотрю на Йокку. Вид у него немного растерянный — не думаю, что из-за денег. Мне кажется, его удивляет беспечность, с которой Дэлфи говорит о важных вещах. Она протягивает ему оставшиеся три монеты, но он останавливает ее:

— Пусть полежат у тебя.

Девушка кладет деньги в сумку.

— Думаю, лучше пойти ко мне. Туда городские не сунутся. Это недалеко.

Она приказывает лопоуху надеть на меня ремень с иглой в деревянных ножнах, а сама решительно перекидывает через плечо колчан со стрелами и берет лук. Вид у нее воинственный. То, как Дэлфи обращается с оружием, подсказывает мне: она знает, как с ним обходиться. Лопоух удивленно смотрит на девушку, но выполняет ее указания. Она обводит взглядом комнату:

— Надеюсь, не вернусь сюда.

Глаза ее лихорадочно блестя. Как будто с плеч свалился груз и она избавилась от чего-то, что терзало и тяготило ее. И это ощущение неожиданно наступившей свободы приводит ее в радостное возбуждение.

Мы выходим в длинный узкий коридор. Идем мимо грязных обшарпанных дверей со сломанными ручками. За ними, возможно, лежат те, в ком уничтожают память и желание жить. К чему все это? Кто и зачем это делает?

Мы спускаемся по лестнице с ржавыми перилами. Проходим мимо будки. На ее пороге стоят охранники-орки. Вид у них мрачный. Я боюсь, что сейчас у нас возникнут неприятности. Но они молча пропускают нас. Тяжелая дверь, обитая засаленной материей, распаивается. В прямоугольном проеме я вижу улицу.

Город

Яркий солнечный свет режет глаза, и я прикрываю веки. Мы выходим. У тротуара стоит странное сооружение на колесах — с высокой трубой и клеткой из металлических прутьев. Я понимаю: это и есть машина, в которой меня должны были везти в резервацию. Мы поворачиваем направо и идем вдоль улицы. Дэлфи напряжена, но, кажется, ничто не предвещает беды.

Неожиданно из ниши в стене выходит странное существо и преграждает нам дорогу. Давно забытое слово «козлоногий» всплывает в памяти. Он высок и крепок. Рога плотно прилегают к голове, уходя от висков к затылку. У него черная с проседью борода, изрезанное шрамами и морщинами лицо, собранные в пучок волосы на затылке и серьга в ухе. Латаная рубаха с распахнутым воротом подпоясана ремнем, на котором висит внушительных размеров нож в деревянных ножнах. Широкие холщовые штаны доходят до мохнатых щиколоток. Большие раздвоенные копыта крепко стоят на земле.

«Козлоногий», — произношу я про себя. Несмотря на его лихой вид, он не вызывает у меня ни страха, ни недоверия. Напротив, в сердце поднимается щемящее чувство чего-то родного и забытого. Где, в каких снах я видел его?..

— Чего тебе?! — с вызовом спрашивает Дэлфи.

Но козлоногий не смотрит на нее. Он обращается к лопуху:

— Здравствуй, Йокку. Мы с братом поджидали тебя. Поговорить хотели.

Из ниши выходит второй козлоногий.

— Здравствуй, Перна. Мы выкупили Эрто. Его размагнитили, — отвечает Йокку.

Перна подходит ко мне, и я оказываюсь в его объятиях. Он прижимает мою голову к груди, и я чувствую пряный запах трав, исходящий от его рубахи. Поднимаю голову и вижу, что по морщинистой щеке стекает слеза. «Да что они все плачут сегодня?» Козлоногий пристально смотрит на меня, печально качает головой и ободряюще улыбается. Его брат стоит рядом и обнимает меня за плечи.

Я не помню этих козлоногих и молчу. Дэлфи тоже не понимает, что происходит, и нервничает:

— Пропустите нас, ребята. Нам нельзя задерживаться. Если соберется толпа, я и драной больничной тряпки не дам за наши жизни.

Но ее слова не производят на козлоногих впечатления. Перна обращается к ней:

— Здравствуй, Дэлфи. Я — Перна, а это мой брат Кауда. Помнишь нас?

— Да вас в этом городе все знают. Ты вышибала из таверны Толстого Зуча, а братец твой у него на кухне командует.

— Мы там больше не работаем, — поправляет козлоногий. — Я заступился за одну из... Ну, ты знаешь, из этих... Постоялец обижал ее. Я его побил. Толстый Зуч рассвирепел и выгнал меня. Кауда ушел вместе со мной.

— Мне нет дела до ваших проблем.

— Это понятно. — Козлоногий задумывается, потом обращается к лопуху: — Вы куда сейчас?

— Мы решили переночевать у Дэлфи.

— Сейчас вся городская нечисть сбежится. Я думаю... — пытается продолжить Кауда, но девушка перебивает его:

— Он еще и думать умеет.

— Ну да. Не у одной тебя мозги имеются, — примирительно улыбается Перна.

— Не у одной меня имеются, да не у всех работают, — язвительно замечает она и добавляет: — Мужики в этом городе только и норовят ухватить меня за задницу.

Козлоногие добродушно смеются:

— Мы не из таких, крошка.

— Это трудно представить. Не город, а заповедник мрази, — она оглядывается на нас с Йокку, словно призывая в свидетели. — Откуда они взялись на мою голову? Мы бы уже были дома, если бы они не торчали у нас на пути.

— Я думаю, — продолжает Перна, — будет лучше, если мы вас проводим.

— Вы хотите проводить нас? — В голосе Дэлфи слышится сдавленный смех. Она понимает, что опасения ее были напрасны, и страх сменяется весельем.

— Ну да. Мы это запросто устроим. Ни одна тварь вас не тронет.

Она задумывается. Потом неожиданно миролюбиво говорит Перне:

— Ладно. Мне нравится твоя идея. Вот мои условия. Один золотой на двоих. До моего дома — три квартала. И если хоть один орк или какая-нибудь другая дрянь приблизится к нам на десять шагов, не видать вам денег, как своих... — она осматривает козлоногих с головы до копыт и заканчивает: — как своих рогов.

Братья смеются:

— Заметано. Ты не пожалеешь, милая. Не сомневайся.

Они улыбаются и достают из ножен оружие.

Дэлфи шепчет:

— Всю жизнь хотела показать этому городу, чего он стоит.

Я не понимаю, что она задумала, но девушка берет меня под руку и выводит на середину улицы. Там она говорит лопоуху идти впереди, а охране приказывает двигаться следом.

Мы представляем странную процессию. Йокку шагает впереди с красной корзинкой. Охранники позади нас мрачно размахивают огромными кинжалами. Вид у них воинственный. Мне кажется, никто не сунется, и братья могут рассчитывать на плату. Дэлфи шепчет мне на ухо:

— Обычно мальчик впереди несет корзинку с лепестками роз и разбрасывает их.

Я не понимаю смысла происходящего и того, что она говорит, но Дэлфи, кажется, довольна. Прохожие сторонятся, пропуская нас. Это орки и люди. Среди них снуют тощие вертлявые существа с бесцветными глазами. Некоторые указывают на нас пальцем и смеются. Похоже, нам пока ничто не угрожает.

Воинственные пассы охраны оказывают нужное действие. Зеваки жмутся к обочине, но, когда мы проходим мимо, следуют за нами. Их пока немного, и они ведут себя тихо, но козлоногие чувствуют скрытую угрозу, исходящую от толпы. Братья немного отстают и еще воинственнее размахивают оружием.

Ноги послушно несут меня вперед. Это ощущение незнакомо, но приятно — чувствовать послушную отзывчивость тела. Дэлфи держит меня под руку, смотрит по сторонам и почему-то улыбается.

Мы выходим на перекресток и пересекаем его. Прохожие впереди расступаются, но, оглянувшись, я вижу, что толпа позади растет. Из придорожных канав выползают бледные полуголые твари с большими красными ртами. Преследователи размахивают руками и злословят. Но козлоногие не отстают и всем своим видом показывают решимость.

На следующем перекрестке нас встречает плотная толпа. Лопоух в растерянности замедляет шаг, но Дэлфи командует:

— Вперед!

Она смеется. Смех ее кажется мне злым. Йокку послушно идет вперед, а девушка говорит мне:

— Ты не представляешь, как я ненавижу этот город. Трусливый и злобный. Они трясутся от ненависти, но не сунутся на козлоногих. — Потом добавляет: — Мне нет пути назад. Ну и наплевать.

Козлоногие перестраиваются. Перна выходит вперед, помахивая кинжалом. Кауда прикрывает нас сзади. Перна кричит:

— Ребята, вы меня знаете. Только суньтесь! Никому пощады не будет.

Кажется, его действительно хорошо знают, потому что толпа расступается, пропуская нас. Вокруг — угрюмые морды и поднятые кулаки. Но никто не решается приблизиться.

На третьем перекрестке удар между лопаток едва не сбивает меня с ног. Я оглядываюсь и вижу камень на земле. Эльфийская кольчуга смягчила удар. Другой камень попадает лопуху в голову. Рыжая шерсть темнеет от крови. Толпа радостно гогочет.

Дэлфи останавливается. Отпускает мою руку, поворачивается, достает из колчана стрелу и растягивает лук:

— Вы, ребята, наверное, забыли, кто взял главный приз на последних соревнованиях по стрельбе. Может быть, вы и растерзаете нас сегодня, но с десятков из вас уже никогда не промочит горла в пивной Толстого Зуча.

— Бери больше, милая, — добавляет Перна. Эхо разносит его зычный голос вдоль улицы: — Сотня трупов будет отличным ужином для ночных стервятников!

Бледные твари, вылезшие из придорожных канав, облизывают потрескавшиеся губы длинными красными языками.

Угроза оказывает нужное действие. Из толпы слышатся голоса:

— Да ладно, Дэлфи, мы же просто шутим.

Мы идем дальше. Толпа следует за нами. Ржет и злословит, но не приближается и не бросает камни. Мы благополучно добираемся до четвертого перекрестка. Там сворачиваем и, пройдя еще немного, останавливаемся перед высоким каменным крыльцом с коваными перилами.

Возбужденная толпа собирается поодаль. Твари улюлюкают и подбадривают друг друга. Но желающих приблизиться нет. Козлоногие встают по сторонам крыльца, пропуская нас вперед.

Дэлфи снимает с шеи веревочку с ключом.

— Пусть все будет как по-настоящему. Пусть все они сдохнут от зависти и злобы, — она вручает ключ лопуху. — Открой дверь ипусти нас в дом.

Лопух послушно выполняет ее указание. Он справляется с замком, и мы входим в небольшую прихожую. Наверх ведет деревянная лестница. Входная дверь выглядит довольно прочной: массивная, обитая железом, с коваными петлями и засовами. Кауда запирает ее. По скрипучим ступеням мы поднимаемся на второй этаж. Ставни закрыты. Свет проникает сквозь щели, слабо освещая гостиную. На улице слышны крики. Несколько камней ударяются о ставни. Но вскоре все стихает.

Силы покидают меня. Я сажусь на диван. Лопух предлагает мне лечь, и я послушно соглашаюсь. Сквозь дрему слышу голоса Дэлфи и козлоногих. Они мирно беседуют.

— Мы можем посторожить у входа.

— Спасибо, ребята. Это не обязательно.

— Если ты из-за денег, то нам и не надо.

— Да нет. Сейчас они не сунутся. Все знают Урса, хозяина дома. Если он обнаружит, что кто-то пытался сломать дверь, голову оторвет.

— Вот оно как, — говорит один из козлоногих.

Лопух провожает их, чтобы закрыть за ними дверь. Они о чем-то говорят, спускаясь по лестнице. Я засыпаю.

Урс

Я просыпаюсь в полутемной комнате. Обрывки сна всплывают в памяти, но свет, проникающий сквозь щели в ставнях, гонит их прочь. Мне кажется, что я снова в клинике и провода с трубками опутывают мое тело. Смотрю на руки. Они свободны. Я лежу на диване в незнакомой комнате, а у моих ног сидит лопоухий зверь и пристально смотрит на меня. Теперь я знаю, что это Йокку. Он помогает мне. Кажется, он хороший.

В памяти всплывает и исчезает кусочек сна: мы с Йокку — дети и бежим по Заколдованному лесу. Ноги легко несут меня по лесной дороге. Золотистая шерстка Йокку мелькает среди деревьев. Там, во сне, я счастлив.

— Йокку? — зову я, чтобы услышать его голос, в надежде, что ощущения из сна останутся, не исчезнут.

— Я здесь, Эрто, — отвечает он.

Я возвращаюсь в действительность и понимаю, что счастливый сон закончился. Неясная тревога снова проникает в сердце. Тело отказывается слушаться. Я молчу, размышляя над тем, что произошло. Я свободен. Меня больше не запирают в комнате без окон, не привязывают руки, не отравляют лекарством кровь. У меня есть имя. Но у меня по-прежнему нет прошлого. Есть сны, которые могли бы наполнить мою память, но они так летучи, что я ничего не могу из них вспомнить.

Правда, теперь есть зацепка — Йокку. Я видел его раньше. Во сне. Теперь он здесь, рядом со мной. Возможно, он поможет мне разобраться. У меня нет цели. Нет будущего. Когда я был в клинике, я хотел вырваться оттуда. Теперь клиника отпустила меня, но я не знаю, что делать дальше. Если бы я вспомнил свое прошлое, то, возможно, понял бы это. Кажется, Йокку что-то знает. Нужно расспросить его. Но сейчас еще рано. Сейчас я забуду все, что он расскажет.

Я смотрю на Йокку. Он сидит вполоборота ко мне. У него золотистая шерсть и длинный хвост с кисточкой на конце. На голове белеет повязка. Ему досталось сегодня. Я вспоминаю, как дернулась его голова, когда в нее попал камень. Как он упал и быстро поднялся. Бедняга. Он пришел утром в город, чтобы продать ягоды. Они с Дэлфи затеяли опасную игру. Почему Йокку согласился? Кто я для него? Почему он плакал, помогая мне одеваться? Что он знает обо мне?

Внизу хлопает дверь. Слышен лязг металлических засовов. Быстрые шаги по лестнице. Это Дэлфи. Она немного запыхалась. Подходит к дивану, наклоняется надо мной и пристально смотрит в глаза. Я приподнимаю руку в приветствии. Она берет ее и сжимает.

— Я сбегала за продуктами и лекарством. В городе только и разговоров, что о нас. Болтают, что размагниченный сбежал из клиники с медсестрой, но их забросали камнями. Что козлоногие покروшили кинжалами сотню орков. Чего только не наврут. Чем больше крови, тем ярче блестят глаза сплетников.

Дэлфи подходит к лопоуху:

— Ну как ты?

Осматривает повязку. Видит проступившую кровь. Качает головой. Снимает бинты, обрабатывает рану и снова бинтует. Со мной все проще. Кольчуга защитила меня от удара. Я пытаюсь встать, но ноги не держат.

— Ты лежи. Сейчас я покормлю вас.

Она убирает старые бинты и уходит в соседнюю комнату. Мы с лопоухом снова остаемся одни. Он подсаживается ближе, смотрит на меня.

Вскоре Дэлфи возвращается с подносом в руках. Ставит его на столик. Потом подходит ко мне, обнимает за шею, помогая сесть. Ее гибкое тело совсем рядом. Волосы скользят по моему лицу. Легкий запах цветов щекочет ноздри. Я поднимаю руку и касаюсь ее груди. И снова

воспоминания пытаются прорваться в настоящее. Девушка на секунду замирает. Смотрит на меня, чему-то улыбается. Потом отстраняется и идет к столу. Возвращается.

— Ну что, справишься сам? — она ставит мне на колени поднос. На нем миска с кашей и ложка. — Твоя любимая, овсяная.

Мне кажется, она посмеивается надо мной. Я не отвечаю. Пытаюсь поудобнее взять ложку. В конце концов у меня это получается. Девушка смотрит на меня, чтобы убедиться, что я справлюсь. Потом садится у столика напротив лопуха, и они молча едят. К тому моменту, когда я справляюсь со своей порцией, Дэлфи уже убирает со стола посуду и приносит из кухни ягоды.

— Старые запасы из морозилки, — говорит она, раскладывая нам с лопухом покрытые инеем красные ягоды.

Лопух смотрит на меня. Дэлфи ловит его взгляд и говорит:

— Даже не думай. Ты должен съесть все сам. Завтра трудный день.

Я не понимаю, что она задумала. Лопух берет несколько ягод и отправляет в рот. Мне кажется, он не решается перечить Дэлфи. Мы едим ягоды и смотрим друг на друга. Я чувствую, как силы возвращаются ко мне. Вижу, как розовеет лицо девушки, как лопух не спеша отправляет в рот по одной ягоде и медленно жует.

Возможно, под действием ягод все вокруг становится простым и понятным. Я смотрю на Дэлфи и думаю, как хорошо она все придумала. Мы в безопасности, и у нас есть время подумать, что делать дальше. Я знаю: лопуху есть что рассказать, и, возможно, это поможет мне. Хочется больше узнать о моих новых друзьях. Дэлфи тоже хочется поговорить.

— Как... — начинает она, но в это время внизу раздается грохот.

Кто-то стучит во входную дверь так, что стены дрожат. Лопух озабоченно смотрит на Дэлфи. Она хмурится и выходит из комнаты. Я слышу грубый голос снизу:

— Открывай, эльфийское отродье. Я разнесу дверь в щепки!

— Успокойся, Урс! Я спускаюсь.

Лопух говорит мне:

— Встань и возьми оружие, Эрто.

Я встаю. К счастью, я спал одетым. Только сапоги валяются у дивана, но надеть их нет времени. Йокку дает мне в руку иглу. Я сжимаю рукоять, но не понимаю, что делать с этим оружием.

— Просто опусти ее и постукивай по ноге. Привлекай внимание к острию. Если он пойдет на тебя, чуть приподними. Направь ниже живота. Орк не сунется на эльфа с оружием.

«Эльфа?» — недоумеваю я. Лопух встает чуть в стороне, между мной и дверью, и снимает с пояса веревку. Я вижу, как тяжело отвисают грузы на ее концах.

Снизу раздается лязг засова. Слышен удар двери о стену. Лампа, свисающая с потолка, качается. Сыплется штукатурка. Тяжелые шаги по лестнице.

— Ты привела эльфа, дрянь?

— Урс, он болен.

— Тем хуже для него. Эльфов здесь не будет.

— Урс, пожалуйста! Не трогай его.

Ее последние слова тонут в реве. Я вижу, как через порог комнаты, пригнув шишковатую лысую голову, шагает орк. На нем широкие короткие штаны. Помочи крест-накрест пересекают выпирающий живот. Голый волосатый торс бугрится мышцами. Длинные, толстые, как бревна, руки достают почти до пола. Короткие кривые ноги широко расставлены.

— Ты! — орк зло смотрит на меня маленькими глазками из-под лохматых бровей. — Ты зачем здесь?

Он не ожидал увидеть меня вооруженным и немного растерял свой воинственный пыл. Я молча постукиваю иглой по ноге, как учил Йокку.

— Урс, он не говорит, — пытается спасти положение Дэлфи.

Боевой дух уходит из орка, как вода из дырявого бурдюка. Но он делает шаг вперед. Краем глаза я вижу: лопоух отводит руку с веревкой для броска. Я чуть поднимаю острие иглы. Теперь оно направлено орку в пах. Я смотрю ему в глаза и вижу, как в нем борются ярость и страх.

Дэлфи пытается спасти положение:

— Послушай, Урс, он заплатит тебе одну монету и завтра исчезнет. Ты ведь не прочь заработать?

Орк медлит. Сделка выгодна во всех отношениях. Можно заработать и с достоинством покинуть поле битвы. Никто не скажет, что Урс труслив или глуп. Но ему необходимо продемонстрировать свое превосходство. Он поднимает тяжелый кулак, с трудом разжимает пальцы, показывая:

— Две монеты, крошка!

— Заметано, Урс. Две. И ты больше не увидишь его.

Орк протягивает раскрытую ладонь. Волосатые пальцы с грязными ногтями, больше похожими на когти, почти упираются ей в лицо:

— Давай!

— Нет, Урс. Завтра. Ты знаешь меня. Я слов на ветер не бросаю.

Орк топчется на месте. Я понимаю, как точно Дэлфи разыгрывает эту партию. Она знает: Урс ради денег согласится на все, к тому же он трусит и ищет повод, чтобы уйти. Поэтому она тверда. Маленькие глазки орка сверкают под нависшими бровями. Челюсти шевелятся, словно он пережевывает ответ. Урс понимает, что больше ничего не получит, медленно поворачивается и выходит. Слышно, как он тяжело спускается по лестнице. Она скрипит так, будто вот-вот развалится. Хлопает входная дверь. Дэлфи уходит, чтобы запереть ее.

Лопоух медленно перепоясывается веревкой. Я могу рассмотреть ее. Она довольно тонкая и полупрозрачная. На концах закреплены медные гири. Лопоух ловит мой взгляд и поясняет:

— Сделана из паутинных нитей. Прочная и легкая. Когда-то моя бабушка свила ее, а дедушка Такку укрепил грузы. Мы пользуемся такими, чтобы взбираться на деревья за пчелиным медом. Ну и так...

Я понимаю, что значит это «ну и так» и зачем лопоух отошел в сторону и взял веревку в руки. Если бы орк кинулся на меня, Йокку бросил бы ее и спутал ему ноги.

Наконец возвращается Дэлфи. Лопоух спрашивает с тревогой:

— Он может вернуться?

— Ну нет, — смеется она. — За две монеты он теперь никого к дому не подпустит. Будет сидеть внизу и сторожить. Лучшей охраны нам и не надо.

Вечер

Мы садимся за стол и смотрим друг на друга. Всего несколько часов назад мы были чужими. Я не знаю, почему Дэлфи и Йокку помогают мне. Что движет ими? Днем, когда мы шли через город, лопоух мог погибнуть. Но он не струсил, не убежал. Дэлфи отдала последние деньги, чтобы мы могли провести эту ночь в ее доме. А ведь могла просто выставить меня за дверь. Почему она этого не сделала?

Мне хочется узнать, кто я. Йокку называет меня эльфом, но я не понимаю, что это значит, что скрывается за этим словом. Кто такие эльфы? Если я один из них, как это повлияет на мою жизнь? Кажется, мои сны как-то связаны с эльфами, Йокку и козлоногими, но я ничего не могу вспомнить. Надо быть внимательным, чтобы уловить незаметные сигналы, поймать прошлое за хвост и вытащить его в настоящее.

Лопоух хочет помочь мне. Дэлфи — тоже. Но нужна ли мне их помощь? Чем придется за нее заплатить? С другой стороны, что я без них, моих новых друзей?

Мы молча сидим за столом. Каждый из нас хотел бы расспросить другого, но мы боимся разрушить хрупкое доверие, которое только начинает рождаться. Наконец Йокку говорит:

— Он назвал тебя эльфийкой.

Дэлфи смеется, но глаза у нее злые:

— Не совсем эльфийкой. Отродьем. — Она умолкает, потом добавляет: — Я не эльфийка, иначе лежала бы в клинике под капельницей с тракливазином или прозябала бы в резервации. Я человек. Но местные, с их звериным чутьем, понимают, что со мной не все ладно. Есть вещи, которые я и сама не могу объяснить. Я выбиваю из лука десятью выстрелами сто очков с пятидесяти шагов. Никто здесь на такое не способен. Они считают меня ведьмой, побаиваются. Но я-то знаю, что нет во мне ничего такого. Просто, когда я беру в руки оружие, становлюсь другой. Иногда кажется, что где-то глубоко внутри меня сидит другое существо.

— Ты помнишь свое прошлое? — Йокку кладет лапу ей на руку, словно пытаясь удержать.

Она высвобождается:

— Меня нашел в лесу Урс. Недалеко от колодца. Есть там такое место, странное. Не знаю, правда ли это, но говорят, что все, кто живет в городе и вокруг, вышли из колодца. Мне было восемнадцать, но я не говорила ни слова. Только повторяла: «Дельфира, Дельфира». Орк и назвал меня Дэлфи. Вся нечисть в городе с тех пор так меня и зовет. Говорят, это эльфийское имя.

Урс помешан на деньгах. Хотел меня продать. Приказал переодеться, выдал какие-то тряпки, чтобы прикрыться. А мое платье и туфли прибил к входной двери. Местные знают, что это значит. К моему счастью, время шло к вечеру, и Урс отправил меня на кухню готовить ужин. Жрать он любил не меньше, чем деньги. Я приготовила. Откуда я знала рецепт эльфийского рагу? Он попробовал, вышел за дверь и снял объявление. Там уже выстроилась очередь. Толстый Зуч прибежал первым. Он всегда ищет девочек «для услуг». Долго они у него не живут. Урс сказал, что девчонка нужна ему самому, и все разошлись. Спорить с орком — пустая затея.

Я осталась ночевать на кухне. Это спасло меня во второй раз. Ночью Урс явился, но я уже знала, где лежат ножи. Да и владела ими, как потом оказалось, не хуже козлоногих. Пока Урс возился с крючком, я приготовилась.

Он стоял в дверном проеме. Между нами — дубовый кухонный стол. А у меня в руках по ножу для разделки мяса. «Урс!» — сказала я. Это было второе слово, которое орк услышал от меня. Он удивился. Я метнула нож левой рукой в разделочную доску, висевшую на стене у входа. Лезвие вошло на два пальца в самый центр, как раз на уровне его глаз. Урс повернул

голову, посмотрел на доску, потом на меня, на нож в моей правой руке. Орки небыстро сообщают, но он догадался, что его голова не крепче разделочной доски и что лучше эльфийское рагу на ужин, чем нож в переносице. Хмыкнул и поднял руку — вроде как давая обещание.

С ножами та же история, что и с луком. Я не помню, чтобы кто-то обучал меня. Но когда надо, они летят точно в цель. Даже если бы я училась этому всю жизнь, все равно не смогла бы проделывать такие трюки так легко. Доска с ножом так и висит на кухне — как уговор. Урс, хоть и орк, но слово держит. Выделил мне эту комнату с отдельным входом. Вместо платы я готовлю ему. Больше он ко мне не пристаёт. Хотя в кабаках любит прихвастнуть, что я его девчонка. Но мне нет дела до сплетен. Никто не лезет с ухаживаниями — и хорошо.

Дэлфи умолкает. Йокку некоторое время молчит и неожиданно спрашивает:

— Можешь показать, как ты владеешь ножом?

Дэлфи пожимает плечами, поднимается и идет на кухню. Возвращается с двумя ножами для разделки мяса.

— Что я должна сделать?

— Просто метни их во входную дверь. Я хочу увидеть технику броска.

Она стоит спиной к двери и держит ножи перед собой. Я думаю, что сейчас она повернется, приготовится и метнет, но вместо этого резким движением бросает оба ножа за спину. Те входят в центр верхней перекладины над дверью. Она, не оборачиваясь, объявляет:

— Центр перекладины.

— Да, — говорит Йокку и, помолчав, добавляет: — Так могут только козлоногие. И еще так могла Дельфира. Она была эльфийкой, служила у королевы Туолы, бабушки Эрто. Потом, когда Туола и родители Эрто ушли и он остался за главного, Дельфира помогала ему. Она брала уроки у Перны. Никто не понимал, зачем ей это нужно. Эльфы не учатся владеть ножами — это искусство козлоногих. Эльфы предпочитают лук. Окружающие посмеивались над ней, в шутку интересовались, не хочет ли она выйти замуж за козлоногого. Но Дельфира не отвечала. — Йокку замолкает, потом продолжает: — Но ты не Дельфира. Ты дочь кузнеца Прола из деревни людей, глухонемая Лея. — После паузы он добавляет: — Так было до Великого Исхода. Такое чувство, будто душа Дельфиры поселилась в тебе.

Девушка молча смотрит на лопуха. Наконец произносит:

— Ты знал все это и не сказал мне? Почему?

— Потому, — резко обрывает ее лопух.

Его реакция удивляет меня. До сих пор казалось, что он побаивается девушки, но теперь я понимаю: есть вещи поважнее ее недовольства. Дэлфи тоже это чувствует. Она вздыхает:

— Вы не доверяете людям?

— Да.

Дэлфи молчит. Думаю, она обижена. Мне не нравится, что Йокку не хочет ей все объяснить. Наконец она просит:

— Расскажи о ней.

— Я не очень хорошо знал ее. Эрто мог бы рассказать больше. Он был привязан к ней. Когда-нибудь память вернется к нему, и ты расспросишь его.

— А эта эльфийка, Дельфира... Она могла выйти замуж за Эрто? — неожиданно меняет тему Лея.

— Не думаю. Дельфира была из поколения средних, как и родители Эрто. Такие браки не приветствуются. Дельфиру любили все дети. Она вечно возилась с ними. А Лею, дочь Прола, просто обожала. Относилась к ней как к родной дочери. Учила всему, чему эльфийка может научить человека. Обучила древнему языку жестов и требовала от нас, чтобы мы тоже учились и разговаривали с Леей. Это было очень необычно. А теперь выходит, что все было не случайно.

— А Лея? Могла она выйти замуж за Эрто? — снова перебивает Дэлфи лопуха.

— Да что ты заладила: выйти замуж да выйти замуж. К чему это? — сердится Йокку.

— Нет, ты скажи: могла?

— Могла, наверно. Эрто и его сестра Тэя из поколения младших, и Лея по меркам людей тоже из младших. Только людей с эльфами не надо равнять.

— Ну и не равняйте. Только пусть теперь меня никто не называет Дэлфи. Я Лея. Не хочу быть из средних.

Йокку в недоумении смотрит на нее и говорит:

— Как скажешь.

Они замолкают, потом Лея спрашивает:

— Ты можешь рассказать мне о том мире?

— Расскажу. Но не сейчас. Позже.

— Ты знаешь, что нам теперь делать?

— Теперь, когда я нашел Эрто, я должен провести его через лес к месту, где мы будем в безопасности. Вдвоем с тобой мы справимся.

— Это опасно?

— Да. Лес стал другим. Не таким, как раньше.

— Каким он был?

— Разным. Мог быть добрым, а иногда опасным, но никогда не жаждал крови. — Лопоух молчит. — Знаешь, в том прошлом мире, что был до Великого Исхода, мы с Эрто дружили. Познакомились, когда были детьми. Это было у Заколдованного леса.

У нас, лопоухов, есть обычай: когда ребенку исполняется десять лет, он должен пройти испытание, чтобы получить взрослое имя. Мой дедушка Такку сказал: «Чтобы получить имя, ты должен пройти через Заколдованный лес». Лопоухи верили, что лес превращает путников в сухие деревья. Мне было страшно. Я стоял на опушке в нерешительности, боялся войти в лес. И вдруг на дороге появился Эрто. Он тогда был школьником первой ступени и шел домой на летние каникулы. Сказал, что в этом лесу нет ничего волшебного, что все это просто детские сказки. Мы вместе прошли через Заколдованный лес. Там я нашел иглу ежеголового дракона и подарил ее ему. Он с ней не расставался. — Лопоух задумывается и повторяет: — В том мире лес никогда не хотел крови.

— Мне кажется, наш мир хочет крови. Будто она дает ему силы, — тихо говорит Лея.

Я слушаю их разговор и пытаюсь представить Заколдованный лес. Хочу увидеть, как мы с Йокку бежим по его темным дорогам, едим лесные ягоды, дающие силы. Хочу проснуться утром и вспомнить все, что видел, чтобы сон превратился в воспоминания, а воспоминания стали моим прошлым.

Сон Эрто

Мне снится сон. В нем я ребенок. В первый день лета я иду из школы в замок Эльфенгор. Там меня ждет бабушка Туола. Я приближаюсь к границе Заколдованного леса. Впереди еще день пути. Я замедляю шаг. Поговаривают, будто лес населен злыми духами и они превращают путников в сухие деревья. Но я не верю в эти сказки.

Там, где дорога уходит в лес, я вижу зверька. Это молодой лопоух. Он стоит на опушке в нерешительности. Я останавливаюсь, наблюдая за ним. Золотистая шерсть зверька сливается с солнечными бликами и делает его почти незаметным на фоне леса. Небольшую голову с острой мордочкой, темными умными глазами и длинными растопыренными усами венчают большие уши. Никто не может двигаться по лесу с таким проворством, как лопоухи. Длинный тонкий хвост с небольшой кисточкой на конце помогает им на большой скорости совершать резкие повороты среди кустов и деревьев.

Лопоухи пользуются любовью эльфов. Все знают, что лопоух отдаст последнее, если кто-то нуждается в его помощи. Обидеть лопоуха считается преступлением.

— Привет. Что случилось? — спрашиваю я, неслышно подходя сзади. Зверек вздрагивает от неожиданности:

— Мне надо на ту сторону леса, но я не хочу превратиться в сухое дерево. Что мне делать? Я смеюсь:

— Нет там ничего волшебного. Смело шагай вперед.

— Ты это точно знаешь? Путь через лес — всегда тайна. За каждым поворотом ждет неизвестное. Лес не любит чужаков.

— Есть древний уговор. Лес не трогает тех, кто не сходит с тропы. Пойдешь со мной?

— Пожалуй, — соглашается зверек.

— Договорились. Меня зовут Эрто, а тебя?

— У меня еще нет имени, — признается лопоух. — У нас имя дают после того, как совершишь подвиг. Я должен пройти через Заколдованный лес. Это мой подвиг. После этого я получу имя.

— Пока я буду звать тебя Йокку. Не возражаешь?

Лопоух кивает, и мы входим под полог деревьев.

Я планирую выйти к противоположному краю леса к вечеру, поэтому перехожу на бег. Бежать по прохладному тенистому лесу легко. Первое время Йокку держится рядом и старается обходить стороной сухие деревья. Немного освоившись, он начинает совершать небольшие вылазки: то и дело исчезает в лесной чаще и быстро возвращается. Когда мы делаем первый привал, лопоух сует мне в рот пригоршню кисло-сладких ягод, утоляющих жажду. По телу разливается приятное тепло, исчезает усталость.

— Что это? Действует лучше всякой магии! — удивляюсь я.

— Там, где у эльфов магия, у нас — знание леса, — смеется Йокку.

Лопоухи — лесные жители и могут рассказать много интересного о жизни в лесу. Вскоре я уже знаю, что при нападении дракона надо прятаться за стволом гнилого дерева, что в лианах всегда можно найти воду, а ночью в лесу нельзя спать на красном мху — он забирает силы. А еще, оказывается, дедушка Йокку лично знает Туолу, и ее портрет висит в семейной норе на почетном месте.

Солнце еще не успевает коснуться земли, когда мы добираемся до цели и разбиваем привал на берегу ручья. Передав мне очередную порцию ягод, Йокку берется за приготовление ужина. В ход идет все, что попало в мешок, пока мы бежали. После ужина, который кажется мне невероятно вкусным, мы располагаемся на ночлег.

Ночь

Я просыпаюсь в темноте. Сквозь щели ставней в комнату проникает слабый желтоватый свет уличного фонаря, приглушенный туманом и тонкой занавеской. Я вынырываю из яркого дня сновидений. Обрывки сна всплывают в памяти, но чьи-то прикосновения к лицу гонят их прочь.

Это Лея. Она лежит рядом, опершись на руку. Ее лицо совсем близко. В темноте глаза блестят, волосы касаются моей щеки. Она гладит мое лицо, прижимается к плечу, и я ощущаю напряженную силу ее груди. Она шепчет, и ее голос звучит незнакомо. Слова полны скрытого, недоступного мне смысла. Я чувствую ее губы на своих губах.

— Прости, Эрто. Не смогла сдержаться. Может, это мой единственный шанс. Ты не представляешь, сколько мужчин пытались затащить меня в постель. Орки, люди. Животные с грязными мыслями. Особенно люди. Они хуже орков. Те говорят, что думают, а люди... вечно лгут. Обещают любовь. Ты не представляешь, как легко они предают.

Она содрогается от каких-то воспоминаний и отстраняется, будто не хочет, чтобы грязь, о которой говорит, коснулась меня.

— Когда ты поправишься, ты даже не помотришь на меня. Вы, эльфы, не высокомерны, но ваше понимание мира хуже высокомерия. — Она умолкает, о чем-то размышляет и наконец говорит: — Так хочется нежности и силы. Ты не представляешь, как трудно одной.

Я лежу с закрытыми глазами. В памяти всплывает картинка: я сижу на крыльце у входа в маячную башню. Тонконогая рыжеволосая девчонка молча протягивает мне корзинку. В ней — ягоды. Солнце пылает в ее волосах, ягоды кажутся кроваво-красными. Я отказываюсь, но она настойчиво подталкивает корзинку. Я беру несколько ягод. Она смеется и убегает.

Во сне я знаю, что это Лея, дочь кузнеца Прола из деревни людей. Она часто приходит к нам в замок. Она мне нравится.

— Лея, — произношу я вслух.

Она отстраняется и пристально смотрит мне в глаза.

— Что тебе снилось? Ты улыбался. Вдруг тебе снилась я? Может такое быть?

Она задает вопрос за вопросом, не давая ответить, словно боится, что я заговорю — и окажется, что все было иначе. Но я не знаю, что сказать. Сон растаял, и я не могу рассказать, что было в нем. Я молчу.

Лея касается губами моей щеки и быстро поднимается. В смутных отсветах фонарей, пробивающихся сквозь щели ставней, я вижу силуэт ее гибкого тела. Какое-то далекое светлое воспоминание касается сознания. Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее, но она уже в другой части комнаты.

Я слышу, как она тихо двигается: шелест ткани, легкие шлепки босых ног по полу. Лея сдергивает с окна тонкую полупрозрачную занавеску и заворачивается в нее. Свет с улицы становится пронзительнее.

Она подходит к двери на кухню и стучит:

— Я знаю, что ты не спишь, Йокку. Сердишься. Тебе не надо сердиться. Ничего ужасного с твоим эльфом не случилось. Однажды мне приснилось, будто от моего поцелуя спящий эльф проснулся и полюбил меня. Я хотела узнать, сбудется ли сон. Увы, не сбылся. Может быть, у меня будет долгая жизнь, и я найду свое счастье. — Она открывает дверь и зовет лопуха: — Выходи, Йокку. Расскажи нам о прошлом, которого мы не помним.

Лея зажигает свечу на столе. Подходит ко мне, обнимает за шею и помогает сесть. Я снова вижу ее тело под полупрозрачной накидкой. Снова ее волосы скользят по моему лицу. Легкий запах щекошет ноздри. Воспоминания пытаются пробиться в настоящее. Она смотрит на меня из-под темных ресниц, чему-то улыбается. Потом отстраняется и идет к столу.

— Иногда сны сбываются, — говорит она, поправляя свечу. Свет становится чуть ярче. — Не хочу темноты. Хочу видеть блеск ваших глаз.

В соседней комнате скрипит половица. В проеме двери появляется лопоух. Лея показывает ему, куда сесть. Сама садится напротив, так что мы можем видеть друг друга.

— Ну, Йокку, ты знаешь то, чего не знаем мы с Эрто. Расскажи нам о том, что нам можно знать, — Лея неотрывно смотрит ему в глаза, будто пытаясь заставить его говорить.

Йокку задумывается. Он сказал, что доверяет Лее, но не все готов ей рассказать. Да и не все я смогу понять.

— Не знаю, с чего лучше начать, — говорит он. — Времени у нас немного. — Он на секунду закрывает глаза. — Начну с того, что, кроме мира, в котором мы сейчас с вами, есть другой мир. В том мире мы жили до Великого Исхода. Потом случился Исход, и вы с Эрто оказались здесь. Не только вы, но и другие люди и эльфы.

Лопоух снова задумывается:

— Лопоухам повезло. Эрто перед тем, как уйти, разрушил черный купол, и Исход прекратился.

— Как же ты оказался здесь? — удивляется Лея.

— Не спеши. Я и так не знаю, как рассказать вам о том, что сам плохо понимаю.

Он трогает лапой ухо, будто это помогает ему вспоминать, и начинает рассказ о странном мире, где жили эльфы, люди, козлоногие, лопоухи, драконы. Он говорит о дедушке Такку и бабушке, о наших детских проказах. Но я мало что успеваю услышать: засыпаю, убаюканный его тихим голосом.

Во сне я вижу Лею. Она стоит рядом с черным куполом, в руке у нее корзинка с ягодами. Рядом Дельфира. Она пытается удержать Лею. Я чувствую боль в сердце и понимаю: сейчас произойдет непоправимое.

Лея делает шаг к куполу, в котором исчезли сотни других существ. Во сне я знаю, что потеряю ее навсегда. Я кричу: «Нет!» — и бегу к ней. Рядом со мной козлоногие. Мы не успеваем. Лея и Дельфира исчезают за черной поверхностью. Я кричу и рвусь вперед, но Перна удерживает меня, не давая совершить отчаянный прыжок в неизвестность.

Утро

Я просыпаюсь в полутемной комнате. Обрывки воспоминаний всплывают в памяти и исчезают. Смутно кажется, что в ушедшем сне я видел Лею.

Я открываю глаза и вижу Йокку. Он сидит рядом и смотрит на меня. Ждет, когда я проснусь. Я должен рассказать ему о своем сне. Но не уверен, что смогу. Мне кажется, что там я был по-настоящему счастлив — так, как бывает только тогда, когда чувствуешь упругую силу ног и влажную прохладу лесного воздуха на губах.

— Йокку, — произношу я.

Он наклоняется ко мне, чтобы я продолжил. Но нет. Я не могу говорить. Мне кажется, что, если я сейчас начну, сон исчезнет.

В дверях появляется Лея. Она снова в одежде из черной блестящей кожи. Мне нравится смотреть, как она двигается.

— Ну что, парни? Пора завтракать и в путь.

Йокку не удивлен. Наверное, пока я спал, они все обсудили. Я принимаю их решение. У меня нет собственного мнения. Если надо идти, я пойду. После ночного сна я чувствую в себе силы. Надеюсь, мое тело не подведет меня.

Мы молча завтракаем, изредка поглядывая друг на друга. Девушка собирает и уносит посуду. Я слышу, как на кухне шумит вода. Вскоре Лея появляется снова. Так же, как в клинике, она осматривается и произносит:

— Не вернусь сюда!

Йокку подтягивает лямки походного мешка и примеряет его. Мы спускаемся по скрипучей лестнице и выходим на улицу, в серое предрассветное утро. Город спит. На крыльце, привалившись к перилам, сидит Урс. Глаза его закрыты, рот приоткрыт, шапка валяется рядом. Лея кладет в нее две монеты и прикладывает палец к губам. Мы тихо проходим мимо.

Мы идем по пустым улицам. Спящий город кажется мирным. Но я вспоминаю вчерашний день и понимаю, что уже через час он проснется и вернется к своей обыденной жизни, полной насилия и бессмысленных смертей. Мы подходим к распахнутым настежь воротам и выходим за городские стены. Дорога, петляя, спускается с холма. Я оставляю позади то, с чем не жаль расстаться. Смотрю на Лею. Мне кажется, она чувствует то же самое.

У меня появилась цель. Я хочу пройти через лес и увидеть тех, о ком рассказывал Йокку, — его бабушку и дедушку Такку. Он говорил, что лопоухи помнят эльфов. Если я и правда эльф, я должен узнать о таких, как я. Какими они были? Что с ними стало? Что стало с нами?

Мы идем. Ноги несут меня по мягкой дороге, заросшей низкой травой. Лея иногда оглядывается. Я чувствую: ей хотелось бы идти быстрее. Город не отпускает ее, словно она ждет удара в спину. Взгляд лопоуха устремлен вперед. Он молчит, будто надеется вовремя почуять опасность. Я вспоминаю, как он говорил, что один не смог бы провести меня через лес. Возможно, нас ждут новые испытания.

Солнце встает слева. Иногда оно скрывается за холмом, и тогда мы идем по серовато-зеленому ущелью, а на вершине справа золотятся стволы сосен. Иногда оно освещает нас, и тогда тени деревьев ложатся на дорогу темными полосами. Дорога петляет. Перед каждым поворотом я замечаю, как Лея кладет руку на лук, а лопоух замедляет шаг и прислушивается. Я не знаю, чего они опасаются, не понимаю их тревоги. Но доверяю им.

Неожиданно от придорожного валуна отделяются две серые фигуры. Лопоух останавливается, а Лея одной рукой сдергивает через голову лук, другой выхватывает из колчана стрелу.

— Это мы, Дэлфи.

Я узнаю голос козлоногого, который сопровождал нас вчера.

— Зачем вы здесь? Шпионите за нами? — Лея опускает лук, но не убирает стрелу. Ее голос напряженно звенит.

— Не надо нас бояться.

— Чего мне вас бояться? — Лея хрипло смеется, но оружие не убирает. Подозрение не покидает ее, и она спрашивает: — Как вы узнали, что мы пойдем по этой дороге?

— Так мы вчера перед уходом договорились с Йокку, что пойдем с вами.

— Я и не знала, что лопоух у нас за главного.

Лопоух смущен. Ему не хочется ссориться с Леей. Хотя я чувствую: он рад, что козлоногие с нами. Он говорит примирительно:

— Не сердись, Лея. Кауда и Перна знали и любили Эрто. Нам лучше быть вместе.

Лея раздраженно фыркает. Убирает лук и, не оглядываясь, идет вперед. Я иду за ней. Йокку с козлоногими — следом. Я понимаю, почему Лея сердится. В городе она была главной. Ей казалось, что все решения она принимает сама, а оказалось, что лопоух договорился с козлоногими без ее ведома. Мне хочется помочь ей справиться с раздражением, но я не знаю, как объяснить, что нам лучше держаться вместе.

— Лея! — произношу я почти шепотом. Я впервые обращаюсь к ней.

— Эрто? — она останавливается и оборачивается.

Я не знаю, что сказать. Молча подхожу к ней и останавливаюсь. Она неожиданно делает шаг навстречу, берет меня за руку и тянет вперед. Мы некоторое время молча идем рядом. Наконец Лея говорит:

— Ты не думай обо мне плохо, Эрто. Я ведь понимаю, что с козлоногими безопаснее. Это все ужасная человеческая природа. Хочется все делать наперекор. Даже если это лишено здравого смысла.

Она смотрит на меня сбоку. Пытается увидеть мою реакцию.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я не знаю, что ей ответить.

Мы идем вперед. Я чувствую, как уходит напряжение. Лея успокаивается. Искося посматривает на козлоногих, словно изучая их. Теперь нас пятеро. От меня толку мало. Но остальные действительно знают, как обращаться с оружием. Я вспоминаю, как вчера городская нечисть расступалась, давая нам дорогу. Потом где-то внутри поднимается благодарность к козлоногим. За что?.. Не могу пока вспомнить...

Лес

К концу дня мы подходим к лесу. Солнце опускается к горизонту справа от нас. Наверное, Йокку прошел бы этот путь за полдня, но со мной группа идет медленно.

Лопоух разводит костер. Кауда достает из своего мешка посуду и продукты и берется за приготовление ужина. Лея предлагает помощь, но козлоногий отказывается:

— Отдохни, детка.

Лея не настаивает, но замечает:

— За два года, что я помню, не было ни одного вечера, чтобы я не занималась готовкой. Даже интересно... — Она умолкает, наблюдая за козлоногим.

Ужин мне нравится. Лея спрашивает:

— Вкусно?

В ее голосе слышно напряжение. Возможно, ей хотелось бы, чтобы мне не понравилось, но я киваю.

Кажется, она немного расстроена. Напряженно молчит, о чем-то размышляя. Потом неожиданно смеется:

— Знаете, парни, я чувствую себя мамочкой. Эрто должен любить только мою овсяную каша.

Все смеются.

После ужина меня клонит в сон. Йокку подкладывает мне под голову мешок, набитый травой. Откуда он его взял? Новые друзья негромко обсуждают, что делать дальше. Кауда говорит, что ночью нас искать не будут, а утром мы уйдем в лес, где нас трудно будет найти. Я не понимаю, почему нас вообще должны искать, и засыпаю под их мерный разговор.

Я просыпаюсь рядом с костром. Вынырываю из солнечного сна. Обрывки сновидения еще держатся в памяти, но свет костра гонит их прочь. У огня сидит козлоногий. Мне кажется, во сне он учил меня какой-то магии. В памяти звучат его слова: «Нож стреле не ровня». Но я не могу вспомнить, что они значат.

— Кауда? — Мой голос звучит слабо, но он встает, подходит ко мне и садится рядом.

— Что, Эрто?

— Расскажи мне об эльфах.

Некоторое время он молчит.

— Когда-то эльфы правили Южными землями. Хотя «правили» — не совсем то слово. Просто все знали: есть закон, есть справедливость. Есть сила. Есть мудрость. Вам доверяли. И вас любили.

Я чувствую, как в нем просыпаются воспоминания.

— Ты был ребенком, когда я познакомился с тобой. В ту весну яблони распустились рано. Иду я как-то по делам и вижу: мальчишка стреляет из лука. Пытается всадить стрелу в мишень, скрытую яблонею листовой. А это не просто. Не всякий взрослый справится. То стрела мимо пройдет, то о ветку ударится. «Вот упрямый», — думаю. Подошел. Захотел поддразнить. Снял с пояса нож и метнул его в цель за яблоней. Шагов с пятнадцати. Ты ужасно расстроился и закричал: «Ты ближе стоял!» А я говорю тебе: «Нож стреле не ровня». Ну, у нас так говорят. Пословица такая.

Потом смотрю — ты чуть не плачешь с досады. Я и объяснил, что надо просто видеть мишень сквозь листву. А ты все равно возмущаешься: «Это нечестно! Туола стреляет, не применяя магию». Тут я и понял, что ты хочешь стрелять, как Туола. А это не каждому дано. Королева редко пользовалась магией. Волшебство жило в ней. Когда она хотела видеть мишень, она просто ее видела.

Я и предложил тебе этому научиться. Сказал: «Произноси сначала заклинание вслух, а потом мысленно. Магия растворится в тебе, и ты увидишь мишень за яблонею листвою». Сказал так, а сам подумал: вряд ли у такого малыша получится. Но ты просто вцепился в эту мысль. Целыми днями торчал перед яблоней и тренировался.

Накануне летних каникул у тебя получилось. Ты взглянул на яблоню, сплошь покрытую розовыми цветами, и увидел контур мишени. Это открытие так потрясло тебя, что ты замер. Я в тот момент был рядом. Почувствовал это. Положил руку тебе на плечо, хотел подбодрить. А ты прижался к ней щекой.

Кауда умолкает, и я говорю:

— Я видел это во сне.

Козлоногий поворачивается ко мне:

— Это не сон. Это было.

— Не сон?

— Нет. Они не смогли тебя размагнитить.

Почему-то он отворачивается и проводит рукой по глазам. Потом снова поворачивается ко мне:

— Ты спи. И помни: в твоих снах — твоя память. Ты эльф.

Он подходит к костру подбросить дров. А я смотрю на него и думаю, что, может быть, смогу все вспомнить. И, может быть, я действительно эльф.

Наступает туманное утро. Солнце едва пробивается сквозь молочную пелену. Кауда хлопчет у костра: разливает по кружкам горячий кофе, переворачивает на медной сковороде лепешку. От нее идет приятный запах муки и свежего масла. Я вдыхаю этот тонкий аромат и вспоминаю мутный больничный напиток, который по странному совпадению тоже назывался кофе.

Лея держит в руках чашку. Она низко склоняется над ней, словно хочет вобрать в себя аромат до последней капли. Потом поднимает голову и смотрит на козлоногого:

— Сволочь ты, Кауда.

— Почему? — удивляется тот.

— Ты хочешь купить мою душу.

— Пей, детка. Твоя бессмертная душа не продается. Глоток хорошего кофе немного ее смягчит. Ничего худого от этого не будет.

Я смотрю на Лею. Она отламывает кусок лепешки. Вдыхает запах. Запивает горячим кофе. И я вдруг понимаю, что она должна чувствовать благодарность. Ведь так хорошо, когда есть на кого положиться. Я повторяю за ней: кусочек лепешки и глоток чуть сладковатого и в то же время горьковатого напитка. Мне кажется, я никогда не пробовал ничего вкуснее. Кауда смотрит на нас. Улыбается. Он знает цену своей работе.

Мы поднимаемся и направляемся в глубь леса по старой дороге. По ней давно никто не ходил. Солнце пытается разогнать туман. Но тот цепляется за низкий кустарник и траву. Я чувствую, что все напряжены. Рыжеватая шерсть лопуха мелькает среди деревьев то справа, то слева от тропы. Он движется быстро, но, кажется, ничто не ускользает от его взгляда. Изредка Йокку подзывает к себе козлоногих и Лею. Они советуются, и мы снова идем вперед.

На полуденном привале мои спутники тихо обсуждают ситуацию. Они ничего не скрывают от меня, но говорят вполголоса, и я плохо понимаю, о чем идет речь.

— Это люди. Охотники на эльфов, — говорит Йокку. — Они курят траву. Я нашел несколько окурков. Да и трудно спутать следы их обуви. Только они мажут сапоги дегтем так, что за версту несет.

— Сколько их?

— Вначале было трое. Теперь — двое. Думаю, одного отправили за подкреплением. Оставшиеся следят за нами. Боятся, что мы свернем с дороги.

— Может быть, нам действительно уйти глубже в лес. Они не сунутся в чащу.

— Нам тоже опасно углубляться. Лес не любит чужаков. Может поднять огонь. Тогда нам туго придется.

— Может, договориться с этими? Ведь им ничего, кроме золота, не нужно.

— Это люди! Их обещания — ничто. Они возьмут золото и обманут. Пока они чувствуют свою силу, они возьмут все, что смогут: золото, Эрто, наши жизни и оружие.

— Как думаешь, много их?

— Обычно они собираются группами по тридцать — сорок человек. Живут в укрепленных лагерях вдоль рек. Раньше занимались тем, что ловили эльфов и сдавали их в клинику. Теперь этот источник дохода иссяк. Грабят прохожих и воюют друг с другом. Темная жизнь, лишенная смысла.

— Как думаешь, когда они нападут?

— Думаю, ночью. Соберутся с силами и ударят, когда мы будем спать. Будут действовать наверняка. Будут кричать: «Сдавайся!», но никого не пощадят, кроме эльфа. Бизнес есть бизнес. Ценится только то, за что платят. За жизнь козлоногого или лопуха не выручишь и ломаного гроша. Эльфы же по-прежнему в цене.

— Пора поменяться ролями. Возьмем этих двоих и расспросим хорошенько. Ты видишь их?

— Да что их высматривать. Пыхтят, как паровые машины, и воняют, как рыбы потроха.

Перна и Кауда поднимаются и уходят. В ближних кустах слышна слабая возня и ворчливый голос Кауды:

— Ну, тихо, тихо! Никто вас не обидит. Давайте ваши игрушки.

Из кустов поднимается коренастый крепкий мужик с широкой лохматой бородой. Руки его связаны за спиной. Он злобно сплевывает, показывая желтые зубы. С мрачным видом идет к костру. Следом Перна выводит худого парня в грязной рваной рубаше, с жидкой бороденкой и спутанными светлыми волосами, сквозь которые просвечивает розовая кожа черепа. Он с опаской оглядывается на козлоногого. Но тот не выглядит агрессивным. Спокойно подталкивает пленника в центр поляны.

— Ну, здравствуйте, гости дорогие. Куда путь держите? — насмешливо приветствует пленников Перна.

Те переглядываются и молчат. Младший, наверное, без приказа старшего слова не скажет. А старший выглядит закоренелым бандитом. Перна усмехается.

— У вас, ребята, нет выбора. Мы вас сейчас подвесим за ноги вон к той сосне, рядом с осиным гнездом. От вас так воняет, что осы просто взбесятся от таких соседей. К утру от вас только кости останутся. Будете висеть и тихо позванивать, чтобы другие такие же дураки сто раз подумали, надо ли им иметь дело с козлоногими. Ну что, будете вести вежливую беседу или мне достать веревку?

— Да что вам надо-то? — говорит наконец старший. — Мы вас не трогали. Так, наблюдали, куда идете.

— Ну и куда мы идем, по-вашему?

— Куда-куда. Куда надо, туда и идете. Нам-то что. Эльфа размагниченного зачем-то тащите с собой.

— Ага. Эльфа. А почему нынче эльфы идут?

— Так вы его на продажу? — оживляется бородатый.

— Может, и так. А вам-то что?

— Так можно торговаться. Мы можем купить его у вас. За пару монет.

— Ну уж за пару. Мы сами за него десять монет отвалили.

— Врешь. Откуда у вас такие деньги? Да и в резервации за этого доходягу больше двадцати монет не дадут.

— Вру, не вру — это мое дело. Только я с твоим начальством хочу поговорить. И ты нас прямехонько к нему отведешь. Или осиное гнездо тебе больше по вкусу?

Бородатый задумывается. Предложение ему не нравится. Привести чужих в свой лагерь — за это по головке не погладят. Но и висеть на дереве ему тоже не хочется. Он долго думает. Наконец соглашается.

— Если наши узнают, что это мы вас привели, убьют. У нас с этим строго. Поэтому вы нас отпустите заранее. Мы исчезнем, как будто ни при чем. Вы сами дойдете.

— Вижу, ты не глуп. Только не вздумай хитрить. Попытаешься увести нас в сторону — веревка у меня всегда под рукой, а осиные гнезда в этом лесу на каждом шагу.

— Богом клянусь. Все сделаю по чести. — Мужик прикладывает два пальца ко лбу, а потом к сердцу.

— Кем-кем ты клянешься? — удивляется Перна.

— Богом.

— И кто это у вас?

— Это у них высшая сила, — вмешивается Лея. — Вроде святых эльфов, только в едином лице.

— И что, сильно они верят в эту высшую силу?

— Кабы по-настоящему верили, может, и был бы прок. А так, как они верят, — одно паскудство. Когда туго приходится, голосят во всю глотку: «Господи, помоги», и, когда врут и жульничают, тоже приговаривают: «Господи, помоги».

— С такой верой недолго они продержатся. Глотки друг другу перегрызут.

— Ну так они этим и занимаются каждый день. Живут как-то. Может, этот их добрый бог ждет, когда они образумятся. А может, и нет его вовсе. Потому что то, что творят они, — безбожно.

— Послушай, — говорит Перна бородатому мужику, — ты убиваешь и совершаешь зло ради денег. Зачем тебе монеты?

— Я куплю ферму и буду жить своим трудом.

— Для этого ты убиваешь эльфов?

— Я не убиваю. Я продаю их. Убивать их нельзя. Если эльфа убьешь, Рыжий Эрик башку снесет. У него с этим строго. Сам сдохни, а эльфа живым в лагерь доставь.

— Вот ведь тролличье племя. — Кауда берет мужика за ворот рубахи и разворачивает к себе. — Ты понимаешь, что сам уничтожил свой мир? Мир, в котором могла быть справедливость. Мир, который хранили эльфы. Вы уничтожили тех, кто мог бы сделать вас счастливыми. На что ты надеешься? К тебе на ферму придут люди с оружием и отберут у тебя все. Кто защитит тебя? Кто рассудит по справедливости?

— У меня тоже есть оружие.

— Оружие! Ты думаешь, что оружие может сделать мир справедливым. Ты не понимаешь, что оружие — последнее прибежище зла. Что нет конца тому, что вы затеяли. Только смерть и разрушение.

Мужик смотрит на нас снизу вверх. Потом неожиданно говорит:

— Наш Бог милостив. Он простит нам грехи. Спасет и поможет.

Все оторопело смотрят на бородатого.

— А-а-а! — машет рукой Перна. — Сами не ведают, что творят. А всыпать им розгами по ягодицам некому. Потому что бог их добр и терпелив. Хорошо устроились, тролличьи дети.

Мы встаем и идем вперед. Я мало что понимаю из разговора у костра. Чувствую темную угрозу, исходящую от бородатого мужика и его худого напарника, но верю, что козлоногие справятся.

Какое-то время мы идем по лесной дороге. Бородатый и его молодой товарищ — впереди. Перна и Кауда следом. Йокку движется рядом с нами в лесной чаще. Лея замыкает группу.

Иногда я оглядываюсь на нее. Она смотрит мне в глаза, и я чувствую: ей хотелось бы поговорить со мной. Но мы идем молча.

Дорога уходит в ущелье. Невысокие холмы встают справа и слева. Мы сворачиваем на едва заметную тропу, уходящую вправо, и поднимаемся по склону к вершине холма. Наверху останавливаемся и осматриваемся.

Вниз уходит склон, поросший низким кустарником. Деревьев нет. Лесной пожар сжег здесь все много лет назад. Внизу блестит изгиб реки. На мысе, выступающем в реку, стоит укрепленный лагерь. Часток из толстых заостренных бревен. Пять вышек, на которых видны фигуры часовых. Ров наполнен водой. Мост поднят. Ворота закрыты.

— Это ваш лагерь?

— Чей же еще? Наш. У нас Рыжий Эрик за главного. А километров тридцать вверх по течению Безносый заправляет.

— Не беспокоят соседи?

— Бывает. Но сейчас замирились. Делить особо нечего. У нас всего одна эльфийская девчонка. Скоро придут купцы. Сдадим товар и по домам.

— У вас в лагере есть пленные эльфы? — оторопело спрашивает Кауда.

— Ну да. Я же говорю — девчонка. Подросток. Но ужасно хитрая. В клетке сидит. Вон там. Посреди центральной поляны.

Я всматриваюсь. Посреди поляны стоит металлическая клетка на колесах, похожая на ту, что стояла у выхода из клиники. Кажется, в ней никого нет. Как будто навалена куча тряпья. Дым от костра мешает рассмотреть. Потом мне кажется, что я вижу девочку в углу клетки. Я вижу, как блестят ее глаза. Когда дым рассеивается, мне на мгновение кажется, что я знаю ее.

— Это Тэя. Твоя сестра, — тихо произносит Йокку, глядя на меня.

Лея слабо охает. Кауда свистит и подходит к бородатому. Вид козлоногого не сулит тому ничего хорошего.

— Ты, — с плохо скрываемой злостью шипит козлоногий. — Отвечай мне, тролличий потрох. Что с ребенком в клетке?

— Да что с ней станет? — Мужик ерзает. — Суший дьяволенок. Сидит в клетке и колдует. Наши ждут не дождутся, чтобы сбыть ее купцам. Того и гляди сбежит. Уже и часового к ней приставили.

— Она размагничена?

— Если бы.хлопот бы не было. А так одно беспокойство. Наш предводитель хотел сначала взять за нее сорок монет. Теперь готов за двадцать отдать. Лишь бы избавиться.

— Что с ней не так?

— Исчезает, зараза. Когда в первый раз пропала, часового чуть не повесили. Замки на месте. А девки нет. Хорошо догадались потыкать прутом. Там она и оказалась. В клетке. Только не видно ее. Так и душит нас все время. То появляется, то исчезает.

— Это Тэя-невидимка, — тихо произносит Лея. — Я-то думала, что сказки врут про нее. Мол, прячется так, что никто найти не может. А это правда, оказывается.

— Правда, правда! — ворчит Кауда. — Только нам сейчас думать надо, как вызволять девчушку.

Атака

Ближе к вечеру, когда солнце опускается почти к самой кромке леса, в лагере начинается движение.

— Куда это они засобирались? — спрашивает Кауда бородатого.

— Куда-куда. К вам в гости. Петька, должно быть, пришел и рассказал, что вы по дороге эльфа ведете и к ночи будете у реки. Там брод. Рыжий Эрик рассчитывает, что вы заночуете на этом или на другом берегу. Думает взять вас тепленькими.

— Хм. Бесхитростный план. А ты, не иначе, должен их встретить и проводить к месту. Так, что ли?

— Ну да.

— Если мы тебя сейчас отпустим, ты куда отправишься? Побежишь своим докладывать?

— Что я, дурак, что ли. Если я сейчас явлюсь к Рыжему и скажу, что оставил пост, да еще вас с собой привел, он меня самолично повесит. Дисциплина у нас строгая. Васька-то дурак дураком, — мужик кивает на парня, — побежит все рассказывать. Его, дурака, может, и пожалеют. А меня-то сразу представят к высшей мере. Рыжий давно на меня зуб точит. Считает, что я на его место мечу. Так что отправить меня на тот свет для него одно удовольствие. Да только я не пойду сейчас в лагерь. Сами как-нибудь разбирайтесь без меня. Я к себе пойду. В деревню. Там с мужиками соберем отряд и будем отбиваться. Куплю корову. Женюсь. Что еще надо?

— Вот слушаю я этого идиота и диву даюсь. Ведь будь эльфы здесь, давно был бы с женой и коровой. И никто бы его не тронул. Потому что были бы мир и справедливый порядок. Так нет. Они всех эльфов извели и теперь сидят по углам со своим жалким оружием и ждут, когда им их глупые головы посшибают те, у кого силы больше. Э-э-х! Что тут скажешь. Нельзя дуракам волю давать. Потому что воля для них — это одно паскудное желание все под себя подгрести.

— Ты не ругайся зря. Что мы, не понимаем? Мы тоже кое-что понимаем. Только жизнь так повернулась, что по-другому стало нельзя.

— То есть жизнь так повернулась, что надо грабить и убивать. Так, что ли? А кто тебя за руку тянет убивать да грабить? Что же ты не можешь жить по совести?

— Ты весь из себя такой чистый и праведный. Да только где ты был, когда мы эльфов ловили? Что же не защитил их? Тоже ведь знал, что тебе не справиться с той силой, которая изменила мир. Вот теперь и расхлебывай кашу. А меня домой отпусти. Я в лагерь не пойду.

— Дядя, я тоже в лагерь не пойду, — неожиданно всхлипывает худой. — Рыжий драться будет, все уши оторвет. Я его знаю. Я с тобой пойду. В твою деревню. У меня больше никого нет.

— Тьфу. Тебя мне только не хватало, — ругается бородатый. Потом качает головой и добавляет: — Ну и черт с тобой. Хочешь со мной идти — иди. — Смотрит на Перну: — Отпустите нас. Не будет вам от этого никакого вреда. Хоть к себе уйдем, хоть в лагерь. Все без разницы. Вы теперь все знаете. Да и наши на ночь глядя не будут бегать за вами по лесу. Обойдутся как-нибудь без этого размагниченного. Цена за него — пятак, а хлопот — не оберешься.

В это время снизу слышится неясный гул. Как будто кто-то катит пустую металлическую бочку по камням. За поворотом дороги, ведущей к воротам лагеря, поднимается пыль. Часовые на башнях показывают куда-то вправо, за излучину реки. В лагере поднимается суета. Из шалашей выскакивают люди и бегут вдоль частокола, занимая позиции. В руках у них странные длинные предметы.

— Чем это они вооружены?

— Это новое оружие. Нам его продали купцы. Называется пистоль. Бьет на сто шагов. Пробивает любые латы — хоть медные, хоть железные. Страшная штука, — бородатый ухмы-

ляется. — Сейчас вдарят по этим. Мало не покажется. Будут удирать без оглядки до самого своего лагеря.

Наконец из-за поворота в клубях пыли появляется странное сооружение. По виду — обычная телега, закрытая со всех сторон деревянными щитами. Телегу толкают несколько лохматых мужиков, укрываясь за щитами. Добравшись до поворота дороги, ведущего к воротам, они разворачивают свое сооружение. Оно встает напротив ворот и поднятого моста. С частокола слышны выстрелы. Поднимаются облачка дыма. От щитов, закрывающих телегу, отлетают куски дерева. Однако видимого ущерба выстрелы не причиняют, и обороняющиеся прекращают стрельбу.

— Что это? — спрашивает Лея.

— Думаю, это то, что купцы называли пушкой, — отвечает бородатый. — Они хотели за нее двести монет. Но Рыжий пожадничал. Безносый, похоже, решил повоевать напоследок. Заплатил им. Теперь к нам явился. Хочет испытать свою силу.

— И что сейчас будет?

— Что-что. Вдарит со всей дури по воротам. От них только дыра останется. Там, за пригорком, думаю, вся их орава прячется. Как только брешь в частоколе пробьют, кинутся всей толпой. Если они пройдут через ворота, нашим конец. У Безносого человек пятьдесят в отряде. Наших в лагере — двадцать. Покрошат всех. Кого не побьют, тех к себе в отряд возьмут. После этого Безносого уже ничто не остановит. Все крепости по реке под свое начало соберет. А там, глядишь, и на город двинет. Конец вашим оркам и очкарикам в больнице. Будут на Безносого работать за так.

— Ладно. С вами все ясно. Не очень-то жалко дураков. Сами выбрали свою судьбу. Продали души за монеты. — Перна нависает над бородатым. — Но там, в центре этой бойни, девочка. Если с ней хоть что-то случится, я убью тебя, твоего тупого Ваську и всех ваших вонючих друзей. Ты понял меня, мешок с костями?

— Мы так не договаривались! — огрызается бородатый.

— А как мы договаривались? — Перна приставляет к горлу бородатого нож. Капля крови выступает на коже. Мужик сучит ногами, пытаясь отодвинуться от козлоногого. — Как мы договаривались? Думай, урод, скорее. Моего терпения надолго не хватит.

Мужик дергается, пытаясь лихорадочно что-нибудь придумать. Наконец шепчет:

— Драконий выродок! За какую-то паршивую эльфийскую девчонку готов пролить кровь простых людей.

Но козлоногий сильнее прижимает нож к его горлу. Бородатый пытается отползти и в ужасе выкатывает глаза.

— Дяденька, отпустите его, — хнычет худой. — Он не скажет. Я скажу. У него в кармане ключи от задней калитки. Там можно пройти незаметно.

Козлоногий убирает нож в ножны и пинает бородатого под ребра. Тот валится набок. Перна сует руку в боковой карман его штанов и достает связку ключей.

— Который?

— Самый большой. Тот, что поменьше, — от оружейного склада, — охотно сообщает худой. Бородатый злобно смотрит на него и сплевывает.

— Отпусти меня, козел. Я убью тебя.

— Ладно, успеешь еще. Сиди здесь и не дергайся. Моли своего доброго бога, чтобы все закончилось хорошо. Иначе не жить тебе в этом мире.

Перна поворачивается к Лее:

— Видишь клетку посреди поляны, за оградой? Мы с Йокку пойдем за девочкой. Пока доберемся, совсем стемнеет. Но как управимся — пару раз факелом махнем. Увидишь. После этого спускайтесь к реке.

— А с этими что делать?

— Этих перед уходом пусть Кауда к дереву привяжет так, чтобы через часок освободились. Там, в лагере, такое начнется, что последним дураком быть — возвращаться. Пусть домой идут. К коровам своим.

Перна и Йокку уходят в низкорослый кустарник и пропадают из виду. Я вижу только легкие покачивания стеблей там, где они продвигаются к крепости. Я думаю, что, наверное, задняя стена частокола тоже охраняется, но, возможно, перед атакой защитники соберутся у ворот.

Перна

Подходим мы с Йокку к южной стене крепости. В двадцати шагах течет река; у деревянных мостков лодка привязана. Лопоух показывает мне тропинку: идет она прямоком от мостков и в забор упирается. «Здесь калитка», — говорит. И точно. Щель между дверью и стеной хорошо видна, на двери деревянная ручка. Видать, защитники часто ходят тут по хозяйству и не очень-то скрывают этот проход.

Наверху частокола, спиной к нам, стоит часовой и смотрит, что происходит у северной стены. А там крики и ругань: командир пытается свою бестолковую команду по местам расставить.

Йокку отходит немного от стены и снимает с пояса веревку с гирьками. Я вставляю ключ и осторожно поворачиваю в скважине. Замок открывается, но дверь не поддается — изнутри заперта на задвижку. Пытаюсь ножом отодвинуть щеколду. А она ржавая — возьми да скрипни. Часовой поворачивается к нам, выставляет вперед ружье и спрашивает:

— Кто здесь?

— Это я, Борода. Мы с Васькой через ворота пройти не можем, — говорю вполголоса.

— Ну-ка отойди от стены. Я гляну на тебя, — приказывает тот и наклоняется вперед, держа перед собой факел.

Йокку бросает веревку с грузиками и сдергивает бедолагу. Тот вскрикивает и валится вниз, ко мне в объятия. Я его принимаю как положено: по голове кулаком, чтобы орать не вздумал, да тряпку в рот. Связываю и усаживаю спиной к стене. А ружьишко и сабельку забираю. Он сидит, глазами вращает, будто сказать что-то хочет. Ну, я нож ему к морде приставляю и тряпку изо рта вынимаю.

— В каких грехах покаяться хочешь? — спрашиваю.

Он и давай хныкать:

— Отпустите меня, люди добрые. Никому я зла не делал. Домой к жене и детям пойду.

Опять про корову не забыл — будто ради этой коровы они тут и творят свое черное дело. Сдались им эти буренки.

— Ты тут посиди, — говорю, — мы тебя на обратном пути освободим. А сейчас нам внутрь надо. Знаешь что-нибудь про эльфийскую девочку?

Он, как про девочку услышал, заговорил быстрым шепотом:

— Я вам один секрет скажу. Только вы меня не убивайте. Детей моих пожалейте.

Вот, думаю, тролличий потрох, детей его пожалеть... Сам-то что творит — ни о ком не думает. Смотрю я на Йокку. Тот головой кивает: «Послушаем, мол». Да я и сам так думаю. Не похоже, что мужик хитрит — жизнь свою спасти пытается.

— Ну говори. Только если соврешь, не видать тебе ни жены, ни коровы.

— Да чтоб мне на том свете в огне гореть, правду скажу. Только отпустите, — частит он. — Там часовой с ключом. Только тем ключом открывать клетку нельзя — сигналка сработает. Надо сначала правое заднее колесо телеги, то, что побольше, повернуть на полный оборот. Тогда и открывать можно.

— Ну, — говорю, — если не соврал, будет тебе за это награда. Отпущу к жене твоей и корове. А сейчас сиди и молчи, потому как, если нас схватят, брат мой сюда придет и тебе голову отвернет.

Сунул я мужику в рот тряпку, а сам думаю: «Что у них за вера такая, что при жизни можно зло творить, а чуть прижмет — так сразу защиты и прощения просить? Что же они не понимают простого: не делай зла — и прощения просить не придется. Это, видно, у них от слабости да от веры их всепрощающей. Портит она их только, ко злу склоняет. Как если мать

ребенка балует — не жди от него проку». Посмотрел я на бедолагу, а он сидит, головой качает. Видно, смирился.

Ну вот. Я ножом открываю задвижку, и мы проходим внутрь ограды. Уже совсем темно. Вдоль стен горят масляные фонари. У северных ворот мужики переругиваются. В центре двора стоит телега с клеткой. Рядом — часовой с ружьем. Только он не столько за клеткой смотрит, сколько на ворота таращится. Видать, опасается. Мы с лопухом ползем по-пластунски через грязный, заваленный хламом и какой-то дрянью двор.

Добираемся до телеги, подлезаем под нее. Слышу: в клетке кто-то ворочается. Часовой подходит ближе, встает совсем рядом. Я хватаю его за ноги и втаскиваю под телегу. Сверху наваливается Йокку. Тот и пикнуть не успевает. Связываю его, снимаю с пояса ключ от клетки. Потом беру его ружьишко, снимаю лохматую шапку. Напяливаю все это добро на себя. Думаю: в темноте и при слабом свете фонарей не разберут.

Слышу, лопух тихо зовет:

— Тэя. Тэя. Это я, Йокку. Слышишь меня?

Потом еще раз:

— Тэя, это я, Йокку.

Наконец в клетке слышится шорох:

— Йокку? Как ты здесь оказался?

— Мы за тобой пришли! — я слышу, как у него дрожит голос. — Со мной Перна. Мы сейчас откроем клетку и заберем тебя.

— Нельзя открывать. Сигналка сработает. Они всегда сначала колесо поворачивают.

— Знаем, знаем, милая. Перна все сделает как надо.

Я поворачиваю заднее колесо, отключаю сигнализацию. Поднимаюсь, чтобы открыть замок, и тут чувствую: что-то твердое упирается мне в спину. Видать, кто-то из местных подкрался и теперь тычет в меня своим ружьишком.

— Ну-ка отойди от клетки и убери руки за голову. Иначе пальну.

Точно, с ружьишком. Первым делом смотрю туда, где стоял Йокку. Его и не видно совсем — наверное, присел под телегу. Кладу руки за голову и немного пячусь назад. Ну а противник мой сильнее стволом надавливает, удержать пытается. Зря он это делает. Стоял бы в паре шагов — мог бы всадить пулю между лопаток. Я резко поворачиваюсь, так что ружье оказывается у меня под мышкой. Мужик от неожиданности подается вперед, и его перепуганная рожа оказывается прямо перед моими глазами. Ну, я и прикладываю ему рогами по лбу. Не сильно — я ведь могу рогами доску перешибить, — но ему и этого хватает: охает и валится к моим копытам.

Оглядываюсь и вижу, что Йокку держит лапы вытянутыми вперед, как будто кого-то обнимает внутри клетки. Только кого — не видеть.

— Йокку, где Тэя?

— Она здесь. Прячется.

— Тэя, девочка моя. Нам надо уходить. Иди ко мне, милая.

Стою я у открытой дверцы клетки и тоже протягиваю руки вперед. Но она не идет ко мне.

— Я не могу уйти. Я здесь не одна.

— Кто с тобой?

— Мой домовый. Он прикован.

Я стал шарить внутри клетки, нащупал цепь, потянул — а она к решетке прикреплена.

— Сейчас, милье. Сейчас. С этим мы быстро.

Достаю тесак и рублю прут. Ржавая рухлядь легко поддается, освобождаю цепь. Перебираю ее и вдруг чувствую, как кто-то вцепляется мне в руку.

— Иди ко мне, родной. Это я, Перна, — тяну его. Он послушно идет. Беру его на руки, а он легкий, как пушинка. Тэя выбирается следом. Я не вижу ее, но она прижимается головой

к моей груди, и я понимаю, как она выросла. Прошло два года с тех пор, как я видел ее в последний раз. Домовой держится за меня так крепко, что у меня даже рука отнимается.

— Осторожно, мой хороший. Ты так меня без руки оставишь.

Он чуть ослабляет хватку, но чувствуется, как ему нужно это ощущение близости к живому.

Йокку прикрывает дверцу клетки. Я пару раз взмахиваю факелом слева направо, давая сигнал нашим на холме, и мы бежим к калитке. В это время гремит пушечный выстрел. Оглядываясь и вижу, как разлетаются разбитые створки ворот, падают балки перекрытий. Огонь поглощает воющих от ужаса разбойников. Понимаю, что Безносый начал свою ночную атаку.

Мы почти подбегаем к калитке, когда Тэя вдруг резко дергает меня за руку и останавливается:

— Мое снаряжение в оружейной. Мне нельзя без него.

— Что делать будем? — спрашивает Йокку.

Я понимаю, что Безносый еще пару раз ударит из своей пушки, его головорезы пойдут в атаку, а доблестные защитники крепости кинутся к южной калитке, чтобы сбежать. Надо уходить. Только я об этом подумал, как раздается очередной пушечный выстрел.

— С оружием Тэя я разберусь, — говорит Йокку. — А вы уходите. Возьмите лодку. Когда мы входили, я приметил весла — стоят справа, у калитки. Поднимайтесь на лодке вверх по течению. Встаньте на этом берегу и спрячьтесь. Я найду вас.

Отдаю Йокку связку с ключами. Он исчезает в темноте. А мы с Тэей бежим к калитке. Выходим. Связанный мужик сидит на своем месте. Похоже, он не очень надеялся, что мы вернемся. Даже обрадовался, когда меня увидел, — закивал, заерзал. Я вытаскиваю кляп, развязываю его и ставлю на ноги. Он поворачивается, чтобы уйти, но я удерживаю его:

— Ты, значит, к жене и детям?

— Да, — говорит.

— Ты вот что, гаденыш. Как своего ребенка увидишь, да на руки его возьмешь, да в глазки его ясные посмотришь, — тут меня вовсе ярость берет, — ты вспомни про эльфийскую девочку, которую в клетке держал.

Тэя дергает меня за руку: не надо, мол. А я не могу остыть. Убил бы его, да Тэя оттянула. Махнул рукой и отпустил. Он и дал стрелача так, что кусты затрещали. «К жене и детям, да к корове своей, — подумал я. — Может, он и не совсем закоренелый бандит. Просто их всех, мужиков этих, приняла новая суровая и несправедливая жизнь, а они покорно согласились с ее ужасными правилами. Не всем дано идти своим путем. Кто-то принимает путь, по которому его ведут».

Садимся мы в лодку. Домовой наконец отпускает меня — и вдруг показывается. Луна светит, и я вижу, как ужасно он выглядит: руки и ноги как веточки, спина сгорблена, как надломленный ствол дерева. Он садится на кормовую скамью, прижимается к борту. Тэю я не вижу, но слышу ее частое дыхание. Вставляю весла в уключины и гребу вдоль берега против течения, как мы с Йокку договорились. Подальше от горящего городища.

Проплыли мы немного. Вижу небольшой пляж под скалой — укромное место, пристать можно. Шум в крепости совсем стих, только в небе всполохи от пожара. Причалили. Мои пассажиры выбирают, а я вытаскиваю лодку на берег и прячу в кустах. Домовой подходит ко мне. Тут я вижу цепь, которой он был прикован к решетке. Держит он ее за свободный конец, как женщина держит край подола, когда переходит ручей. Цепь-то не просто к ноге привязана, а закреплена на расклепанном с двух сторон штыре, и штырь проходит через отверстие в его ноге. Повезло тому вояке, которого я отпустил. Если бы я раньше увидел этот штырь, убил бы гада.

— Больно тебе, Йа? — спрашиваю. А чего тут спрашивать, и без слов все ясно.

Нашел плоский камень и перерубил ножом звено цепи у ноги домового. Вынуть металлический штырь без инструментов не смог, а дергать и беречь рану не стал. Домовой провел своей твердой шершавой рукой по моей щеке:

— Ничего. С этим потом разберемся. Пойду поищу место, где мы сможем спрятаться. Ты пока побудь с Тэей, — и захромал в кусты.

Все это время у меня не было возможности поговорить с девочкой. Я слышал ее дыхание, держал за руку. Иногда она касалась меня, как будто хотела убедиться, что я рядом, что я настоящий, а не сон.

Достаю из мешка походный плед, стелю на землю:

— Садись, милая.

Она тянет меня за руку, усаживает рядом и упирается ладонью мне в щеку, заставляя повернуть голову в сторону:

— Я сейчас появлюсь, Перна. Ты не смотри на меня.

Вспоминаю металлический штырь в ноге домового, и мне становится страшно.

Она чувствует это и успокаивает:

— Не бойся. Со мной все в порядке. Просто моя одежда истрепалась. Висит лохмотьями.

У меня камень с души падает.

— Так это дело поправимое! — Достаю из мешка свою рубаху и протягиваю через плечо.

Она берет. Вскоре слышу ее тихий смех:

— Ну вот, теперь можно и не прятаться.

Оборачиваюсь. В темноте много не разглядишь, но в свете луны вижу заостренные черты ее лица. Рубаха ей до пят, поясом перетянута, а из широких подвернутых рукавов торчат худые руки.

— Ну как?

Девочка и есть девочка: даже в этом нелепом одеянии с чужого плеча хочет выглядеть хорошо.

— Отлично, — отвечаю, но гляжу на ее исхудавшие руки и хрупкие босые ступни, и слезы наворачиваются на глаза.

А она мне:

— Понимаешь, не могу пока вспомнить заклинание для починки одежды.

А я думаю: «Милая, с одеждой мы разберемся. Изладим тебе и костюм, и обувь в лучшем виде». А вслух говорю:

— Это дело поправимое.

Сидит она рядом со мной и лбом к моей руке прижимается, а я пошевелиться боюсь, чтобы не вспугнуть, чтобы не напомнить ей о том, что она пережила.

Вскоре из кустов появляется домовый. Подходит так бесшумно, что мы замечаем его только в тот момент, когда он, вынырнув из темноты, возникает прямо перед нами.

— Я нашел хорошее место. Тут недалеко.

Поднимаемся, собираем вещи и идем за ним. Он приводит нас к небольшой пещерке под вывернутыми корнями сосны. Домовые умеют создавать уют: он разровнял землю и устлал ее лапником. Мы бросаем сверху походный плед — и становится совсем хорошо.

Йокку

Я возвращаюсь к телеге с клеткой в центре лагеря. Не знаю, что делать. Как найти оружейный склад? Перна бы поймал одного из мужиков и заставил сказать, но мне это не под силу. Рассчитывать я могу только на свою смекалку. Оглядываюсь. У разрушенных ворот кипит схватка. Рыжий Эрик кричит на своих солдат, требует держать позицию. «Пока они боятся его больше, чем солдат Безносого, будут слушаться. А как Безносый насядет, так бросятся бежать. Никакими угрозами не удержать».

Тут слышу — пушка выстрелила. Раз. И еще раз. Частокол у ворот рухнул, брешь в укреплении расширилась. Оттуда повалил противник. Защитники, несмотря на проклятия командира, начали отступать. «Сейчас побегут к южной калитке, — думаю. — На что Рыжий надеется?» И тут до меня доходит, что это от жадности. Не хочет бросать награбленное. Борода говорил нам, что у банды и золото, и монеты, и эльфийское оружие есть. Много чего они награбили, добыли своим бесчестным трудом. Рыжий, видно, расстаться со своим добром не хочет.

Тут вижу: Рыжий какого-то мужика подзывает, хватает за шиворот и орет:

— Снимай рубаху!

«Зачем, — думаю, — ему рубаха?» Да и мужик, видно, не понимает, возмущается:

— А что я все время? Чуть что — сразу я.

Рыжий бьет строптивного кулаком в зубы да под ребра. Тот и давай с себя рубаху стягивать. А Рыжий не унимается:

— Привязывай к ружью, скотина! Поднимай повыше да маши почаще. Сейчас замремся. Иначе они нас как тараканов передавят. — Он пинает помощника и толкает вперед, к воротам.

Тот с опаской, пригнувшись, бежит, держа перед собой ружье с привязанной к нему рубахой.

— Сдаемся! — кричит он в черный створ ворот.

Ну и его товарищи тоже кричат:

— Мы сдаемся! Пощадите!

Рыжий сплевывает под ноги:

— Вот племя сопливое. Повоюй с ними... Чуть что — сразу «сдаемся»!

По другую сторону крики и выстрелы стихают. Раздается гнусавый голос:

— Выходи по одному. Сдавай оружие.

Защитники городища тянутся за ворота. Слышен звон сабель и стук ружей, падающих в общую кучу. Когда последний защитник покидает крепость, раздается крик:

— А где Рыжий?

— Так прячется, наверно. Боится, что ты его убьешь!

— Выходи, Рыжий. Не трону.

Но призывы Безносого летят в пустоту. Рыжий пользуется суматохой и рысью бежит в глубь двора. Смотрю — он подходит к бревенчатому сараю без окон. Открывает замок, сдвигает засов и заходит внутрь. Я понимаю, что это и есть склад. Как я сразу не догадался искать строение без окон?

«А сейчас, — думаю, — Рыжий заберет все, что сможет унести, и удерет. И эльфийское оружие прихватит. Оно всегда в цене».

Вскоре в дверях сарая появляется Рыжий. За спиной у него мешок, видно, тяжелый: Рыжий кряхтит и сопит, да под его тяжестью сгибается. Он даже двери склада запирает не стал — сразу побежал тяжелой трусцой к южной калитке.

«Что делать? Идти за ним или проверить склад? — думаю. — Что, если он забрал вещи Тэи?» Потом соображаю, что с тяжелым мешком далеко он не уйдет. Если что — догоню в лесу.

А на складе оружие Тэи может остаться. Решив так, бегу к складу. Хватаю фонарь, висящий у входной двери, и проскальзываю в полуоткрытую дверь.

Оглядываюсь. Стоят ружья, составленные в козлы. Рядом ящики. Откидываю крышку — вижу желтоватый металлический блеск. Золото? Беру в руки несколько небольших цилиндров с заостренным концом и понимаю, что это припасы для ружей. Открываю еще несколько ящиков, но везде только оружие и припасы к нему. В нескольких мешках лежит драконья сбруя. Зачем она им?

Перерыл все — нигде нет эльфийского оружия. Думаю: «Забрал Рыжий с собой все снаряжение Тэи». Надо было бежать за ним сразу, как он вышел со склада.

Уже собираюсь уходить, как вдруг вижу: одна из стен завешана тканью. Откидываю ее — а там колчан висит, рядом еще один. Освещаю их, трогаю: оперение эльфийских стрел ни с чем не спутаешь. Рядом на перевязи висят два коротких эльфийских меча, а чуть в стороне — кольчужка. Точно Тэина, ее размер.

В это время за стеной слышатся голоса. Я хватаю снаряжение Тэи, задуваю фонарь и бросаюсь вон. И вовремя: только я выскакиваю за дверь, как к ней подходят мужики.

— Ну, показывайте ваш золотой запас, — звучит гнусавый голос.

«Безносый», — понимаю я и бегу к южной калитке.

Эрто

Мы ждем сигнала от Перны.

— Ты помнишь Тэю? — спрашивает Кауда. — Твою сестру?

— Нет.

Козлоногий качает головой.

— Твоя младшая сестра. Ты подарил ей манок домового незадолго до того, как мир изменился. Вспомни, Эрто.

Зыбкий сон. Маленькая девочка стоит передо мной. В ее переднике белые морские камушки. Они сыплются к ее ногам. Она чем-то расстроена. Я снимаю цепочку с деревянной трубочкой, надеваю ей на шею и застегиваю маленький замочек. Это Тэя. Моя сестра.

— Тэя.

Лея печально смотрит на меня. Кауда берет мою руку.

— Она недалеко. Скоро ты увидишь ее.

Я не знаю, верить ли этому. Мое настоящее оторвано от прошлого. Оно полно опасностей. Мне остается только положиться на моих новых друзей. Я слушаю и слушаюсь.

Мы видим, как внизу, в крепости, Перна машет факелом. Можно спускаться к реке. Кауда развязывает бородатого мужика и Ваську, подталкивает их в сторону леса.

— Лучше вам, ребята, нам больше не попадаться. Живите мирно. И молитесь своего бога, чтобы в ваш мир вернулась справедливость.

Разбойники уходят, а мы осторожно спускаемся по склону холма. Обходим стороной городище. Там пылает огонь, раздаются крики, выстрелы.

— Новый князь расширяет свои владения, — тихо говорит Кауда.

Мы подходим к реке. Я слышу шум воды. Прибрежные заросли встают перед нами черной стеной. Навстречу выходит Йокку.

— Ну что? — спрашивает Кауда.

— Мы вывели их.

— Их? — удивляется козлоногий.

— Вместе с Тэей был домовый.

Лея присвистывает:

— Домовой? Никогда их не видала.

— Увидишь, может быть. Если он захочет показаться.

Мы спускаемся к берегу. Я сажусь с Леей на бревно. Оно еще теплое после дневного зноя. Козлоногий и лопух подходят к самой воде, о чем-то советуются. Я слышу их голоса, но не могу разобрать, о чем они говорят. Потом Йокку исчезает в темноте, а Кауда возвращается к нам и молча опускается рядом со мной.

Мы сидим на бревне и смотрим на реку. Вода тихо плещет у берега. Справа бесшумно появляется лодка. Кауда и Лея вскакивают. Козлоногий входит в воду и подтягивает лодку к берегу. С лодки спрыгивает Йокку. Следом за ним сходит Перна. Он подает руку девочке в широкой не по размеру рубахе, помогая ей сойти. Потом берет на руки и переносит на берег странное существо.

«Это, наверное, домовый», — думаю я.

Смотрю на Лею. В слабом свете луны я вижу лишь черноту ее полуоткрытого от удивления рта. И тут вдруг в памяти всплывает: «Йа! Домовой!»

Девочка бежит от лодки ко мне. Я встаю ей навстречу, но с трудом узнаю в ней ту, что видел во сне. Та была совсем малышкой, а передо мной подросток. Она подходит, поднимает руки, обхватывает мою голову, пригибает, прижимается лбом к моему лбу и горячо шепчет:

— Эрто! Мой Эрто!

Я хочу ей что-нибудь ответить, но не знаю, что сказать. Она прижимает ладонь к моим губам:

— Молчи! Я знаю! Перна все рассказал мне. Это не страшно. Я помогу тебе, — она поправляется: — Мы с домовым поможем тебе. Ты все вспомнишь. К тебе вернется сила, и ты станешь прежним.

Она гладит меня по щеке твердой ладонью, пригибает мою голову ниже, целует в лоб и обнимает за шею. И я почему-то верю ей. Верю, что она сможет вернуть мне прошлое.

— Тэя, — говорю я.

— Да, я твоя Тэя.

Прихрамывая, подходит домовый и берет меня за руку.

— Йа! — произношу я.

Он молча кивает.

Кауда торопит всех:

— Пора. Переберемся на другой берег. Там безопаснее. Отдохнем. А утром пойдем дальше.

Мы садимся в лодку. Я и Тэя — на корме, домовый — у нее на коленях. Не знаю почему, но мне хочется быть рядом с ними. Тэя берет меня за руку и шепчет:

— Эрто.

— Тэя, — говорю я шепотом и вдруг понимаю, что могу доверять ей. Что она действительно моя сестра. Что были когда-то в моей жизни и домовый, и козлоногие, и Йокку. И Лея. Что было у меня прошлое. Надо только вспомнить его.

Я смотрю на Лею и Йокку. Они сидят на носовой скамье лодки и о чем-то тихо шепчутся. Перна и Кауда гребут, бесшумно погружая весла в воду. Мы плывем по лунной дорожке, протянувшейся к противоположному берегу.

Потом идем по лесной тропе. Йокку реже углубляется в лес и больше времени проводит рядом со мной. Вероятно, потому что опасность позади. Я молчу. В моем сердце нет страха. Но в нем нет и других чувств.

Йокку вздыхает и говорит:

— Когда-то ты помог мне пройти через Заколдованный лес. Я расскажу тебе все, и ты вспомнишь.

Он поворачивается к Перне и говорит:

— Можно заночевать. Завтра к полудню доберемся до места.

Перна и Кауда оборудуют лагерь. Йокку помогает им. Я сижу, прислонившись спиной к сосне, и неотрывно смотрю на сестру. Мне кажется, что, если я хотя бы на мгновение отведу от нее глаза, она исчезнет, как и все мои сны.

Тэя сидит у моих ног. Домовой лежит перед ней, а она с помощью заклинания пытается вынуть металлический штырь из его ноги.

— Потерпи, мой хороший. Наверное, я что-то напутала или забыла какое-то важное слово.

Она протягивает раскрытые ладони к ране и снова шепчет заклинание. Но штырь крепко врос в ногу домового и не выходит.

— О, святые эльфы. Помогите мне вспомнить.

Тэя закрывает глаза и снова шепчет. Но сколько она ни бьется, ничего не выходит. Девочка в отчаянии смотрит на меня:

— Что я делаю не так? — В ее глазах стоят слезы.

Я молчу. Чем я могу помочь? В моей памяти нет и намека на то, о чем просит сестра. Тэя понимает. Подходит ближе, опускается на колени рядом, берет в ладони мою правую руку и прижимает ко лбу.

Йокку кладет в костер два полешка так, что между ними получается неширокая щель, заполненная углями, а сверху поперек — еще два. Огонь лижет их и шумит в образовавшемся колодце. Я засыпаю.

Колодец

На следующий день к полудню мы поднимаемся на холм, откуда открывается вид на морской залив. Вдалеке, на утесе, видна полуразрушенная башня. В моей памяти всплывает: «маяк Туорго», но я не могу вспомнить, что значит это название.

Мы идем дальше, проходим мимо двух сросшихся сосен. Лопоух сворачивает на едва заметную тропинку и углубляется в лес. Тропа петляет между деревьями и выводит нас на поляну с большим плоским камнем. Йокку останавливается около него:

— Мы на месте. К вечеру появится колодец.

Место не выглядит ни магическим, ни хотя бы сколько-нибудь таинственным. Обычная лесная поляна, заросшая разнотравьем и окруженная сосновым лесом. Земля под деревьями усыпана хвоей. Я ложусь под сосной на теплую хвою, и домовый заботливо подкладывает мне под голову мешок, набитый сухой травой.

— Это здесь? — удивленно спрашивает Лея, оглядываясь. — Я слышала рассказы о колодцах. Не очень-то верила в них. Трудно верить рассказам орков и сплетням людей. Чего только не болтали. И о гигантских пауках, и о шахтах с сокровищами, и о страшном звере, способном превращаться в песчаный смерч.

— Да. К вечеру появится колодец, — повторяет Йокку. — Дождемся ночи и спустимся. А пока отдыхайте. Будет нелегко.

— Скажи хоть, что там? — спрашивает Лея.

— Южные земли. Мы все оттуда, — отвечает Йокку.

— А правда, что там все по-другому? Нет насилия и можно быть свободным и счастливым?

— Так было, когда страной правили эльфы. Если они вернутся, мы снова сможем стать свободными и счастливыми.

— А ты не боишься, что я явлюсь туда и все испорчу? Ведь я человек. Я и сама не знаю, на что способна.

— Отдохни, крошка, — смеется Кауда. — Ничего ты испортить не сможешь. Я сейчас приготовлю обед, и жизнь покажется тебе прекрасной.

Лея раздраженно фыркает, но устраивается рядом со мной. К нам подходит Тэя.

— Ты помнишь, как оказалась здесь? — спрашивает ее Лея.

— Конечно, — отвечает Тэя. — Мы с домовым пришли сюда из Южных земель, чтобы спасти Эрто.

— Спасти? — удивляется Лея. — В результате пришлось спасать вас.

— Я не рассчитала. Думала, что, если буду невидимой, смогу избежать опасности. Вначале так и было. Но Рыжий Эрик сумел выследить и обмануть меня. Ужасно глупо получилось.

— А я не помню, как оказалась здесь, — говорит Лея.

— Я видела, как ты ушла.

— О, святые эльфы.

— Да. Я видела вас с Дельфирой в черном куполе. Она пыталась защитить и тебя, и... — Тэя запинаясь, — передала тебе свою силу. Правда, это не помогло. Тебя все равно забрали.

— А эльфы?

— Эльфы ушли вслед за людьми. Зов купола сильнее магии.

— А как же ты?

— Эрто позаботился обо мне. Он попросил домового защитить меня. Он и сам мог остаться. На него не действовал зов купола. Но он не смог оставить свой народ и ушел следом за эльфами и людьми.

— Значит, Эрто точно эльф?

— Конечно. Он мой брат и эльф.

— Жаль, что он ничего не может вспомнить.

— Он вспомнит. Домовой знает, как вернуть ему память.

— Если к Эрто вернется память, может, он и меня вспомнит, — говорит Лея и улыбается.

Потом с тревогой спрашивает: — Как ты думаешь, как он отнесется ко мне, когда память вернется?

— Странно, что ты об этом спрашиваешь.

— Почему?

— Эрто был влюблен в тебя.

— Не может быть.

— Еще как может. Правда, родители и бабушка были против. Но ты не знаешь, какой он упрямый. Он виду не подавал. Но я-то знала.

— Как ты могла знать? Ведь ты была ребенком.

— Именно потому, что я была ребенком, он не пытался скрыть от меня свои чувства.

Думал, что я ничего не понимаю. Но я-то видела.

Лея поворачивается к Йокку:

— Ты тоже знал?

— Да.

— Знал и ничего не сказал мне?

— Этот мир изменил людей. Я не был уверен, что тебе следует знать. Теперь все это в прошлом. Когда к Эрто вернется память, он решит, как поступить.

— Что значит «решит»? Ты рассуждаешь так, будто меня не существует и моя жизнь ничего не значит.

— Прости. Но все это в прошлом. Теперь ты знаешь, и вы сможете разобраться в ваших отношениях.

Лея берет мою руку и смотрит в глаза:

— Ты должен все вспомнить. От этого зависит твоя и моя жизнь.

Я молчу. Все это слишком сложно для меня.

После обеда я вижу, что Тэя о чем-то шепчется с домовым. Потом они возвращаются вместе.

— Йа говорит, что мы сможем вернуть тебе память, — говорит она. — Важно убрать из твоего сознания то, что мешает тебе стать собой. Все твои друзья, все, кто знал и помнил тебя, будут рядом. И Лея, и лопоух, и козлоногие. Просто закрой глаза и постарайся уснуть. Домовой немного поколдует.

Маяк

Горячий ветер бьет в лицо. Песок скрипит на зубах. Тэя поднимает голову. Впереди, всюду, куда падает взгляд, встают песчаные холмы. Ни строений, ни живой души вокруг. Только вдалеке, у самого горизонта, на вершине холма возвышается маяк. Из песка торчит его верхняя часть со стеклянным фонарем. «Если здесь есть маяк, значит, должно быть и море», — думает Тэя.

Она поворачивает голову. Домовой рядом. Он бос. Из снаряжения — только стеганая безрукавка, подпоясанная ремнем, да широкие короткие холщовые штаны. На поясе нож. На голове — легкомысленная кепка, надетая козырьком назад. За спиной котомка. Все снаряжение домового больше подходит для мирного пикника, чем для сражения. Тэя знает, что из своего мешка запасливый домовый может достать все, что нужно на привале: трут с огнивом, небольшой бурдюк с водой, посуду и специи. Она всегда удивлялась, как все это помещается в небольшом мешке. Такое снаряжение не защитит домового ни от стрел, ни от меча. Но Тэя знает, что главная защита домовых не в броне, а в молниеносной реакции и способности мгновенно исчезать из поля зрения противника.

Она смотрит на правую ногу домового, ожидая увидеть металлический штырь, но его нет. Домовой ловит ее взгляд. Нет времени на разговоры. Тэя чувствует легкую тяжесть эльфийской кольчуги на плечах, касается рукоятки короткого меча на поясе, поправляет лук и колчан. «Мы в мире Эрто. Здесь все не так, как было мгновение назад в том, другом, изуродованном злобой мире. Но и не так, как было в нашем прежнем мире.»

Домовой молча указывает ей на маяк, ободряюще улыбается и направляется вперед. Тэя идет за ним. Домовой ускоряет шаг и переходит на бег. Тэя старается не отставать. Но бежать нелегко. Песок осыпается, ноги скользят. Даже через кожу сапога Тэя чувствует жар. Она с удивлением смотрит на голые пятки домового, мелькающие впереди. «Как он выдерживает?» Домовой, будто услышав мысли девочки, останавливается, оборачивается к ней и говорит:

— Старайся ставить ногу на всю подошву и сразу отрывай. Уже скоро.

Тэя смотрит на маяк впереди. До него остается еще один длинный спуск с песчаного холма и такой же длинный подъем.

Когда они добираются до цели, солнце уже садится. Вблизи маяк кажется огромным. Его стеклянный фонарь на каменном основании возвышается над песком. Когда-то башня поднимала лампу маяка высоко над землей, но теперь почти полностью скрыта под песком. Небольшое круглое отверстие в стене под фонарем темнеет на уровне песка. Домовой заглядывает в него.

— Это окно. Башню почти засыпало, но внутри достаточно места.

Домовой вынимает из мешка небольшой топорик и выбивает крестообразный переплет круглого окна. Они влезают внутрь и осматриваются. Сумрачно. Свет проникает через люк в потолке. К нему ведет лестница.

— Там маячный фонарь, — говорит домовый.

Они поднимаются в маячную комнату, где смотритель дежурил по ночам, следя за работой светильника и зеркал. В нишах валяется брошенная утварь: старый фонарь без свечи, медный чайник, котелок, сломанный багор и прочий хлам, оставленный хозяевами при бегстве. На столе лежат незнакомые Тэе приборы. Все покрыто слоем песка и затянуто паутиной.

Поднявшись в купол, они останавливаются, пораженные открывшимся видом. Пустыня распаивает перед ними свои бескрайние просторы.

— Где мы? — спрашивает Тэя.

— Это маяк. Эрто любил бывать здесь в гостях у Перны. Тот рассказывал ему о своих странствиях. На каменном крыльце у входа Эрто впервые понял, что любит.

— Лею?

— Да. Этот маяк, каменные стены, старые заброшенные вещи — все это он видел когда-то. То, что осталось в его памяти.

— Но почему здесь так много песка?

— Это песок забвения. Если бы мы могли убрать его, то увидели бы мир глазами Эрто.

— Как же мы сможем это сделать? Ведь пустыня тянется до горизонта.

— Память Эрто сама справится. Надо только помочь ей. Скоро ночь. Мы должны зажечь светильник на маяке. Световой сигнал помогал мореплавателям и кошачьим драконам находить дорогу домой. Свет маяка в ночи так же силен, как магическое заклинание эльфа. За время его работы миллионы существ обращали к нему взоры с мольбой и надеждой. Эта невидимая энергия накопилась, и теперь мы дадим ей свободу.

Солнце садится, и пустыня быстро погружается во мрак. Кажется, что тьма опускается, чтобы накрыть собой мир. Домовой проверяет уровень спирта в емкостях — они полны. Когда-то, в другой, прошлой жизни, Перна позаботился о том, чтобы маяк мог светить долгие ночи. Йа открывает кран и зажигает горелку. Пары спирта горят, нагревая калильную сетку. Та раскаляется до белого свечения. Домовой регулирует отражатель и линзу. Ярко-белый луч прорезает тьму. Йа включает часовой механизм. Зеркала и линза приходят в движение. Луч маяка скользит по дальним холмам. Там, куда он падает, песок вздымается. Мощные порывы ветра уносят его прочь.

Встает полная луна. В ее свете Тэя видит, как исчезает песок. Башня маяка и маячная скала с небольшим галечным пляжем освобождаются от песчаного плена. Луна освещает окружающие холмы. Обнажается морское дно, и Тэя понимает, что наступил отлив. С высоты башни она видит мелкого лесного тролля. Кривой вышел на ночную прогулку в поисках сокровищ моря. Свет его фонарика скользит по влажному отливному дну.

Тэя слышит голос домового:

— Он вспомнил. Пора возвращаться.

По расшатанным ступеням маячной башни, через распахнутые двери, мимо сидящего на ступенях козлоногого они выбегают на мощный двор. Серебристая пыльная дорога уходит от маяка по пологому склону холма вверх и вправо, за вершину.

Выздоровление

Я открываю глаза. Передо мной — молодая рыжеволосая женщина.

— Лея, — говорю я.

Она охает и опускается на колени:

— Ты знаешь, кто я?

— Да. Ты моя Лея.

— Твоя Лея?

Она оглядывается на стоящих вокруг:

— Вы слышали?

Я вижу козлоногих. Это Перна и Кауда, рядом с ними Йокку. Поворачиваю голову, вижу Тэю с домовым Йа и вспоминаю, что должен сделать в первую очередь.

— Иди ко мне, милый, — зову я домового.

Он подходит, и я произношу заклинание. Металлический штырь выходит из его ноги. Домовой морщится от боли, но я знаю, что рана скоро затянется. Сестра обнимает меня:

— Ты вспомнил.

— Да. Я вспомнил. А вот тебе придется повторить урок.

Я обращаюсь к Лее:

— Моя сумка у тебя.

Лея снимает сумку и протягивает мне. Я достаю книжку с заклинаниями и передаю сестре.

Я вспоминаю битву на поляне у камня все소жжения и все, что ей предшествовало. Помню, как прыгнул в колодец, куда исчезли люди и эльфы. Я хотел вернуть их. Но что было потом? Смотрю на своих друзей. Лея и Тэя повзрослели. Где я был все это время? Неужели в клинике, где меня пытались лишить памяти? А где я сейчас?

— Где мы? Что со мной было?

Йокку и Перна переглядываются, и лопоух говорит:

— Ну что же, пришло время рассказать обо всем.

Он рассказывает то, во что трудно поверить, но я верю: как они с домовым и Тэей пришли в этот мир из Южных земель, чтобы найти меня.

— Мы искали тебя и нашли. Теперь можем вернуться в Южные земли, — говорит лопоух.

— Я должен освободить эльфов.

— В этом мире больше нет эльфов.

— Они в резервации, — возражает Лея.

— Резервации не существует, — отвечает лопоух. — Я нашел место, куда свозили размагниченных эльфов. Это поляна, окруженная колючей проволокой. В центре — цилиндр, но эльфов там нет. Их привозили туда, чтобы отправить в другой мир. Я пытался туда попасть, вводил пароль на цилиндре, но он не сработал. Нам надо вернуться в Южные земли. Я должен объяснить вам, как все будет. Переход между мирами неприятен. Вы увидите стража. Он выглядит страшным и кажется воплощением зла, но причин бояться его нет. Он лишь выполняет заложенную в него функцию: производит эвакуацию. Мы знаем код, который позволяет переместиться отсюда в Южные земли.

Мы подходим к цилиндру. Йа нажимает кнопки на панели. Звучат колокольчики. Стенки цилиндра раздвигаются. Я вижу в освещенном пространстве паука. Оборачиваюсь к друзьям. Домовой говорит мне:

— Встретимся в Южных землях.

Я шагаю вперед. Двери за мной закрываются.

Южные земли. Кривой

С тех пор как Эрто вернулся в Южные земли из другого мира, прошло два года. Он вернулся со своими друзьями из страшного мира Хтонь, но никто из них не называл тот мир по имени. Они верили: имя, как заклинание, может изменить реальность. И лучше лишний раз не произносить имя зла. Когда нужно было вспомнить прошлое, о котором вспоминать не хотелось, они говорили: «другой мир».

Мелкий лесной тролль Кривой был не совсем обычным представителем сварливого и вечно ссорящегося племени. Он был коллекционером, собирателем древних сокровищ. Жилище его, заставленное ящиками и полками, больше напоминало музейное хранилище, чем тролличью нору.

Сама королева Туола, бабушка нынешнего правителя эльфов Эрто, когда-то приходила к нему, чтобы выбрать подарки близким. Правда, было это задолго до того, как наступил Исход.

Прозвище свое Кривой получил из-за шрама, уродовавшего и без того не слишком симпатичную морду. Серая шерсть висела на нем клочьями, но, несмотря на невзрачную внешность, он обладал редким для тролля качеством. В его неказистом теле билось сердце романтика. Тайны моря манили его, толкали на поступки, которых окружающие не понимали.

Кривой любил морские отливы. Море приносило к берегу бухты разнообразный сор. Отливы обнажали дно. В темных нишах, промытых водой, можно было найти много необычного, способного разбудить даже самое холодное воображение.

За свою долгую жизнь Кривой протоптал немало тропинок по илистому дну, двигаясь вслед за уходящей водой. Нашел немало удивительного — от медной кухонной посуды до украшений и таинственных приборов. Свои находки он страстно любил.

Темными ненастными ночами, когда ветер выл в трубах и стучал ставнями, Кривой сидел за столом и рассматривал свою коллекцию. Представлял прекрасных дев, зачарованно следящих за убегающей пенной волной. Мысленно видел, как опускают они гибкие руки в морскую воду, как струящийся поток бережно снимает с их тонких запястий браслеты со сверкающими рубинами и едва заметными в зеленоватой воде изумрудами.

Ему нравились потускневшие, покрытые солью звенья цепей и вспыхивающие в сиянии полной луны грани самоцветов. Он думал, что те, кто носил эти украшения, давно лежат на дне моря. Их плоть растворилась в крови морских животных и плазме микроскопических обитателей глубин. Их кости покрылись налетом и превратились в отложения.

Пройдут миллионы лет, в глубинах морского дна произойдут сдвиги, и оно поднимется над водной гладью. Кости несчастных вознесутся в заоблачные выси, станут частью гор и утесов.

А пока украшения, освобожденные от удерживающей их плоти, появлялись во время отливов на морском дне, как призраки глубин. Это ощущение — что он жив, а смерть мерной поступью идет мимо, — наполняло сердце тролля тихой радостью.

В ту ночь, накануне летнего солнцестояния, мелкий лесной тролль Кривой отправился на прогулку. Было время больших отливов. Два раза в сутки, ночью и днем, море отступало на сотни метров от береговой линии, обнажая дно. Большие отливы редки. Упустить такой шанс — дураком быть.

Кривой заранее спланировал маршрут: от скалы с маяком на юге до утеса, выступающего в море на севере. Он представлял, как пройдет по морскому дну одному ему известной тропой среди облепленных травой камней, как будет заглядывать в расщелины и поднимать палкой водоросли. Мечтал увидеть в одной из темных каменных ниш чуть заметный блеск металла или мерцающий отсвет драгоценного камня.

Днем он редко ходил на отмель — не любил суеты. В это время туда собирались все, кому не лень. Другое дело — ночь. Спокойно и хорошо. В полнолуние отмель видна как на ладони. Все спят и не ведают, сколько чудных мгновений и открытий может подарить прогулка по морскому дну под луной.

Вот и в эту ночь Кривой отправился вниз по крутой извилистой тропинке. Она петляла по каменистому склону среди зарослей колючего синеголовника и пахучего тимьяна и выводила к узкой полоске пляжа под маяком.

В беспокойную погоду пляж исчезал под пеной волн, набегавших на маячную скалу. Зато в тихие дни здесь устраивали пикники. Во влажных пещерах под скалой можно было укрыться от палящего солнца, а мелкая галька звала окунуться в морскую прохладу.

Когда Кривой спустился к пляжу, отлив уже начался. Прибой шумел в сотне метров от берега. С каждым ударом волн дно обнажалось все шире. Вода, не успевшая уйти, струилась между камней, будто пыталась догнать отступающее море.

Кривой включил фонарик и пошел по обнаженной отмели, держась одному ему известным приметам. Эти камни и расщелины он знал наизусть: помнил, где удача уже подбрасывала ему находки, знал, как лучше обойти большой валун или длинную трещину.

Он шел медленно, освещая разломы в камнях и отодвигая палкой морскую траву. Тут и там вспыхивали огоньки. При лунном свете и в желтом пятне фонарика блеснула вода. Но эти обманчивые сигналы его не сбивали. Кривой знал: если в неверном свете блеснет то, чему суждено быть найденным, зрение и опыт его не подведут.

Но морское дно было пустынным. Это немного удивило тролля. Обычно после отлива жизнь здесь не замирала: в мелких озерцах оставалась рыбка, не успевшая уйти в море, между камнями сновали крабы. А в эту ночь дно было пустым, почти мертвым.

Кривой вспомнил, что рыбаки уже несколько дней возвращались без улова. Но это его не смутило. Он продолжил путь. Фонарик выхватывал из темных ниш обычный морской сор, а Кривой знал: где-то под слоем мусора, скрытые от любопытных глаз, лежат сокровища. Нужна лишь капля удачи, чтобы краем глаза уловить слабый блеск золота или различить в тине зеленоватый оттенок меди.

На втором часу прогулки он обошел крупный валун, направил луч фонарика вперед, в морскую даль, — и замер.

Лунная дорожка зыбко тянулась по неровному дну: по лужицам, мокрым камням и морской траве. От далекой луны — прямо к нему. А впереди, посреди этой дорожки, сверкали огоньки.

Золото Кривой узнавал всегда. Эти пятнышки не могли быть ничем иным. Их было немного, но и это уже было настоящей удачей.

Кривой сглотнул и оглянулся. Никого. Он один стоял перед сокровищами, которые море решило подарить счастливцу.

Он бросился к первому огоньку и опустился рядом на колени. В мягкой липкой тине лежала маленькая золотая капелька с петелькой на узком конце. Кривой поднял ее и попробовал на зуб. Настоящее золото. Впрочем, он и так знал. Много лет он перебирал свои богатства и мог отличить золото с закрытыми глазами — по приятной тяжести и по тому, как оно принимало тепло лап.

Кривой промыл украшение в маленькой каменной лоханке. Полюбовался формой и изяществом. Эту вещицу сделал настоящий мастер. Петелька на узком конце капельки предназначалась для крепления к ожерелью или браслету. Но времени рассматривать находку не было. Кривой сунул ее за щеку и пошел дальше, к манящим золотым огонькам. Потом снова опустился на колени и пополз, лихорадочно собирая добычу.

В какой-то момент он остановился. Страшная мысль пришла ему в голову: а вдруг это сон? Не может же быть такого счастья наяву.

Много раз Кривой видел один и тот же сон: будто нашел на морском дне золотые монеты. Во сне он переходил от одной монеты к другой, а цепочка золотых огоньков убегала к самому горизонту. И каждый раз что-то мешало ему взять находку. Монеты выскальзывали из лап, закатывались в расщелины, и их уже невозможно было нащупать.

Троль ущипнул себя за мохнатый живот, почувствовал боль и успокоился. Все происходило наяву. Но тут в возбужденное сознание ударила мысль пострашнее первой: если он не соберет все сейчас, то завтра днем, во второй отлив, сюда явятся остальные. Все эти бездельники, не знающие цены тому, что дарит море.

Кривой шмыгнул носом и бросился собирать золотые капельки еще быстрее.

Он видел впереди еще несколько огоньков. Они поблескивали и манили его. Улов был отменный, но пора было возвращаться на берег: начинался прилив. Кривой уже слышал шум возвращающегося моря. Остаться здесь с золотом, когда приливная волна побежит к берегу, значило умереть глупой смертью. Но и оставить находку он не мог.

Мог ли он знать, что эти золотые капельки окажутся последним, что он увидит в жизни? Чувствовал ли, отправляясь на ночную прогулку по морскому дну, что следует быть осторожнее? Никто теперь не узнает.

Когда Кривой протянул лапу, чтобы поднять очередную добычу, что-то скользнуло по мокрому дну, поднялось за его спиной и коснулось шеи липким поцелуем. От этого поцелуя сердце старого тролля остановилось.

Утром Кривого обнаружил его сородич, мелкий лесной троль Грыжа. Отлив к тому времени сменился приливом, небо затянуло тучами, пошел мелкий морозящий дождь. Кривой с раскинутыми лапами плавал мордой вниз в прибойной пене — словно в последний раз обнимал море или что-то искал под водой, на дне пляжа, усыпанного мелкими камешками и обломками ракушек.

Тэя

В первый день лета юная эльфийская принцесса Тэя сидит у окна в своей комнате. По стеклу струится вода. Дождь начался утром и теперь идет неторопливо, как опытный путник, у которого впереди долгая дорога — с привалами, переходами и далекой целью.

Тэя думает: «Этот дождь хочет смыть с земли все краски, чтобы вокруг стало серо и скучно». Она смотрит в небо, похожее на клочковатую нечесаную шерсть мелкого лесного тролля.

Девочке чудится, будто тролль карабкается по невидимой лестнице к солнцу, хватает его цепкими коготками, перебрасывает с лапки на лапку, дует, как на горячую печеную картошку, только что вынутую из костра. Потом широко раскрывает пасть — и все. Теперь бедное солнце у тролля в животе, и оттого весь мир стал печальным и скучным.

«Вот бы Эрто достроил свою летательную машину. Он поднялся бы в небо и задал трепку противному троллю. Или вернулись бы родители, и тогда дождь перестал бы быть нудным и противным, а наоборот, сделал бы весь дом уютным», — мечтает Тэя.

Иногда Тэя вспоминает, как сидела на ступеньках крыльца между родителями и слушала мамину песню.

Трудна тропа вдоль речки быстрой,
Привал — награда.
Глоток воды холодной, чистой
Приятно сладок.

Глоток воды, пригоршня ягод,
Искры взгляда.
Пусть рюкзаки на плечи лягут —
Грустить не надо.

Луна пройдет по-над долиной,

Как по обряду.
Мы сядем вместе, друг любимый,
С тобою рядом.

Осенний ветер, дворник бойкий,
Пройдет по саду.
Я буду вечно, друг мой стойкий,
С тобою рядом.

Зима придет с метелью снежной —
Белы наряды.
Я буду вечно, друг мой нежный,
С тобою рядом.

Весна наступит, даст нам силы,
Душе — отраду.
Я буду вечно, друг мой милый,
С тобою рядом.

Но папы Туорго, мамы Неи и бабушки Туолы нет, а Эрто занят в мастерской. У него много работы. С тех пор как они вернулись из другого мира, Эрто старается наладить жизнь тех, кто остался в Южных землях. Эльфы ушли, и их магия больше не может помочь. Эрто хочет построить машины, которые заменят магию.

Тэя тоже помогает брату. Каждый вечер она садится на Арроджадо и отправляется в дозор. Они поднимаются в небо и облетают границы владений Эрто. Нужно следить, чтобы дикие драконы из горных областей не крали скот у местных жителей. Людей осталось немного. Эрто собрал всех, кто уцелел после Исхода. Теперь он заботится о них и надеется, что в окрестных деревнях снова наладится жизнь.

Еще Тэя с Арроджадо проверяют колодцы. Так называют цилиндры, из которых когда-то выросли черные купола. Арроджадо останавливается у каждого колодца, а Тэя прислушивается: не исходит ли из глубины беззвучный голос.

Сейчас за окном дождь, и до вечера далеко. Тэя проверяет снаряжение. Короткий эльфийский меч должен быть острым, как бритва, стрелы в колчане — гибкими и прочными, опечение — сухим и ровным. Если что-то не так, она может воспользоваться заклинанием, а может сходить к козлоному Перне. Он всегда рад помочь Тэе. А еще можно поговорить с Йокку. Он заботился о ней, когда брат ушел в другой мир, а потом сам отправился туда и отыскал Эрто.

Тэя трогает легкую цепочку на шее. На ней висит тоненькая деревянная трубочка — манок домового Йа. Стоит подуть в него, и домовый прибежит, где бы ни находился. Но нельзя звать домового по пустякам. Тэя вздыхает и снова смотрит в окно. Вдруг Йа пробежит по двору, и она увидит его — или хотя бы следы на мокрой траве.

Девочка долго смотрит на дорожку перед домом, на лужи, покрытые кружочками от падающих капель, на мокрые нахохлившиеся деревья, которые качаются под порывами ветра. Видит, как по луже бежит рябь. «Может, это домовый шлепает босыми ногами по воде».

И тут она слышит, как хлопает входная дверь.

В предчувствии чего-то необычного Тэя бежит вниз, в гостиную. Там она видит домового. Он снимает паутиный плед и осторожно встряхивает его.

— Привет, Йа! — Тэя садится на колени перед домовым.

— Привет, милая! — Домовой берет ее правую руку лапками, поворачивает ладонью вверх, склоняется и мотает головой, касаясь кожи зелеными ростками усов.

— Щекотно! — Тэя хихикает и отдергивает руку.

Домовой улыбается и спрашивает:

— Эрто у себя? Поговорить надо.

— Позвать его?

— Сбегай, скажи, что я пришел. — Домовой делает паузу. — Нехорошие дела у нас творятся.

Тэя поднимается и бросается вверх по лестнице, в кабинет брата. Домовой смотрит, как она перепрыгивает через ступеньки, и кричит вслед:

— Пусть и Лею с козлоногими пригласит.

Тэя, не оглядываясь, машет рукой: «Хорошо» — и бежит дальше. Предчувствие тайны заставляет ее сердце биться чаще.

С тех пор как два года назад Эрто с друзьями вернулись из другого мира, козлоногие Кауда и Перна вошли в его ближний круг. О Лее и говорить не приходится. Сразу после возвращения они с Эрто объявили о помолвке, а еще через месяц сыграли свадьбу.

Сначала Тэя немного ревновала брата. Но в Лее было что-то от Дельфиры. Когда Лея обнимала Тэю, девочке казалось, будто Дельфира рядом. И это помогло ей забыть о ревности.

Лея организовала во флигеле пункт медицинской помощи. Все обитатели Южных земель знали: Лея поможет и с вывихом, и с переломом, и с любой другой хворью. Тэя любила помогать ей в дни приемов.

Эрто с достоинством нес тяжелую ношу ответственности. В Южных землях не осталось эльфов, но мелкие лесные тролли, дикие драконы, ночные плаксы, немногочисленные семьи людей и еще множество разных народов и народцев нашли у него защиту. Все они нуждались в справедливом управлении. Ведь и между хорошими соседями случаются ссоры. А бывает и так, что приходит зло. И тогда нужна не только мудрость, но и мужество.

Эрто вместе с Тэей выходит из кабинета.

— Здравствуй, Йа!

Домовой взбирается по лестнице.

— Приветствую тебя, Эрто. Поговорить надо.

— Пройдем в кабинет. — Эрто распахивает дверь, пропуская домового вперед.

— Я позову всех? — спрашивает Тэя.

— Конечно, милая.

Девочка убегает. Эрто обращается к домовому:

— Что-то случилось?

Тот не тянет:

— Кто-то убил Кривого. Ты, наверное, помнишь мелкого лесного тролля, который собирал всякий хлам.

Весть

Я вспоминаю маленького сварливого уродца со шрамом поперек морды и молчу. Плохие новости лучше выслушать всем вместе.

Вскоре за дверью раздаются голоса. В комнату вбегает Тэя, а следом за ней — братья-козлоногие и Лея. Звучат приветствия. Домового здесь все любят.

Я приглашаю всех сесть. Йа располагается в центре стола. Я думаю, что во время разных совещаний видел домового на этом месте уже десятки раз и пора бы завести для него специальный приставной столик с возвышением для выступлений.

— Ну что же, Йа. Выкладывай все по порядку.

— Сегодня утром на берегу маячной бухты тролли нашли одного из своих мертвым. Это был Кривой. Все знали, что он часто бродит по отмели во время ночных отливов. Вот и решили: беднягу захлестнула приливная волна.

Пошумели и отнесли его туда, где обычно устраивают погребальный костер. Вы знаете это место: холм к югу от замка. Положили Кривого на камень всесожжения, посадили рядом шамана-слухача — слушать беззвучный голос умершего. Порядок у них такой. Если беззвучного голоса не слышно, значит, пора разводить погребальный костер.

Уж не знаю, что можно услышать от мертвого тролля. Только на этот раз слухач вдруг объявил, что слышит чужие голоса. Может, и услышал что-то, а может, просто решил тень на плетень навести, цену себе набить. Не знаю. Но только позвали они меня. А я нашел у Кривого в защечных мешках вот это. — Домовой достает из поясной сумки шесть золотых подвесок в форме капельки.

Я осматриваю украшения. На мгновение мне кажется, что я уже где-то видел их. Передаю подвески Перне. Козлоногий катает капельки на ладони и пристально смотрит на меня.

— Что-то не так?

— Да, — отвечает Перна. — Помнишь фигурку кошачьего дракона, которую королева Туола приносила к нам в мастерскую? Просила привести ее в порядок, очистить от налета и отложений.

— Конечно. Она купила ее у Кривого, чтобы подарить нашим родителям.

— Можешь принести ее сюда?

Он смотрит на Тэю. Ей не нужно ничего объяснять.

— Я мигом! — кричит она, выбегая из кабинета.

Вскоре Тэя возвращается и ставит рядом с Йа бронзовую статуэтку ростом с домового. Я смотрю на нее и понимаю, что так взволновало козлоногого.

Передо мной фигурка предводительницы кошачьих драконов — та самая скульптура, которую Туола много лет назад купила у Кривого и подарила нашим родителям, еще до Исхода. Только теперь я понимаю, почему мне показалось, будто я уже видел золотые капельки-подвески. На правой лапе воительницы мастер изобразил браслет, украшенный шестью подвесками в форме капли.

— Это Эн, предводительница кошачьих драконов! — восклицает Тэя. — Мама рассказывала мне про нее много-много раз. Я все хорошо запомнила. Видите, у нее на шее массивная цепь с головой рыбы. Это символ царской власти у кошачьих. Но главное — браслет с подвесками. Такой был только у Эн. Его сделали папа и мама. Папа отлил шесть золотых капелек из старой монеты, а мама сплела ремешок. Это был их подарок Эн ко дню свадьбы с Паном.

Она смотрит на меня:

— Я точно знаю. Мама много раз рассказывала мне эту историю.

— Верно, милая. Я и сам вспомнил.

Все задумываются. Перна нарушает молчание:

— До Исхода кошачьи драконы прилетали к нам каждый год. Но с тех пор как мы вернулись из другого мира, мы больше их не видели. Скорее всего, купол позвал и их.

Кошачьи ушли. И с неясной тоской я думаю о том, что родители тоже ушли. Возможно, я больше никогда их не увижу.

Йа продолжает:

— Есть еще кое-что. Я осмотрел тело Кривого. На шее, чуть ниже затылочной кости, довольно большая проплешина. Будто кто-то аккуратно выбрил шерсть — и стала видна розовая кожа. А на ней — четыре странные раны. Похожие на укусы. Я никогда таких не видел. И вот что еще: в легких тролля не было воды.

Он смотрит на нас и добавляет:

— Кривой не утонул. Его убили.

Потом обращается ко мне:

— Хорошо бы сделать вскрытие. Я договорился с предводителем троллей, Тумбой. Они так напуганы, что готовы нарушить свои правила и разрешить нам осмотреть тело. Сегодня. Потом Кривого сожгут. Их шаман ворчит, но спорить с Тумбой не станет. А Тумбе я объяснил: или мы узнаем что-то, что поможет всем, или они сожгут Кривого, и тогда мы уже ничего не узнаем. В общем, Тумба согласен. Требуется только твое разрешение, Эрто.

— Я согласен, но сделаем это не в замке, — говорю я. — Лея, ты сможешь провести вскрытие в полевых условиях?

— Думаю, да, — отвечает она и смотрит на Перну.

— Соберем инструменты и перевезем их на Арроджадо к камню всесожжения, — отвечает тот на немой вопрос.

— Хорошо.

Я задумываюсь. Странная смерть Кривого. Подвески с браслета Эн. Слухач, скорее всего, не обманывает. Вероятно, он и правда что-то слышит. Неизвестность таит опасность. Я отвечаю за свой народ и должен принять решение.

— Готовьте инструменты для вскрытия. Через час выступаем.

Зверь

Мы с Перной, Тэей и домовым выходим на поляну всесожжения. Старый дракон Арроджадо греется в отдалении на солнце. В центре поляны, в двадцати шагах от камня всесожжения, стоит прозекторский стол. Рядом с камнем — шатер и ящики с оборудованием. «Лея не теряет времени даром», — думаю я.

На столе — Кривой. Точнее, его тело. Лапки тролля аккуратно сложены на животе. Мордочка с выступающими передними зубами задрана кверху. Мелкие лесные тролли не слишком привлекательны, но Кривой выглядит почти умиротворенным. Кажется, будто он лукаво улыбается: «Скоро я буду в царстве мертвых, а вам придется показать, на что вы способны».

Тут же, на столе, рядом с телом Кривого, сидят два его сородича: предводитель Тумба и шаман-слухач по прозвищу Рябой. Лея разговаривает с ними. Я подхожу ближе, и она оборачивается:

— Объясняю Тумбе, что будет. Тролли раздражены. Традиция запрещает беспокоить мертвых. Нужно, чтобы они приняли происходящее.

Лея снова поворачивается к Тумбе:

— Взгляни, Тумба. Видишь это розовое пятно на шее Кривого и четыре раны? Я должна понять, что стало причиной смерти. Для этого мне нужно сделать надрезы вдоль позвоночника. Только это. Вскрывать легкие нет необходимости. Йа уже выяснил, что воды в них нет. Если понадобится сделать что-то еще, я спрошу твоего разрешения.

Тумба раздраженно сплевывает через щель в верхних зубах и смотрит на меня. Ждет, что я скажу. В его глазах одновременно злость и надежда услышать то, что его успокоит.

— Мы должны понять, что происходит, Тумба. Возможно, опасность грозит всем нам. Возможно — только троллям. Когда-то Туола обещала твоему народу защиту. Я выполню то, что обещали эльфы. Но мы не можем действовать вслепую. Дай нам возможность узнать больше, чтобы я мог защитить вас.

Тумба поворачивается к Рябому и ждет, что тот скажет.

Отношения с шаманом у меня сложные. Он сопротивляется моим попыткам повлиять на жизнь сородичей. Я думаю, как лучше объяснить ему, насколько важно то, что мы собираемся сделать, но вмешивается Йа:

— Послушай, Рябой. Если Эрто не сможет защитить нас, я и сломанного шаманского бубна не дам за ваши жизни.

Я вижу, что Рябой колеблется. Он не понимает, что происходит. Наконец произносит:

— Ладно. Мы с Тумбой будем здесь. И не пытайтесь нас надуть.

Потом добавляет:

— Я слышу беззвучный голос. Он идет из Кривого. Это не его голос. Похоже, будто в гнезде гудят рассерженные пчелы.

Я прислушиваюсь. На мгновение мне кажется, что я тоже слышу неясный звук. Решаю, что после вскрытия внимательно осмотрю тело. Сейчас важно узнать подробности смерти Кривого.

Я киваю жене, чтобы она начинала.

Лея и Перна надевают защитные очки, облачаются в халаты и встают по разные стороны прозекторского стола. Йа помогает им натянуть бахилы и перчатки. На столе появляются резак, крючья и вакуумный насос для удаления иссеченных фрагментов.

Тэя садится на камень всесожжения, подальше от стола. Я вижу, что она старается не смотреть на приготовления. Зрелище не из приятных. Рядом с Тэей — домовый.

Я говорю ей:

— Если почувствую опасность, накрою стол защитным полем. Твоя задача — создать защитный колпак поверх моего, так, чтобы Лея, Перна, Тумба и Рябой оказались снаружи. Надеюсь, ты помнишь защитное заклинание.

Тэя лезет в рюкзак за книжкой. Именно этого я и хотел: сестра должна сосредоточиться на поручении и отвлечься от неприятных мыслей.

Лея включает прибор для записи протокола вскрытия. Потом она переписшет все в журнал. Таков порядок.

Тумба и Рябой, все это время сидевшие на столе, придвигаются ко мне.

«Благоразумно, — думаю я. — Важно, чтобы все были готовы к неожиданностям».

— Начнем. — Жена смотрит на часы. — Сейчас двенадцать часов двадцать минут пополудни. Перед нами тролль по прозвищу Кривой. Возраст — сто двадцать лет.

— Сто двадцать три, — поправляет Тумба.

— Возраст — сто двадцать три года. — Лея кивает Перне.

Козлоногий кладет тело Кривого на весы.

— Вес — двенадцать килограммов шестьсот граммов

Далее следует перечисление параметров тела тролля. В рамках исследования рас, населяющих Южные земли, Лея всегда тщательно измеряет тела их представителей.

— Согласно показаниям свидетелей, Кривой был найден мертвым шесть часов назад на берегу маячной бухты. Тело находилось в воде не более восьми часов.

Она ощупывает тело тролля.

— Суставы подвижны. Мышцы и сухожилия плотные, упругие. Шейный отдел подвижен. Грудная клетка и живот упругие. Позвоночник и конечности подвижны.

Она раздвигает челюсти Кривого и осматривает пасть.

— Слизистые бледные. Трупный запах отсутствует. Признаков окоченения нет.

Лея поворачивается к Тумбе:

— Вы что-то делали с телом? Вводили бальзамирующие вещества или что-то в этом роде?

Тумба отрицательно мотает головой. Шаман, подтверждая, тоже трясет головой.

— Странно это, — задумчиво говорит Лея. — Клади его на живот, Перна. Осмотрим раны.

Козлоногий переворачивает тролля и расправляет ему лапы. Лея берет скальпель, склоняется над телом и делает два надреза справа и слева вдоль позвоночника, затем четыре неглубоких — поперек. Отделяет кожу и отводит ее в стороны. Перна закрепляет края крюками.

— Жировой слой умеренный, естественного цвета. Между третьим и четвертым позвонком — проникающие отверстия. — Лея надсекает хрящи. — Спинной мозг поврежден.

— Он мучился? — неожиданно спрашивает Тумба.

— Не думаю. Либо умер сразу, либо полностью потерял чувствительность. Удар нанесен умело.

— В шейных мышцах справа и слева — раны, оставленные острым плоским предметом. Мышцы без видимых признаков окоченения. Сосуды не кровоточат. Выделения незначительны. Крови в теле нет.

Она берет увеличительное стекло и склоняется над Кривым.

— Оттяни мышцу, я посмотрю, — обращается она к Перне.

Тот берет два крюка и разводит края разреза.

— Рана в правой области шеи нанесена острым плоским предметом. Ткань не смята. — Лея разрезает мышцу и продолжает: — Предмет пробил в артерию, но не прошел ее насквозь. Ювелирная работа. Хотелось бы знать, для чего все это проделали с беднягой... Не для того же, чтобы выпить его кровь. Хотя почему бы и нет? Давай-ка посмотрим на рану слева от позвоночника.

Лея работает еще некоторое время, затем распрямляется.

— Да. Там то же самое. И справа, и слева от позвоночника — по проникающему ранению, нанесенному острым плоским предметом. Что-то вошло в левую и правую шейные артерии со спины. Артерии пробиты, но не насквозь. Места проникновения закрыты чем-то вроде соединительной ткани. Будто рана затянулась. Это странно. У мертвого рана не могла зарости. Я взяла образец для исследования под микроскопом. Крови не видно. Это объясняет, почему отсутствуют обычные трупные признаки. Теперь я хочу вскрыть артерию.

Я решаю вмешаться:

— Подожди, Лея. Я должен взглянуть.

Подхожу к прозекторскому столу. Перна отступает, освобождая мне место. Тумба и Рябой взбираются на плечи козлоногого, вытягивают морды, пытаюсь разглядеть Кривого. Я осматриваю область вскрытия. Рана не выглядит жуткой. Зажимы и крюки аккуратно оттягивают кожу и раздвигают мышцы. Бледно-желтые артерии хорошо видны справа и слева от позвоночника.

Я слышу беззвучный голос. Тонкий и тягучий. Чужой и далекий. Это голос незнакомой жизни, и в нем — неясная угроза.

Внутренним зрением я вижу то, чего Лея не смогла разглядеть через увеличительное стекло. Возможно, она увидит что-нибудь позже, когда поместит на предметное стекло микроскопа кусочек срезанной ткани, закрывающей рану. Возможно, тогда она различит в ткани тысячи микроскопических отверстий. Но если бы Лея смогла заглянуть через эти отверстия внутрь артерии Кривого, она увидела бы то, что поразило меня: чужую жизнь, полную неясной опасности.

Ведь я вижу: через тысячи микроскопических отверстий в рубце на артерии, который Лее казался сплошным, кто-то наблюдает за мной. Кто-то чужой и опасный. Готовый вылететь наружу через эти крошечные, почти невидимые отверстия и нанести смертельный удар.

— Ты слышишь, Рябой? — спрашиваю я. Сейчас мне важно получить второе мнение.

— Да. Я слышу чужой голос.

— Лея, Перна, не трогайте ничего. Отойдите от стола, — приказываю я.

Жена и козлоногий отходят. Я делаю пару шагов назад и останавливаюсь.

— Мы со слухачом слышим звуки чужой жизни в теле Кривого.

— Что это может быть? — спрашивает Перна.

— Пока не знаем. Кто-то вошел в тело Кривого. Это чужая, незнакомая жизнь. Она не похожа ни на что из того, что нам известно.

Иа поднимается с камня всеожжения и подходит ко мне.

— Мы с Тэей тоже слышим. Это похоже на зов, который исходил от черного купола.

Он прав. Я понимаю: опасность может угрожать всем. Но только мы с Тэей и домовый способны защитить себя — не впустить чужое в свое сознание. Мы справимся. Остальным лучше держаться подальше.

Как поступить? Можно вскрыть соединительную ткань на артерии, чтобы чужая жизнь вышла наружу. Увидеть врага и встретить его лицом к лицу прямо сейчас? Но у меня пока нет плана.

Я прошу Лею исследовать образец взятой ткани. Она уходит в шатер к своим приборам, а мы с Перной и домовым садимся на камень всеожжения рядом с Тэей.

Своему чутью я доверяю. Эльфы восприимчивы к смутным сигналам жизни. Иногда мы принимаем странные решения, и лишь потом оказывается, что они были верными. Просто потому, что чувствуем важное — то, что ускользает от логики.

— Что ты увидел? — спрашивает домовый.

— Скорее услышал и почувствовал, — поправляю я. — Я ничего не видел, но слышал голоса. Они гудели, словно пчелы в дупле. Невозможно понять, о чем. Но в этом гудении была угроза. Рябой тоже слышал. Он напуган. Это сила, способная внушить страх.

Я задумываюсь и вдруг понимаю, что напугало Рябого. Мы слышали зов. Словно кто-то пытался убедить нас, что жизнь бессмысленна и напрасна. Что есть мир, куда нужно уйти, чтобы обрести покой. Зов был слабым и не смог проникнуть глубоко в сознание. Но что, если он обретет силу? Что, если кто-то из тех, за кого я в ответе, услышит его и примет яд обещаний?

Этот голос способен проникать в сознание и подчинять. Это чужая жизнь, и она вторгается в нас — в мозг, в мысли, в самую сердцевину воли. Это зов, который умеет звать. И многие пойдут туда, куда им велят.

Мы должны уничтожить его источник, пока он не обрел силу. Пока еще возможна битва в физическом мире. Пока на нашей стороне наука, сила и магия.

Если битва переместится в наше сознание, мы проиграем. Мы не знаем, куда этот зов уведет тех, кто ему подчинится. Значит, нужно сражаться здесь, в реальном мире, и не пускать в свое сознание никого. Если сможем.

Мы должны уничтожить чужую жизнь прямо здесь и сейчас, пока она не овладела нашим разумом. Нас мало, и мы не готовы. Но и чужая жизнь не готова к битве. Иначе она уже воспользовалась бы своей силой.

Я встаю и направляюсь к прозекторскому столу. Вижу, как шерсть на теле Кривого едва заметно колыхнется.

«Ветер?»

Но в следующий миг Кривой садится.

Я не жду, пока остальные поймут, что происходит. В два прыжка оказываюсь у стола и включаю защитное поле. Оглядываюсь на Тэю. Вижу, как шевелятся ее губы: она произносит заклинание.

От шатра ко мне бежит Лея. Перна выхватывает нож и пытается пробиться сквозь защитную поверхность.

— Пусти меня, Эрто. Будем вместе.

— Нет, Перна. Не сейчас.

— Что мне делать?

— Пришло время магии. Жди своего часа.

Лея, Тэя, Перна, Тумба и Рябой стоят по периметру защитной поверхности. И тут я понимаю, что не вижу среди них домового. Опускаю взгляд — и вижу Йа. Он стоит рядом со мной. В руках у него небольшой нож. Но что он может сделать?

— Йа! Зачем ты здесь?

— Не переживай, Эрто. Я не помешаю. Сосредоточься на своей битве.

— Йа! Йа!

— Выбор сделан, Эрто. Сейчас не мы решаем, что произойдет, но от нас зависит, чем все закончится.

Я лихорадочно думаю, чем вооружить Йа. И тут вспоминаю об игле, которую когда-то подарил мне лопоух Йокку. Чем не шпага для домового? Я достаю иглу из ножен и протягиваю Йа. Он берет ее, и я сразу понимаю: с таким оружием он справится отлично.

Между тем Кривой встает на четвереньки и бодро семенит к краю стола. Там он поднимается на задние лапы. Я вижу, как все шире и шире раскрывается его пасть. На миг кажется, будто Кривой выворачивается наизнанку. Обнажаются ряды острых зубов, с которых стекает желтовато-розовая слизь.

«Сейчас он весь вывернется, и покажется тот, кто сидит внутри», — понимаю я и произношу заклинание Льда, создавая вокруг Кривого область низкой температуры. Шерсть тролля покрывается инеем. Движения лап замедляются.

Я чувствую, как кто-то чужой пытается пробиться в мое сознание, и мысленно говорю: «Нет. Тебе придется драться в открытую. Давай, покажись!»

Я слышу визг, но это не звук. Он идет из чужого сознания прямо в мой мозг. И несет обещание страдания и смерти.

Я поднимаю щит и выхватываю меч. Замерзающее тело Кривого не дает врагу времени на подготовку.

Из пасти тролля извергается желто-розовый поток. Уже в воздухе, на пути от Кривого ко мне, он обретает форму. Я вижу зверя, прекрасного в своей ужасающей гибкой силе. Он похож на желто-розового тритона с двумя парами перепончатых лап и плоским хвостом. Его крупная вытянутая голова напоминает жерло мясорубки с рядами зубов.

Я вижу, что зверь метит мне в лицо, чуть выше щита. Он летит со скоростью стрелы, выпущенной сильным стрелком с расстояния в несколько шагов. Тролля или козлоногого он убил бы легко. Но не эльфа.

В замедленном, растянутом времени я вижу, как зверь несется ко мне, прижав лапы к длинному гибкому телу. Как раскрывается, все шире и шире, его пасть с рядами острых зубов, предназначенных для мгновенного убийственного укуса.

И в этом замедленном времени я чуть приподнимаю щит — в тот самый миг, когда зверь уже не может изменить направление. Выступающие клыки входят в поверхность щита. От удара его черепная коробка раскалывается, обнажая желтоватую поверхность мозга.

«Это не просто зверь. И это не охота ради утоления голода. Все, что он делает, осмысленно. Это разум. Чужой и враждебный. Разум, получающий удовольствие от убийства», — понимаю я и ударом меча отсекаю зверю голову.

Тело безвольно падает на землю. Голова с двумя клыками, вонзившимися в щит, распадается на желто-розовые кристаллы и осыпается к моим ногам. Следом распадается тело. У моих ног образуется горка похожих на песок кристаллов.

И в то же мгновение песчинки поднимаются в воздух и начинают собираться в полупрозрачное облако, похожее на смерч. Узкое основание вихря касается земли, вбирая лежащие там кристаллы.

Я вижу, как вихрь частиц уплотняется, формируя голову и тело зверя. Снова бью мечом, но лезвие без сопротивления проходит сквозь облако. Частицы все плотнее собираются внизу. Под вращающимся облаком уже видна полупрозрачная голова зверя. Она лежит на земле; сквозь нее проступают полушария мозга и небольшое уплотнение в самом центре.

Я готовлюсь ударить снова, но откуда-то сбоку появляется Йа. Он втыкает свою шпажку прямо в бледную мякоть обнаженного мозга. И, похоже, делает это в нужный момент. Череп зверя еще не успел сформироваться, а тело уже обрело форму и не может разлететься, как облако пыли. Возможно, сработала древняя магия, заключенная в игле ежголового дракона.

Домовому удастся пригвоздить зверя к земле. Не знаю, в какую жизненно важную часть мозга чудовища попал Йа, но вспыхивает белая электрическая дуга, и ожившее тело зверя начинает вращаться вокруг иглы. Я едва успеваю отпрыгнуть — зверь перебил бы мне ноги. Домовой небрежно опирается лапой на рукоять и с ловкостью танцора подпрыгивает, уворачиваясь от удара. Тело зверя проносится под ним в яростном вихре.

Электрические разряды бьют вокруг иглы, разрушая полупрозрачное тело врага. Оно делает еще несколько оборотов и снова начинает распадаться. Сначала — на отдельные крупные куски, которые продолжают вращаться вокруг шпаги домового, словно их удерживает невидимая сила. Наконец тело зверя распадается окончательно, превращаясь в желто-розовое облако пыли. Оно продолжает кружиться вокруг иглы, собирается в вихрь и устремляется вверх.

Там смерч ударяет в поверхность защитного купола, распадается и снова собирается во вращающийся рой частиц. Я понимаю: зверь пытается сбежать. Я не имею права выпустить его наружу — туда, где он сможет безнаказанно убивать тех, кто не способен защитить себя.

Я вспоминаю стеклянный шарик, который когда-то подарила мне Тэя. Стоит его встряхнуть — и тысячи снежинок поднимаются, кружатся в замедленном танце, укрывают деревья и домики со светящимися окошками.

Милый подарок. Снежинки своей белоснежной чистотой словно говорили: «Посмотри, как прекрасен мир». Теперь же движение желто-розовой пыли пугает и предупреждает: «Остерегайся неизведанного».

Облако движется все быстрее, давление на защитный купол становится все настойчивее. Я чувствую напряжение поля при каждом ударе. Узкое основание вихря упирается в купол, концентрируя энергию на небольшой площади. Электрические разряды бьют в защитную поверхность с нарастающей силой.

Зверь принимает новый облик. Теперь это песчаный смерч, стремящийся пробить купол и вырваться наружу. Я чувствую его мощь.

Нужно сделать что-то, чтобы обуздать эту нарастающую энергию. Стеклянный шар со снежинками снова возникает перед глазами. Я должен произнести заклинание Льда, создать вокруг облака частиц зону низкой температуры. Но у меня не хватит сил держать два заклинания одновременно.

Я смотрю на Тэю. Ее губы шевелятся. Она сделала то, что я поручил ей: создала вторую защитную поверхность.

Я переключаюсь на заклинание Льда. Мой защитный купол исчезает, и песчаный смерч ударяет в поверхность, созданную Тэей. У меня есть несколько мгновений, но этого достаточно.

Трава и прозекторский стол покрываются инеем. Микроскопические пылинки падают на землю. Они медленно замирают, лишённые энергии. Сначала редкие, потом все более частые удары сыплются по металлической поверхности стола, на котором лежит обмякшее и съезженное тело Кривого.

Облако осыпается золотисто-розовыми снежинками, засыпая стол и тело мертвого тролля.

Я приказываю Тэе снять защиту. Лея включает вакуумный насос, собирает кристаллы в полупрозрачную банку и заливает их жидкостью из канистры. Желтоватые частицы кружатся внутри в последнем судорожном вращении и вскоре растворяются, превращаясь в желто-розовую вязкую слизь.

— Ух ты! Сработало! — Лея, похоже, сама удивлена тем, что получилось. — Я успела исследовать вещество, которым были закрыты артерии Кривого. Это что-то вроде кремний-органики. К счастью, в моем наборе химикатов оказалась плавиковая кислота. — Она встряхивает банку. — Действует на кремний не хуже магии.

Силы покидают меня. Магия не дается даром. Эту схватку мы выиграли, но я не чувствую себя в безопасности. «Откуда он пришел?» — этот вопрос не дает мне покоя. Но сейчас я не смогу найти ответ. Нужно расслабиться, открыть себя миру, чтобы незримые сигналы проникли в сознание и позже дали пищу для размышлений и решений.

Лея смотрит на меня и сразу замечает мое состояние. Оставляет приборы и идет ко мне.

— Мы справились?

— Да, моя хорошая.

Лея обнимает меня, а я оглядываюсь в поисках Тэи. Она стоит в стороне. Домовой что-то ей говорит. Я зову сестру. Она подходит. Вид у нее смущенный.

— Что случилось, милая?

— Я чуть не подвела всех.

— Ты прекрасно справилась. Развернула защитную поверхность и удержала ее, пока я читал заклинание Льда.

— Я не смогла сделать это с первого раза. Он мог уйти.

Я обнимаю сестру.

— Теперь все позади.

— Домовой тоже так говорит. Но я все равно виновата. Когда я услышала зов, я испугалась и забыла часть заклинания.

— Теперь это неважно. — Я хочу ободрить сестру. — Мы справились.

Я оглядываю поляну. Камень всесожжения. Деревья вокруг. Солнце клонится к закату. Через час наступит ночь и запылает костер.

Тумба и Рябой кладут тело Кривого рядом с камнем всесожжения. Из леса тянутся мелкие лесные тролли с хворостом и небольшими полешками. Складывают из них возвышение — последнее ложе умершего. Тумба и Рябой распоряжаются подготовкой церемонии.

Они не подошли ко мне после того, как мы убили зверя. Ничего не сказали. Но я знаю: они доверяют мне. И понимают, что поступили правильно.

Лея и Перна укладывают оборудование и грузят его на Арроджадо. Я сижу, пытаюсь вернуть сознание из прошлого в настоящее. Но картины сражения снова встают перед глазами.

«Йа!» — вдруг вспоминаю я.

И снова вижу, как он втыкает свою шпажку в голову зверя. Если бы не этот точный удар, зверь мог восстановиться, и неизвестно, чем бы все закончилось.

Я оглядываюсь и вижу Тэю рядом с Арроджадо. Она удобно устроилась у левого крыла дракона, опираясь спиной на его теплый бок. Там так спокойно и уютно, что мне тоже хочется сесть рядом и почувствовать драконье тепло. Я иду к ней.

Йа не видно, но я чувствую: он где-то рядом. Я сажусь рядом с Тэей и обнимаю ее. В животе у Арроджадо мирно урчит. Драконье тепло проникает в тело. Хочется сидеть так и смотреть, как солнце опускается за лес.

— Ты знаешь, что делать? — спрашивает сестра.

— Пока нет.

Появляется домовой.

— Думаю, он из чужого мира. Если пришел один, могут прийти и другие.

Домовой прав. Я спрашиваю Арроджадо:

— Ты участвуешь в обряде прощания с Кривым?

— Да. Тумба попросил. В знак уважения к покойному.

— К полуночи управишься?

— Пожалуй.

— В это время как раз отлив. Небо чистое, и луна в полной силе. Я хочу осмотреть с воздуха отмель, где нашли Кривого. Может быть, удастся обнаружить какие-нибудь следы.

— Что ты хочешь искать?

— Не знаю. Все, что покажется необычным. Любые изменения.

— Хорошо, — отвечает Арроджадо.

— Хорошая идея, — говорит домовой. — Я полечу с вами.

— Возьми меня с собой, — просит Тэя.

Я смотрю на домового. Тот кивает.

— Хорошо, родная, — говорю я.

Тем временем Лея и Перна заканчивают погрузку оборудования и подходят ко мне.

— Мы готовы.

— Летите. Мы выступим следом за вами, — говорю я и поднимаюсь.

Но Арроджадо останавливает меня:

— Посидите здесь. Я вернусь и отвезу вас в замок.

Я с радостью соглашаюсь. Тело требует отдыха. Смотрю, как тролли складывают погребальное ложе, последнее пристанище Кривого. Мы сидим молча. Что я могу им сказать? Что

зверь опасен? Но они и сами видели страшные проявления его силы. Что я сделаю все, чтобы спасти наш мир? Но они и так это знают.

— Тебе нужен отдых, — говорит Йа. — Арроджадо вернется через час. Мы поможем тебе уснуть.

Домовой и Тэя садятся рядом, кладут руки мне на голову, и я погружаюсь в сон.

Диатрия. Пробуждение

Я открываю глаза и вижу перед собой покрытую инеем поверхность. Сознание возвращается, и я понимаю: это колпак криокамеры. Сервисный робот скребком убирает иней с наружной поверхности капсулы. В образовавшемся просвете видны его небольшая угловатая голова с блестящими глазами и паукообразное сегментированное тело. Он старательно счищает намерзший лед, затем включает обогрев. Остатки влаги стекают по стеклу.

Колпак откидывается, камера наклоняется, и я оказываюсь на полу, беспомощно шевеля лапами и хвостом. Гель-антифриз, в который я был погружен во время анабиоза, стекает с тела. На меня обрушиваются струи воды. Орудя восьмью угловатыми шипастыми лапами, робот бесцеремонно поворачивает меня с боку на бок и жесткой щеткой счищает гель с моего полупрозрачного тела. Удовлетворившись этой садистской процедурой, он выключает душ, смазывает меня антисептиком и исчезает.

После нескольких безуспешных попыток мне удается перевернуться на брюхо, упереться передними лапами в пол и приподнять голову.

У криокамеры стоят два ремонтных робота. Рядом с ними — контейнер с запасными частями. На полу разложены детали. Похоже, с камерой не все в порядке. Возможно, поэтому меня разбудили.

Приборы у изголовья капсулы показывают время. Я понимаю, что пробыл в анабиозе почти миллиард лет. Память возвращается, и я вспоминаю о Чжу — и о том, что компьютер должен был разбудить меня, когда найдет уязвимость в его защите.

Диатрия

Те, кто знает путь Чжу от планеты к планете, от цивилизации к цивилизации, поймут, о чем я говорю. Чжу продал диатрийцам идею спасения — как и всем, с кем имел дело прежде: всю эту историю с зародышем, Прото-Чжу, виртуальными мирами и материализацией.

Мы, как и наши предшественники, поверили ему. Отправили зародыш Чжу на подходящую для жизни планету и ушли в виртуальный мир — ждать момента, когда Чжу материализует нас.

Выбранная нами планета лежала в одном из рукавов нашей галактики, в полутора тысячах световых лет от Диатрии. Мы назвали ее Триатрия.

Неприятности начались, когда пришло время выйти в реальность. После всех усилий по спасению Чжу мы рассчитывали материализоваться на Триатрии. Мы не хотели жить в виртуальном мире. Далекая прекрасная Триатрия была населена миллионами видов живых существ. Мы мечтали о ней, о ее необъятных просторах. Я мог бы долго рассказывать о наших мечтах, но сейчас важнее объяснить, как мы лишились всего этого.

Диатрийцы много спорили о том, почему Чжу отказался от первоначального замысла. Почему не позволил нам выйти из виртуального мира в реальность? Почему решил, что существа, населяющие Триатрию, подходят ему лучше, чем мы?

Многие диатрийцы считали, что все дело в отвращении Чжу к земноводным. Да, мы — земноводные. В борьбе за существование у нашего вида было мало шансов оказаться на вершине развития. Но нам повезло: несколько природных катаклизмов изменили ход эволюции. Мы приобрели развитый мозг и завоевали право быть первыми.

Ради бессмертия мы отказались от рождения детей. Родительские чувства нас не обременяли. Наши самки не откладывали яиц, и из них не вылуплялись головастики. Мы не наблюдали с нежным трепетом, как они пасутся в прибрежных водах, набираясь сил, чтобы затем превратиться в бледно-розовых нежных существ.

Мы создали великую цивилизацию и подчинили себе окружающий мир. Вероятно, Чжу впервые столкнулся с разумными земноводными, и версия о батрахофобии имела право на существование. Но после долгих размышлений я пришел к выводу, что проблема была в другом.

Задолго до появления Чжу, когда Диатрия еще процветала, сафари было частью нашей жизни — древним инстинктом, живущим в каждой клеточке тела. Этот инстинкт рвался наружу. Природные парки и фермы поставляли жертв для смертельно опасной охоты. Впрочем, опасной она была только для жертв. Диатрийцы почти ничем не рисковали.

Но даже этот ничтожный риск делал нашу жизнь увлекательной. Каждому из нас было знакомо волнующее чувство: клыки погружаются в тело жертвы, проникают в крупные кровеносные сосуды, и диатриец делает глоток солоноватой теплой крови.

А затем — невообразимое ощущение фрактального распада, когда собственное тело рассыпается на мириады частиц и они проникают в каждую клетку жертвы, чтобы поглотить последнее тепло, последнее движение уходящей жизни.

Фрактальный распад был удовольствием, ради которого каждый из нас готов был отдать все. В этот миг каждая частица подобна целому и испытывает то же, что и целое. Ощущения повторяются в каждой частице и сливаются в единый поток наслаждения.

Умиравшая Диатрия уже не могла дать нам того, что составляло смысл нашей жизни. Солнце наступало. Океаны испарились, атмосферу поглотил космический вакуум, поверхность планеты превратилась в безжизненную пустыню.

Мы ушли под землю. Сначала там появились фермы для сафари. Но когда с энергией стало совсем плохо, правительство прикрыло лавочку. Ходили слухи, что для богатых суще-

ствуют подпольные сафари-притоны, но запрещенная трата ограниченной энергии считалась тягчайшим преступлением.

Сотни тысяч лет диатрийцы были лишены этого удовольствия. Сотни тысяч лет каждый диатриец о нем мечтал.

И тут появился Чжу с обещанием материализовать нас на новой планете. Диатрийцы воспряли духом в предвкушении не просто новой жизни, а жизни, наполненной удовольствиями. Нас ждала немыслимая вакханалия сафари.

Так вот, что касается Чжу. Конечно, дело было не в его отвращении к земноводным. Лишенный внешней физической формы, он не мог предпочитать одну форму жизни другой. Все его усилия были направлены на выживание.

На Триатрии Чжу нашел разумную жизнь — довольно примитивную, но достаточно перспективную, чтобы через миллионы лет реализовать свой замысел. В одном из разговоров со мной он обронил фразу, которой я тогда не придал значения. В ней содержался ответ на вопрос, что будет с диатрийцами. Он сказал: «Всякая жизнь ценна».

Его логика ясна. Он делал ставку на разнообразие жизни. Разнообразие увеличивает шансы на выживание. Он не мог позволить нам уничтожить жизнь на Триатрии. Сделать ставку на один вид — опасная и недальновидная стратегия.

Я пытался объяснить это диатрийцам. Многие поняли меня и были готовы отказаться от сафари ради будущего, но Чжу не стал ждать, пока мы изменимся. Он не выполнил своего обещания.

После перемещения на Триатрию Чжу не позволил диатрийцам выйти в реальность. Мы сделали несколько попыток обмануть стражей и материализоваться, но колодцы оставались под его контролем. Не смогли мы и перейти в один из параллельных виртуальных миров Чжу, чтобы получить то, к чему стремились. Но мы знали о его слабом месте: собственное подсознание Чжу ему не подчинялось. Его миры были свободны. В нашем виртуальном мире мы могли делать все, что считали нужным.

Теперь, когда физическая опасность нам больше не угрожала, у нас было много времени. Можно было не торопиться. Чжу перемещался по Вселенной от галактики к галактике, от планеты к планете, а в одном из его миров тем временем зрел заговор. Мы могли путешествовать вместе с ним и готовиться к битве. Прибавьте к этому уровень развития нашей цивилизации — и вы не сможете отрицать: у диатрийцев был шанс на победу.

Наш план был масштабен и одновременно прост. Группа программистов создала для центрального компьютера программу, которая должна была найти уязвимость в системе защиты Чжу. В случае успеха мы рассчитывали подчинить его себе и материализоваться там, где сочтем нужным. Я руководил этим проектом. После запуска программы диатрийцы погрузились в анабиоз и стали ждать сигнала от центрального компьютера — сигнала о том, что пришло время сразиться с Чжу.

После пробуждения

По длинному туннелю, заполненному теплым коллоидным раствором, я выбираюсь из криохранилища. После размораживания мне паршиво. Я бреду по улицам города, с трудом удерживаясь в привычном вертикальном положении. Особенно плох хвост: он волочится по земле.

Хвост для диатрийца — предмет гордости. При ходьбе на задних конечностях он должен держаться параллельно земле. Если ты волочишь хвост, значит, с тобой что-то не так.

Прохожие сочувственно оглядываются на меня. Но я знаю: движение — лучшее лекарство. Нужно заставить холодную кровь быстрее бежать по сосудам. И я стараюсь изо всех сил, заставляя непослушные конечности работать.

Через полчаса ходьбы я чувствую себя лучше и перехожу на бег, опускаясь на все четыре лапы. В одной из зеркальных витрин вижу свое отражение и остаюсь доволен. Серебристое полупрозрачное тело, вытянутое над землей, как стрела, легко скользит вперед. Хвост держится как положено.

Бежать легко. Я с удовольствием шлепаю лапами по теплому коллоидному раствору. Довольный собой, я не сразу замечаю, как изменился город за время моего анабиоза. Но потом поднимаю голову и вижу яркие светящиеся щиты: «Новый мир ждет тебя», «Испытай незабываемое чувство сафари».

Это может означать только одно: мой план сработал. Диатрийцы получили возможность выйти в реальность. Но сафари в этом плане не было. Мы собирались переселить диатрийцев в новый мир. Более того, я надеялся, что с сафари покончено и убийства навсегда ушли из нашей жизни.

Я поднимаюсь на задние лапы и вхожу в лавочку с мутными витринами. Повсюду висят картинки с диковинными существами. Парень за конторкой скользит по мне взглядом и тут же теряет интерес. Вид у меня не самый презентабельный.

— Похоже, я пропустил что-то интересное, — говорю я.

— Сразу видно, что вы из криохранилища. Давно проснулись?

— Пару часов назад. Что тут у вас происходит?

— Да, мистер, вы проспали подготовку к самому грандиозному сафари в нашей истории.

— Постой-постой. Что-то я не припомню, чтобы мы планировали устраивать сафари.

Когда я ложился в криованну, Чжу переместился на Триатрию и отказал нам в материализации. Все, что диатриец мог себе позволить, — сафари-сон во время анабиоза. А тут, я смотрю, все происходит наяву. Или я еще не проснулся?

Он смотрит на меня как на законченного идиота, а потом проникается сочувствием. Других клиентов нет. Делать ему все равно нечего. Он отрывается от монитора и говорит:

— Вы, я вижу, совсем от жизни отстали. Мы теперь не на Триатрии, а на Голубой планете. Вы что, не помните о проекте «Альфа»?

О проекте «Альфа» я могу рассказать ему больше любого. Ведь это я руководил им. Это была моя идея, и я реализовал ее со своей командой, несмотря на то что все вокруг хныкали: денег нет и все равно ничего не выйдет. Я вел этот проект с самого начала — до того момента, когда мы запустили программу для поиска уязвимостей Чжу и отправились в криохранилище.

— О проекте «Альфа»? — переспрашиваю я. — Ну-ка посмотри на меня получше. Никого не напоминаю?

Он пристально смотрит на меня. Я буквально вижу, как в его голове рождается сомнение. Затем он тянется к полке и берет рекламный буклет. На обложке — моя улыбающаяся физиономия. Только выглядит она получше: ухоженная да гладкая. Криованны, знаете ли, никого

краше не делают. Он смотрит на меня, потом на этот дурацкий буклет — и я вижу, как у него отвисает челюсть.

— Это вы, господин Эрто? — неуверенно спрашивает он.

— А кто же еще, — отвечаю я. — Так что ты собирался рассказать мне про проект «Альфа»?

Вижу, как он мнетя. Хочет что-то сказать, но не решается.

— Ну и чего я такого про проект «Альфа» не знаю?

— Так вы, господин Эрто, теперь самый богатый диатриец. Вам с каждого сафари по контракту роялти полагается.

— Да ну? — спрашиваю я. — Что-то не помню, чтобы подписывал контракт.

— Так у вас авторские права на технологию и куча патентов в придачу.

— Что-то не помню, чтобы собирался заработать на сафари. Я больше думал о том, как нам из нашего виртуального мира сбежать. А вы тут устроили цирк. Ну ладно. Ты, я вижу, парнишка сообразительный. Расскажи-ка мне подробнее, что у вас тут происходит.

Он кивает, но глаз с меня не сводит. Вижу: хочет что-то спросить. Наконец решается:

— Я, господин Эрто, тоже в вашем проекте работал. Только вы меня, наверное, не вспомните.

— В проекте пять тысяч диатрийцев участвовали. Я, может, и не всех знал. Но с кем по работе сталкивался — тех помню. Тебя как зовут? В каком отделе работал?

— Я Юн. В группе подбора ключа шифрования.

— В группе подбора ключа? — переспрашиваю я.

Там-то я каждого в лицо знал. Очень ответственный был участок. Смотрю на него снова: лицо вроде знакомое.

— Ну-ка надень очки, — говорю.

Он трясущимися лапами надевает очки. Тут я его и узнаю. Он работал над генерацией ключей.

— Юн! Конечно помню! Отличная работа, Юн!

Он даже позеленел от удовольствия.

— Только как же так получилось, Юн, что красивая идея спасения нашей цивилизации превратилась в балаган?

А он вдруг принимается слезы лить:

— Господин Эрто, да господин Эрто...

— Ты говори толком, если знаешь что-то.

Он повсхлипывал, протер очки.

— Никто толком не знает. Ходили разные слухи. Говорят, когда пришел сигнал о том, что алгоритм взломал защиту Чжу, компьютер разбудил Совет. Так вроде было предусмотрено регламентом. Почему Совет не разбудил вас, я не знаю. Все-таки это был ваш проект и ваша идея. Оказалось, что вы были правы, хотя никто вам особенно не верил. Денег на проект дали, но так — больше от безысходности. Никому не хотелось вечно лежать в криованне.

Так вот, говорят, Совет долго обсуждал, будить вас или нет. С одной стороны, вроде бы надо. С другой — и без вас все как-то наладилось: появилась возможность материализоваться в новом месте. А вы со своей идеей, что каждая жизнь ценна, многих раздражали.

Я понимаю, что меня кинули, и первое мое желание — пойти и разобраться с этими сволочами из Совета. Но я беру себя в лапы. Похоже, сейчас не лучший момент. Стараясь говорить спокойно, спрашиваю:

— Ну и что было дальше?

— Программу пробуждения перенастроили и оставили вас в криованне. А диатрийцы, когда узнали, что сафари снова возможно, словно с ума посходили. — Юн молчит и добавляет: — Только зря мы это затеяли.

— Ну а ты? Тоже купил себе билетик? — ехидно спрашиваю я.

— Что вы, господин Эрто! Мы с моей девушкой согласны с вами: ну и что, что аборигены примитивны? Ведь они тоже живые существа. Чувствуют боль и страх. Нельзя их убивать ради забавы.

— Ты только билеты продавал, — зло говорю я.

Он весь покрывается испариной и лепечет:

— Простите, господин Эрто, да простите, господин Эрто...

— Ладно, — говорю я. — Ты про меня никому не говори. А я пойду кое с кем потолкую.

Тошно мне стало от всего этого, но разобраться надо. Беру у парнишки буклетик и выхожу на улицу, в парк. Ложусь в индивидуальную ванну с теплым коллоидным раствором, чтобы подумать и привести мысли в порядок.

Лежу, листаю буклетик. Там сплошные призывы к убийству. Просто оторопь берет. Как же так вышло?

В библиотеке

Поразмыслив, я решаю отправиться в библиотеку. Когда-то давно я проводил там много времени в поисках решений, важных для проекта. Но сейчас мне нужны не научные труды. Мне нужна хроника. Я хочу знать, что произошло с моим народом. Почему он предал мечту? Почему отказался от пути, который я наметил для него, когда задумывал проект?

Я подхожу ко входу в библиотеку — к высокому овалному проему, затянутому темной мембраной. Несколько мгновений она остается неподвижной, потом вздрагивает, словно узнает меня. Лепестки диафрагмы медленно расходятся, и передо мной открывается влажный темный проход. Изнутри тянет сыростью и водорослями. Я вхожу.

В полумраке еще тихо, но библиотека уже просыпается. Где-то в глубине глухо оживает скрытый механизм. Из невидимых труб на пол поступает коллоидный раствор и тонким теплым слоем растекается по гладкой поверхности. Почти сразу вдоль стен одна за другой вспыхивают полосы мягкого света.

Сюда давно никто не приходит. Моих кровожадных собратьев знания не интересуют. Новая страсть захлестнула их.

Знакомым коридором я иду к архиву. Воздух становится теплее и влажнее. Я вхожу в высокий сумрачный зал. Моя рабочая ниша ждет меня у дальней стены.

Я вхожу внутрь. Индивидуальный бассейн уже наполнен теплым раствором. В полумраке его поверхность тускло поблескивает. Я погружаюсь в раствор, вытягиваюсь и устраиваюсь поудобнее. Сознание соединяется с системой управления. Передо мной мягко загорается экран архива.

Запрашиваю последние записи. Строки протоколов бегут передо мной одна за другой, и очень скоро становится ясно: свершилось то, о чем мы мечтали. Компьютер взломал защиту Прото-Чжу и получил доступ к коду его ядра.

Я читаю дальше и вижу, какие огромные возможности открылись перед диатрийцами. Мы можем подчинить себе не только колодцы и стражей, но и все миры Чжу. Такого успеха я не ожидал.

Однако пользоваться этими возможностями следовало с величайшей осторожностью, понимая, насколько сложно устроено существо Чжу. Нужно было двигаться медленно, проверяя и перепроверя каждый шаг.

Увы, то, что я увидел на улицах города, говорило не о разуме и осторожности, а об эйфории, о желании получить все и сразу. Самые низменные инстинкты диатрийцев вырвались на свободу. Маховик безумия уже вращался с бешеной скоростью.

Я погружаюсь в изучение протоколов и шаг за шагом восстанавливаю все, что произошло с того момента, как Чжу перебрался на Триатрию и отказал диатрийцам в материализации. Компьютер извлек из его сознания всю цепочку событий — с той минуты, когда он оставил диатрийцев в одном из своих миров и сделал ставку на триатрийцев.

Чжу повезло. Цивилизация триатрийцев достигла высокого уровня развития. Однако солнце, давшее Триатрии жизнь, оказалось не самым удачным выбором. Не прошло и миллиарда лет, как оно начало расширяться, и Чжу вновь пришлось вмешаться.

Как и в нашем случае, он предложил триатрийцам переселиться на другую планету. Ее нашли в тысяче световых лет от Триатрии. Зародыш Чжу успешно доставили на Голубую планету, где из него развился Прото-Чжу. Он отправил на Триатрию сигнал о готовности принять виртуальные миры и приступил к созданию отдельного мира для местных обитателей.

Чжу начал переброску своих миров. Так диатрийцы оказались на Голубой планете, в виртуальном мире Прото-Чжу. Именно тогда наш компьютер взломал защиту Чжу.

Я вижу первое заседание Совета после пробуждения. Участники располагаются вокруг круглого стола, хмурые оттого, что сон прерван, а тело после анабиоза плохо слушается. Перед ними — голограммы существ, населяющих Голубую планету; на экране появляются ее виды. Планета прекрасна: голубые океаны и зеленые материки. Формы жизни на редкость разнообразны. Есть разумная жизнь.

Все, что требуется от членов Совета, — запустить программу вывода меня и моей команды из анабиоза. Я представляю, как наша мечта превращается в строгий план действий, предусмотренный проектом. Мы подключаемся к ядру Чжу и терпеливо ждем подходящего момента. Позволяем Чжу перебраться на Голубую планету, достроить виртуальный мир для аборигенов и переселить их туда. Они бы даже не почувствовали разницы. Чжу умеет создавать миры, почти неотличимые от реальных.

После этого мы бы вмешались: заставили Чжу оставить триатрийцев в виртуальном мире, а сами материализовались на Голубой планете. Никакого сафари. Никакой вакханалии убийств.

Что же пошло не так? Почему Совет «забыл» разбудить меня?

Я не понимаю их мотивов, но вижу, как развивались события, пока я лежал в криохранилище. Итак, диатрийцы — на Голубой планете, а Чжу с триатрийцами — на Триатрии. И тут эти умники блокируют обмен информацией между Чжу и Прото-Чжу. Фактически это означает смертный приговор Чжу и триатрийцам.

Дальше — хуже. Совет решает, что, отключив Чжу, может делать все, что взбредет ему в голову. Они запускают процесс отправки аборигенов в недостроенный виртуальный мир. Зачем? Чтобы организовать там сафари.

Толпа быстро подхватывает идею. Сначала — шепотом, в тихих кабинках кафе, закрытых от посторонних взглядов. Затем — вполголоса. Потом все громче и громче, пока не превращаются в рев возбужденной толпы: «Сафари! Мы хотим сафари!»

Диатрийцы вспоминают давно забытый вкус чужой крови. Толпа жаждет крови и зрелищ. После этого Совет уже не способен принимать сколько-нибудь осмысленные решения: процессом управляет толпа.

Каждый хочет принять участие в сафари. Конторы по продаже охотничьих лицензий плодятся, как грибы после дождя. Возле них выстраиваются очереди. Процентные ставки по кредитам взлетают до небес. Билеты на и семейные туры продаются со скидками. Корпорации готовятся отправлять персонал на тренинги по командной работе.

Предвкушение крови пьянит и зовет к чудовищным свершениям. О сладостное ощущение безнаказанности! Как просто найти себе оправдание и предаться тому, что всегда было под запретом...

Что касается Голубой планеты, ее будущее предрешиено. К тому моменту, когда меня разбудили, Прото-Чжу переселил почти всех разумных существ Голубой планеты в недостроенный и опасный виртуальный мир. Проектор показал мне их голограммы. Это довольно примитивные существа с несложным оружием и слабо развитым производством, но меня поражает разнообразие форм жизни.

Двуногие существа, называющие себя людьми. Похожие на людей эльфы, владеющие некоторыми несложными приемами изменения реальности с помощью пары дополнительных измерений. Часть суши заселена летающими ящерами, которых аборигены называют драконами. Есть и еще несколько разумных видов.

Разнообразие разумной жизни говорит об особом отношении аборигенов к разуму. Эта терпимость незнакома диатрийцам: они в любой форме жизни видят объект для убийства.

Я лежу в читальной ванне и с тревогой думаю: Чжу не смирится ни с потерей контроля, ни с перспективой быть поджаренным на Триатрии. Несомненно, он будет искать возможность восстановить контакт с Прото-Чжу. И если найдет решение, диатрийцам не позавидуешь.

У меня мало шансов что-либо изменить. Процесс зашел слишком далеко. Возбужденная толпа разорвет в клочья всякого, кто попытается лишить ее предстоящего удовольствия.

Я понимаю, почему Совет решил оставить меня в криованне. Они знали, что я никогда не согласился бы на это безумие. Совет разбудил всех, кроме меня, и объявил сафари, уверенный, что сможет самостоятельно принимать верные решения.

Однако оставался вопрос, на который у меня не было ответа: что подтолкнуло Совет включить в проект сафари?

Крис

Некоторое время я лежу в ванне и размышляю. Наконец решаю: надо поговорить с Крисом. Когда-то он был моим другом, а теперь — член Совета. Он не станет мне врать.

Я приказываю системе соединить нас. В сознании звучит мелодия вызова. На экране появляется Крис. Он явно не ожидал увидеть меня и, похоже, совсем не рад этой встрече.

— Привет, Крис. Надо поговорить.

Он молчит, явно не находя уважительной причины для отказа. Потом коротко говорит:

— Приезжай.

Не выходя из ванны, я вызываю роботакси. Экран архива гаснет. Я выбираюсь из теплого раствора, покидаю рабочую нишу и знакомым коридором иду к выходу. Библиотека провожает меня тусклым светом и влажным теплом.

Роботакси за десять минут доставляет меня в богатый район, где живут члены правительства и состоятельные диатрийцы. Крис встречает меня у входа. Подозреваю, после моего звонка он все это время следил за экраном видеонаблюдения. Ждал. Но теперь уже справился с волнением и выглядит дружелюбно.

Крис закрывает за мной дверь, и мы скользим по влажному пластику в гостиную. Бассейн наполнен теплой ароматной жидкостью, на плавающем столике — бутылка спиртного и нехитрая холостяцкая закуска. В этом мой друг не изменился: он никогда не придавал еде особого значения.

Мы ложимся в бассейн, и Крис начинает без предисловий:

— Я знаю, у тебя есть вопросы. Ты, вероятно, обижен. Но хочу предупредить: оправдываться я не намерен. Я не забыл о нашей дружбе, но есть вещи поважнее.

«Вот как запел, — думаю я. — А ведь когда я давал ему рекомендацию для избрания в Совет, он клялся, что не забудет этой услуги.»

Но я не собираюсь его попрекать. Если начать выяснять отношения, не останется времени на главное. Мне важно знать, почему Совет изменил проект и что собирается делать дальше.

— Ты меня знаешь, Крис. Мне не нужны оправдания. Мне нужна информация. Совет отодвинул меня от дела, которому я посвятил годы жизни. Дело не в обиде. Я много знаю и хорошо понимаю тонкости проекта. Если Совет считает, что может обойтись без меня, значит, у него есть свое представление о том, что хорошо для диатрийцев, а что плохо. Я просто хочу услышать, что Совет собирается делать дальше.

Крис с облегчением вздыхает. Похоже, больше всего он боялся скандала. Обманутый моим внешним спокойствием, он проговаривается о том, о чем, скорее всего, должен был молчать. Думаю, Совет не скажет ему за это спасибо.

— Я рад, что ты проявляешь благоразумие. Нет причин беспокоиться. Мы считаем, что изменение некоторых параметров немного сдвинет сроки проекта, но не повлияет на конечный результат.

Я молчу. Сейчас важно, чтобы он выдал как можно больше информации. Крис продолжает:

— Мы включили в график проекта операцию «Сафари». Это позволило вернуть затраты, пополнить казну и оживить экономику. Диатрийцы полны энтузиазма и благодарности Совету. Ты ведь знаешь, нам через пару лет переизбираться.

Крис смотрит на меня. Я вежливо киваю, и он пытается меня успокоить:

— Как ты и планировал, диатрийцы переселятся на Голубую планету, но перед этим получат награду за миллионы лет, проведенные в криохранилище. Стин все рассчитал.

— Стин?

Крис рассказал мне о том, чего не было в библиотечных записях, — и пазл сложился. Стин — богатый и уважаемый диатриец, которого регулярно переизбирают в Совет. Делец до мозга костей. Он не упустил случая нажиться на Голубой планете и устроил все так, чтобы Совет совместил колонизацию с возможностью «оттянуться по полной». Именно он убедил членов Совета организовать сафари в виртуальном мире, созданном Прото-Чжу для аборигенов.

О да, старые козлы из Совета думали, что сами принимают решение. Но это было решение Стина, продиктованное алчностью. Им казалось, что они придумали нечто блестящее: совместили переселение с сафари. Какое торжество демократии. Какая прекрасная возможность купить поддержку избирателей.

Я понимаю: это только начало. После того как диатрийцы уничтожат все живое в виртуальном мире Голубой планеты, они не успокоятся. Они отправятся в другие миры, чтобы продолжить безумную кровавую вакханалию. Меня мутит.

Я был редким дураком: верил, что смогу убедить диатрийцев отказаться от убийств и жить в гармонии с окружающим миром. Но нет... Я мог бы долго предаваться унынию, но сейчас важнее собрать информацию.

— Что происходит на Голубой планете и в ее виртуальном мире?

Крис молчит, а потом говорит то, что окончательно меня добивает:

— Мы запустили операцию «Зов». Сейчас почти все разумные существа переселены в виртуальный мир. Этот мир, правда, не достроен, и аборигенам там не совсем комфортно, но для сафари это не помеха. Правда, пару лет назад несколько экземпляров смогли сбежать из виртуального мира обратно в реальность. Но и это не проблема. Мы знаем, где они обосновались. Сегодня Стин отправится в реальность, чтобы произвести зачистку.

— Стин? — Я ошарашен.

— Да. Он настоял на том, чтобы самому показать пример храбрости. Все готово к вылазке. Сегодня Стин продемонстрирует диатрийцам свои успехи в сафари. Он выйдет в реальность и уничтожит беглецов. Голубая планета должна быть свободна от любой разумной жизни. Нам не нужны конкуренты.

Я молчу. Что я могу противопоставить их идее? Только свою. Только свое представление о том, что хорошо и что плохо. А с такими аргументами бесполезно спорить с теми, кто стоит у власти. К тому же у меня нет данных, чтобы рассчитать последствия. Слова против слов, и я — в более слабой позиции.

Они уверены, что все развивается по плану и успех сопутствует их проекту. Но они никогда не работали над задачами такой сложности и не знают: в любой момент все может измениться. Реализуется маловероятный риск — и все пойдет наперекосяк. Сейчас бесполезно убеждать их, что внесенные изменения опасны непредсказуемыми последствиями.

Поэтому я не спорю. Просто выбираюсь из бассейна и направляюсь к выходу.

Крис волнуется:

— Что ты собираешься делать?

— А что я могу сделать? Только ждать, когда вы упадете мордами в дерьмо и сами прибежите за помощью. Реализация проекта была основана на точных расчетах. Мы учли все, что могли учесть с нашими знаниями. Там, где знаний не хватало, предполагалось двигаться малыми шагами, чтобы избежать фатальных ошибок. Вы же просто шагнули в пропасть, решив, что можете контролировать все. Довольно наивно. И преступно, учитывая, что на кон поставлена жизнь нашей цивилизации.

И все ради чего? Ради амбиций Стина. Ради животного инстинкта толпы. Ради вашего желания оставаться у власти. Но не стоит забывать: настроения толпы переменчивы. Она может вознестись, а может с легкостью растоптаться.

— Ты знаешь что-то, чего не знаем мы? — спрашивает Крис.

— Да, — отвечаю я и выхожу за дверь.

Сафари

Я блефую. На самом деле я не знаю ничего, кроме того, что жизнь сложнее рассуждений политиков.

Согласно сценарию моего проекта, после получения контроля над Чжу диатрииды должны были терпеливо ждать удобного момента для материализации. Будь я у руля, мы дождались бы, пока Прото-Чжу закончит переселение обитателей Голубой планеты в виртуальный мир, и только потом заняли бы освободившееся пространство.

Однако Стин настоял, и Совет принял решение нарушить порядок вещей, обеспечивавший безболезненный перенос мира Голубой планеты. Что происходило в ее виртуальном мире, когда часть важнейших элементов существования осталась в реальности, я представить не мог. Но подозревал, что виртуальный мир Голубой планеты испытывает серьезные проблемы.

Чжу рассказывал мне, насколько сложна технология переселения планеты в виртуальный мир, как важно воссоздать мир целиком. Нельзя остановиться на полпути. Миры находятся в хрупком равновесии. Стоит что-то упустить — и все разрушится: разорвутся пищевые цепочки, распадутся природные ниши, начнутся непредсказуемые процессы передела влияния. Мир погрузится в хаос, который породит войны и бессмысленные смерти.

Что же предпринять? Процесс зашел слишком далеко... Оставалось только наблюдать.

Я устроился в ванне с коллоидом на уличной террасе кафе. Гигантский экран был прямо передо мной — достаточно близко, чтобы разглядеть детали, и достаточно далеко, чтобы не вертеть головой от одного края к другому. Место было идеальное.

Через час ментальное тело Стин должно было получить физическую оболочку. Все ждали его выхода на поверхность. Ликующие толпы высыпали на улицы. Везде только и говорили о скором переселении на новую планету, где жизнь снова станет радостной и прекрасной. Рекламные экраны показывали виды Голубой планеты: океаны и леса манили к себе, подталкивая нетерпеливых к действию.

Все готовились увидеть первое сафари — в прямой трансляции. С небольшой задержкой, пока Прото-Чжу обработает сигнал с физических датчиков и передаст его в наш виртуальный мир.

Зажигается ночное городское освещение. Экран передо мной вспыхивает бегущими огнями. Я вижу слабо освещенное пространство пещеры и знакомый цилиндр в центре. Картинка не слишком подходит торжественности момента, но все слишком взволнованы, чтобы обращать на это внимание. Камера показывает заполненный коллоидом туннель, по которому пройдет Стин.

Стенки колодца раздвигаются, и появляется Стин. Его тело совершенно. Лапы мощно бугрятся мышцами, длинное гибкое тело скользит сквозь коллоидный раствор. Он действительно хорош — ничего не скажешь. Раздается общий вздох восхищения. Я, как и многие самцы, чувствую легкий укол ревности и думаю, что самки, должно быть, уже вспомнили о своих давным-давно забытых детородных функциях.

Я вспоминаю, каким Стин был в прежней жизни: толстым и обрюзгшим. Но теперь это не имеет значения. Его ментальное тело получило совершенную физическую оболочку.

Я вижу, как волнообразно колеблется его тело с длинным, слегка уплощенным по вертикали хвостом, как гребут перепончатые лапы. Вот он приближается к круглым дверям шлюза. Они открываются, и мы видим помещение лифта, который поднимет нашего героя наверх — в неизвестный мир новой планеты.

Подъем длится несколько минут. Я успеваю прикинуть глубину выхода колодца: около пяти километров ниже поверхности. Интересно, куда именно он ведет?

Стин поднимается легко и непринужденно: гравитация на новой планете чуть меньше, чем на Диатрии. Лифт останавливается. Стин готовится выйти в новый мир. Ничего неожиданного произойти не должно. Наружные датчики шлюза показывают: пространство вокруг колодца свободно.

Наконец в верхней части лифтовой камеры медленно раскрываются лепестки диафрагмы. Раздается вздох восхищения. Мы видим ночное небо. Звезды, собранные в незнакомые созвездия, горят на черном безоблачном куполе. Слева от выхода сияет крупное светило, похожее на желтый фонарь, — спутник Голубой планеты, который аборигены называют Луной.

Наш герой поднимается во весь рост и выглядывает наружу. Его нателные датчики передают изображение окружающего мира. Операторы постарались: мы можем по достоинству оценить новый мир. Вдали видны холмы. Слева, на высокой скале, стоит круглая башня. На ее вершине вспыхивает и гаснет огонь. Жители планеты знают мореходство — не так уж они примитивны. Но где им сравниться с нашей цивилизацией, прошедшей миллионы лет развития. Их жалкие корабли — ничто по сравнению с мощными космолетами, которые строила Диатрия, пытаясь покорить Вселенную.

Стин выходит наружу. Ухватившись одной лапой за край колодца, он выбрасывает свое гибкое тело на поверхность. Красиво, ничего не скажешь. Будь у меня такое тело, я бы тоже сумел. Диатрийки в восторге. Я слышу их вздохи.

Стин стоит на мокром камне рядом с колодцем. Рядом — страж, охраняющий вход. Мы видим, как закрываются лепестки диафрагмы. Труба колодца уходит вниз, а шероховатая крышка, отделанная под камень, сливается с грунтом. Теперь кажется, что наш герой один-одинешенек на далекой планете.

И тут инфракрасные датчики показывают: от береговой линии по каменистому дну прямо к колодцу движется тепловое пятно. Наш герой отступает к центру площадки. Похоже, он собирается сбежать. Трус! Я слышу возгласы разочарования...

Я вижу небольшого зверька. Он покрыт клочковатой шерстью, морда изуродована шрамом. Зверек что-то ищет: поднимает палкой водоросли, заглядывает в расщелины между камнями, выискивая, наверное, съедобную морскую мелочь.

Но Прото-Чжу хорошо изучил местных жителей и их повадки. Стин получил точные инструкции. Он достает из сумки золотые украшения в форме капелек, разбрасывает их вокруг колодца и ложится на мокрое каменистое дно. Его тело темнеет, покрываясь зеленоватым узором. Я понимаю: сейчас начнется сафари.

Зверек замечает приманку. Он поднимает золотую капельку, полощет ее в каменной лоханке с водой, потом берет в рот, словно пробуя на вкус. Похоже, приманка ему понравилась. Он начинает собирать сверкающие украшения в защечные мешки и мало-помалу приближается к колодцу.

Стин все плотнее вытягивает тело вдоль трещины в камне. Теперь заметить его невозможно. Зверек поднимает очередную золотую капельку и разглядывает находку. В этот миг Стин проскальзывает ему за спину и поднимается на задние лапы во весь рост. Он в несколько раз выше зверька.

Его бахвальство неуместно, но Стин упивается собственной удалью. «Хорошо бы зверек заметил этого болвана и убежал. Вот была бы потеха. Можно подумать, есть чем хвастаться, когда добычу подвели прямо к твоим ногам», — думаю я.

Но Стину везет. Увлеченный находкой, зверек ничего не замечает вокруг. И Стин делает то, ради чего затевалась эта рекламная съемка: наносит удар в основание черепа жертвы. Мы слышим хруст позвоночника. Я чувствую этот звук каждой клеточкой тела. Два вертикальных клыка точно входят в позвоночник жертвы. Следом боковые жвалыца — плоские и острые — проникают в шейные артерии. Тело зверька взлетает на высоту вставшего во весь рост диатрийца.

Раздается вопль толпы:

— Сафари!

Каждый вспоминает незабываемый вкус крови, знакомый всем нам. Этот вкус не может заменить коктейль, которым сегодня бесплатно поят диатрийцев городские власти. «Сафари!» — крик летит из края в край, нарастая с каждой волной.

Я не знаю, как операторы смогли это сделать, какие флюиды передали, но в своей ванне, наполненной теплой слизью, чувствую этот вкус так, будто сам вонзил зубы в жертву. Будто по моему пищеводу течет теплая кровь.

Диатрийцы видят Стину на огромном экране и чувствуют себя на его месте. Тело зверька дергается в последний раз, и Стин приступает к самой волнующей части сафари. Он опускает жертву на мокрые камни и ложится рядом.

Мы наблюдаем, как распадается тело Стин: рядом со зверьком появляется россыпь частиц. Через разрезы в артериях они медленным непрерывным потоком вползают внутрь. Кажется, будто тело зверька снова наполняется жизнью. Опавший, съжившийся комочек серой шерсти превращается в упругое тело, полное скрытой энергии.

И я понимаю, что Стин не так уж плох. Он готовится к новой охоте. Сафари будет продолжено. Утром зверька найдут сородичи. В соответствии с традициями, которым следуют все существа на низких стадиях развития, они соберутся проститься с умершим. Вот где развернется настоящее сафари!

Я лежу в ванне со слизью, пытаюсь освободиться от гипнотической власти увиденного. С древним инстинктом убийства справиться трудно. Я понимаю: мир Голубой планеты обречен. Не этого я хотел, когда задумывал свой проект. Я мечтал, чтобы мой народ вышел из душного виртуального мира на свободу. Но разве такую цену должны были заплатить жители Голубой планеты?

Я изможден сегодняшними переживаниями, но, перед тем как уснуть, у меня хватает сил попросить официанта проследить за температурой коллоидного раствора. Уже в полудреме я вижу рядом со своей ванной странное существо, напоминающее стража: такое же паучье тело с четырьмя парами угловатых шипастых ног. Но вместо сегментированного брюха, в недрах которого прячется смертоносная игла, у этого существа — ажурная решетка с прозрачным шаром внутри. Странное незнакомое слово всплывает в засыпающем мозгу: Арроджадо.

Конец сафари

Я просыпаюсь в ванне с коллоидным раствором. Обрывки сна всплывают в сознании. «Арроджадо», — мысленно произношу я, но не могу вспомнить, что значит это слово.

Я зову робота-официанта и выговариваю ему за остывшую ванну.

— Простите, господин Эрто. День был тяжелым. Официанты с ног сбились.

— Я что-то пропустил?

Он смотрит на меня:

— Неужели вы ничего не видели?

— Да что случилось-то?

— Аборигены прикончили Стину.

— Не может быть!.. Как им это удалось?

— Никто не понимает, как такое стало возможным. Диатрийцы в истерике. Много суицидов и нервных срывов. Психиатрические службы не справляются.

— Неужели все так плохо?

— Вам лучше самому посмотреть. Видео крутят на всех экранах. Жуткая картина.

Я смотрю на рекламный щит. Прото-Чжу поработал отлично: он классифицировал всех участников сражения. Передо мной представители несколько разумных видов, которых я уже видел на голограммах в библиотеке: двое мелких лесных троллей, дракон, козлоногий, самка человека, два эльфа и домовой.

Я просматриваю последние кадры: самка человека заливает фрактальные частицы Стину раствором, и его останки превращаются в желто-розовую вязкую слизь. Зрелище ужасное, но мне предстоит понять, как все это могло произойти. Я запускаю просмотр на персональном экране в замедленном режиме, эпизод за эпизодом.

Я вижу, как мелкие лесные тролли достают сородича из воды и несут в лес. Они поднимаются на вершину холма и кладут тело на большой плоский камень. Вскоре тело жертвы осматривает домовый. В защечных мешках он находит приманку и обнаруживает след укуса.

Это должно было насторожить Стину. Ему следовало выйти и продолжить охоту, но болван расслабился. Его можно понять. Дробление на фрактальные элементы в кровеносных сосудах жертвы — приятная процедура, да и вбирание последней жизненной энергии — удовольствие отменное. Однако Стин упускает момент, когда следовало вмешаться. Он блаженствует, а тем временем над его бездарной головой сгущаются тучи.

К полудню появляются эльф и другие участники событий. Оружие у них примитивное, но и это должно было насторожить охотника. Увы, Стин совсем расслабился. Это его и сгубило.

Аборигены делают вскрытие и обнаруживают присутствие охотника. У Стину еще есть шанс все исправить, но он тянет время.

Эльф накрывает пространство вокруг Стину защитным колпаком и понижает температуру в зоне действия поля, используя технику управляемой энтропии. Стин выходит из тела тролля, чтобы нанести удар, но он не в лучшей форме: движения скованны, реакции заторможены. В довершение всего эльф и домовый, вступившие со Стиним в схватку, не позволяют охотнику проникнуть в их сознание. Они видят все, что он делает, и слышат его. Стину удается отключить остальных участников, но это уже не помогает.

Все заканчивается тем, что домовый ударом иглы разрушает мозговой центр Стину. Это лишает охотника способности собрать тело. Фрактальные частицы переходят в режим распределенной автономной работы и пытаются сбежать. Если бы им это удалось, Стин спасся бы. Все, что ему требовалось, — отлежаться и пересобрататься где-нибудь в укромном месте.

Но не тут-то было. Эльф повторно использует управляемую энтропию и замораживает фрактальные частицы. С дробным стуком они падают на металлическую поверхность стола. Женщина собирает их и растворяет в плавиковой кислоте.

Когда на экране идут последние секунды схватки и все видят, как этот болван совершает ошибку за ошибкой, старательно приближая собственную смерть, среди диатрийцев поднимаются ор и скрежет зубовой. Самки бьются в истерике. Смерть Стина ужасна. Диатрия воет от горя.

Это не просто плач по убитому. Это проснувшийся страх смерти. Каждый диатриец пересмотрел ужасные кадры многократно. Каждый представил себя на месте несчастного Стина: почувствовал, как меч отрубает ему голову, как ужасная игла поражает энергетический центр, как разрушается тело и, в довершение всего, как фрактальные частицы растворяются в плавиковой кислоте.

Б-р-р! Ужасно... Никому не пожелаешь погибнуть так бесславно. Могу себе представить, как пройдет следующая ночь. Коварные аборигены будут раз за разом убивать диатрийцев в кошмарных снах.

Все напуганы. Диатрийцы не могли предположить, что примитивные аборигены владеют искусством управляемой энтропии, что их реакция может быть такой стремительной. И главное — что диатриец не сможет подчинить себе сознание жертвы.

Мне не жаль этого бездарного счастливчика: он получил совершенное тело и шанс первым попасть на планету мечты — и так глупо все закончил. Не помню в нашей истории другой столь же нелепой смерти. Это же надо — раствориться в банке с плавиковой кислотой. Прямо готовый образец для тех, кто ищет способ свести счеты с жизнью.

Думаю, в ближайшее время мы еще увидим несколько таких смертей в нашем виртуальном мире. Многие и без того живут в депрессии. Впрочем, это я иронизирую. Можно сколько угодно издеваться над этим болваном, но дело плохо.

Очередь желающих переселиться на новую планету быстро тает. Заявки на переселение одна за другой аннулируются. Никто больше не хочет на эту ужасную планету, где аборигены так коварны и безжалостны. Впрочем, вряд ли мои собраты задумываются о том, что никто не звал нас на Голубую планету, а ее обитатели всего лишь защищают свои примитивные жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.